

ГАЛИНА ГЕРАСИМОВА

Сердце сокола

Не ищи красоты,
а ищи доброты.

Annotation

Выйти замуж за колдуна? Запросто. Уехать в столицу, бросив провинциальную жизнь? Без проблем! Похудеть? Вот с этим сложнее. Но когда твой муж постоянно влипает в неприятности, а ты оказываешься в них втянутой, научишься справляться с любой задачей!

- [Галина Герасимова](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Эпилог](#)
-

Галина Герасимова

Сердце сокола

© Г. Герасимова, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

– Вдохни глубоко. Ещё глубже!

Я послушно выполнила требование мачехи, чувствуя, как узорчатый пояс сдавливает талию сильнее тисков. Кажется, можно было смело забыть, как дышать. Оставалось надеяться, что трещит поясок, а не рёбра.

– Варя, она должна быть как тростинка, как песочные часики, – со стоном выдохнула мачеха, хотя стонать должна была я: именно надо мной они колдовали весь вечер, пытаюсь упаковать в нарядное платье. – А у нас что?

В зеркале отражалась курносая русоволосая девушка с нарумяненными щёчками, узкими глазами и с игриво проглядывающим вторым подбородком. Да уж, я мало походила на фею, которую желала видеть мачеха. Что поделать, люблю поесть, а пирожки, копчёности и прочие яства оставляют свой след на фигуре.

Отцу нравилось, он меня ласково называл Оладушкой вместо Лады, а вот мачеха ругалась. А как ей не злиться, если старшую падчерицу никто не хочет брать в жены, с такими-то формами! К её родной дочери – моей младшей сестрице Алёнушке, – начали свататься ещё с прошлой зимы, а моё девичество затянулось.

– Слишком она румяная. – Мачеха покачала головой и щедро добавила на лицо белил. В носу засвербело, и, чтобы не расчихаться, я сморщилась, стараясь глубоко не вдыхать. – Нынче в моде аристократическая бледность, а Лада наша, как поросёночек.

«Зато есть за что подержаться...» – могла бы возразить я, вспомнив, как хохотала на кухне тётка Фрося. Правда, я весьма смутно понимала, что значит эта фраза, и из-за этого снова могла попасть впросак. Недавно вот ляпнула при мачехе присказку «и на старуху бывает проруха», так та едва чувств не лишилась. А когда отошла от удивления, запретила мне ездить со служанками на речку – мол, нечего слушать их болтовню. Я, конечно, расстроилась, но не призналась, что фразу не от прислуги услышала, а от отца.

– Госпожа, а с волосами что делать? – прогудела Варя, приподнимая мою копну.

– Вплети в косу синюю ленту, под цвет глаз. А к платью подойдут бирюзовые серьги. Куда же они запропастились?..

Пока Варя и мачеха искали украшения, я скорбно сидела на стуле, дыша через раз. Было бы ради чего стараться! Подумаешь, смотрины! Таких встреч с полдюжины за последние полгода было, приелись уже. Сговариваясь с женихами, отец благоразумно не показывал мой портрет. Но как только доходило до встречи, глядь, а жениха и след простыл. Приданого за мной богатого не давали, красотой природа не наградила – и надежда найти богатого, молодого и нежадного зятя таяла на глазах. «Если только слепого!» – хихикала младшая сестрица.

Я на Алёнушку не обижалась. Сама виновата, что так себя запустила. В детстве я носилась по окрестностям, худая как палка: то в поле со стогов кататься, то в лещину за орехами, то на Моревку – переплывала её на спор. А стоило войти в девичество, как вдруг оказалось, что не дело купеческой дочке со слугами в догонялки играть, надо блюсти приличия. Вот я и сбегала в сад с интересной книжкой, чтобы вприкуску с ароматным пирожком почитать о чудесных странствиях!

Стоило вспомнить о еде, как желудок заворчал, сдавленный поясом. Пирожок хотелось нещадно. А не его, так хоть яблоко, я уже и на меньшее была согласна. Мачеха, узнав о приезде жениха, неделю меня не кормила ничем, кроме пустого бульона с утра. Хорошо, что у меня в запасе сухари были, ими и спасалась. Увы, вчера и они закончились.

Поскорее бы с женихом встретиться, а там и голодовка закончится. На суету мачехи я смотрела с равнодушием, не мешая, но и не помогая. Что ни делай, всё равно чучелом выгляжу, а если ещё и Алёнушку рядом поставить, то вовсе никто не взглянет. Поначалу я переживала, плакала от такой несправедливости. И замуж хотела, чего уж там. Потом, правда, послушала, как некоторые семейные пары общаются, и успокоилась. Когда же средняя сестрица приехала из Ярограда – нашей столицы, и рассказала о колдовстве, я начала мечтать, что однажды сама колдуньей проснусь!

Василиса отправилась учиться в Колдовскую Башню, когда мне шёл четырнадцатый год. Ей же едва стукнуло двенадцать, но наши домашние учителя руками разводили, такой она росла умницей. Складывать и вычитать умела, грамоту знала и писала красиво так, с

завитушками. А главное, она умела колдовать. Бывало, такие замки из капель воды построят – залюбуешься!

Я любовалась и завидовала по-хорошему, радуясь даже маленьким её победам. Хотелось бы и мне творить чудеса! Но как я ни старалась зажечь свечу силой мысли, всё равно просиживала ночами в темноте. Мачеха, конечно, прознала об этом и поговорила со мной – без криков, по-женски. Объяснила: у каждого своё предназначение. Моё в том, чтобы выйти замуж, родить детей и вести хозяйство.

– Ну вот, готово. Встань.

Варя завершила последние штрихи в моём наряде, украсила уши длинными голубыми серёжками и нацепила бусы в тон. Мачеха критично оглядела меня с ног до головы, поправила складки на платье (как ни поправляй, а жирок не спрячешь!) и вдруг с возмущением охнула:

– Что это за сапоги? Варвара!

– Сейчас исправлю, госпожа. – Она хихикнула в кулачок, глядя на мою обувь, и бросилась к шкафу, где лежали парадные туфельки.

Вот ведь! Охотничьи сапоги, удобные и мягкие, неплохо сидели на моей ноге, но для приёма не годились. С другой стороны, кто их там под платьем разглядывать будет?

Чистенькие туфельки из чёрного бархата на потолстевшую ногу еле влезли – последний месяц я себя в еде не ограничивала, как предчувствовала голодание. Пройтись в этой изящной обуви по зале я смогла бы, а вот танцевать вряд ли. Но ведь танцевать никто не попросит?

– Послушай. Веди себя, как я учила: глаза опусти, голос не повышай, глупости не болтай. Твой отец с таким трудом отыскал жениха и договорился о выкупе! Постарайся понравиться.

«Или хотя бы не испугать», – не договорила мачеха, но я прочитала всё по взгляду. Ладно, лишь бы жених был не старый и не дурак, а там стерпится – слюбится.

* * *

Как я добиралась до залы в тесных туфлях – отдельная история. Шла по начищенному до блеска полу, словно по накатанному льду,

боясь сделать лишнее движение. К счастью, раскланиваться с гостями не пришлось. Наученный горьким опытом, отец выделил для встречи светлицу, где я должна была до знакомства с женихом заниматься вышивкой. Бдительная нянюшка сидела рядом, готовая исчезнуть при необходимости. Мачеха так мечтала выдать меня замуж, что собиралась поступиться приличиями. А пока я маялась в ожидании, гостя старательно угощали вином, чтобы мой внешний вид не сильно его смутил. О том, каково мне выслушивать пьяную, но предельно честную оценку собственной «красоты», никто не задумывался.

– Не грусти, Ладушка. Говорят, жених твой – мужчина хоть и не слишком знатный, но уважаемый. К нему за советом заходят, да и в столице его имя на слуху.

– А слухи хорошие, нянюшка? – на всякий случай уточнила я, делая очередной стежок.

– Разные слухи ходят, – вздохнула старушка. – О том, как сиротам помогает, как драчунов развести может. К тому же о любовницах его никто не слыхивал, а это немало значит. – Нянюшка обняла меня за плечи, стараясь ненароком не помять платье и не испортить причёску. – Ты с ним поласковой будь, может, и сладится у вас. Горюшко ты моё ненаглядное!

Она всхлипнула, целуя мою макушку, и у меня тоже в носу защипало. Ну, нянюшка, удружила! Сейчас жених придёт, а я сижу с опухшим от слёз лицом. Будто раньше хороша была!

В дверь постучали. Я быстро вытерла слёзы и вернулась к вышивке. Веточка вышла правдоподобной, листики тянулись к солнцу, как живые, а вот воробушек от волнения сам на себя не походил. Стежки плясали по полотну, превращая солнечные лучи в косой дождь. Ещё и криворукой посчитают! Я сделала маленький стежок, создавая видимость работы, и подняла взгляд, чтобы посмотреть на гостей.

Первым в глаза бросился отец в праздничном алом камзоле с чёрными штанами и начищенными до блеска сапогами. Круглый и низенький – можно было не гадать, в кого я пошла статью. От пышных некогда волос у батюшки осталась залысина, прикрытая париком. Мачеха в расшитом жемчугом платье стояла рядом с ним белой лебёдушкой.

Следом за родителями зашёл незнакомец, которого мне прочили в мужа. Я только и заметила, что высокий блондин, да взгляд прямой, не робкий – и тут же глаза отвела. Негоже девице на парней заглядываться, даже если это жених.

– Вот и дочь наша, Лада, – заулыбался отец. Щёки у него покраснелись, глаза заблестели, а пряный запах вина разнёсся по светлице. Видно, не по одному бокалу с гостем выпил, прежде чем решился вести его ко мне. – Поздоровайся, милая, со своим женихом Финистом Кощеевичем.

Я отложила вышивку, встала и поклонилась, как мачеха учила: с достоинством, неспешно.

– Здравствуй, Финист Кощеевич. Рада знакомству.

В ответ – тишина. Не такую красоту жених ожидал увидеть. Что дальше будет, я за полгода выучила наизусть. Сейчас скажет, что ему не позволяет жениться давняя клятва – и ищи ветра в поле. Я уже приготовилась выслушать очередной отказ, но отец решил схитрить.

– Пойдём, Никитична, выпьешь чарку за будущее счастье молодых. А детей оставим, пусть пообщаются, – ласково обратился он к нянюшке, а сам покосился на мачеху: правильно ли сказал? Наверное, вчера весь вечер разучивал, что гостю дорогому говорить, чтобы не оплошать.

Нянюшка будто ждала. Куда старость подевалась! Проскакала мимо меня козочкой, а ведь вчера жаловалась на больные спину и ноги. Мачеха, прежде чем выйти, нахмурила тёмные брови: мол, помни, о чём говорили. И закрыла дверь. А я с женихом осталась.

Страшно стало и смешно. Финист разглядывал меня и молчал, я же уткнулась в рукоделие, делая вид, что вышиваю. Руки так дрожали, что стежки плясали по всему полотну, превращая мелкий дождь в ливень. И о чём говорить? Меня всегда учили, что мужу перечить нельзя. А если жених молчит, то и мне молчать, выходит? Глупо как-то получается. И смотреть на него украдкой глупо. Нет, как ни крути, а ничего худого от разговора не будет.

– Что вышиваешь, невестушка?

– Как добрались до нас, на перекладных? – спросили мы одновременно и неловко замолчали.

Голос у Финиста оказался вкрадчивый, с приятными бархатистыми нотками. Заслушаешься.

– До Больших Ольховиц на своём Ветре, а там поменял.

– Ворона... То есть воробушка.

И снова мы заговорили вместе. Я ещё и ляпнула про ворона! – а как не ляпнуть, когда вышитая птичка на воробушка похожа, как я на лебёдушку! Прикусила губу, сгорая от смущения.

– Вы за коня не переживайте, в Ольховицах о нём хорошо позаботятся. И почистят, и напоят-накормят. А если кто из мальчишек захочет прокатиться... То хуже моему Ветру не станет. Он в деннике стоять не привык.

– У вас, наверное, много работы? – понимающе кивнула я.

– У колдунов её мало не бывает, – словно забавляясь, ответил жених.

Внутри всё перевернулось, и теперь я смотрела на него во все глаза, забыв о смущении. У колдунов? Да разве бывают они – такие? Единственным колдуном, которого я видела, был седовласый старик, приехавший за Василисой. Но чтобы молодой и красивый?.. Глупо, конечно, что раньше о таком не подумала: если сестру взяли в ученицы в детстве, то и парней могли забирать довольно рано.

Я так удивилась, что до крови уколола палец. Отдёрнула руку, слизнула набухшую капельку, чтобы не испачкать вышивку, – и поймала внимательный взгляд жениха. Он шагнул ко мне, наклонился. Вот странно: батюшка угощал его вином, но этим напитком от Финиста почти не пахло. Зато доносился аромат леса на рассвете, бодрящий и немного терпкий.

– Боишься? – проникновенно спросил жених.

– Нет, не боюсь, – ответила я честно. – Моя сестра тоже колдунья.

– А ты? – И смотрит так выжидающе.

У меня отчего-то голос перехватило. Казалось, скажи я «да», и он возьмёт меня в жены – некрасивую, неказистую, зато одарённую. Но кто же начинает отношения с вранья?

Я качнула головой, и Финист накрыл мою уколотую руку своей. Провёл пальцем по ранке, словно пёрышком.

– Многого же ты о себе не знаешь, Лада Митрофановна, – загадочно добавил он, и боль ушла.

Не успела я ни расспросить, ни поблагодарить жениха, как он подошёл к закрытым дверям и распахнул их настежь. Отец и мачеха с той стороны едва отпрыгнуть успели.

– Где же это видано, чтобы незамужняя девица с мужчиной за закрытыми дверьми сидела? – укоризненно спросил Финист.

Отец пошёл пятнами, а мачеха, наоборот, побледнела. Ведь и вправду, просиди мы наедине подольше и откажись жених от свадьбы – тогда уж точно никто меня замуж не позовёт. Останется разве что за вдовца с кучей малых детей идти или в монастырь.

– Да полноте вам, Финист Кошечевич! Мы вам доверяем, разве бы кто подумал, – замахал руками отец.

– Кто что подумает, его дело, – спокойно возразил Финист батюшке, смотря при этом на меня, – но невесту глупые сплетни могут расстроить. Наедине мы наговоримся, как свадьбу сыграем. – И локоть мне подставил, приглашая вместе в залу пройти.

Нянюшка ахнула. Мачеха ладонь к губам приложила от растерянности. Я тем более не знала, что сказать и сделать. Что же он, неужели не отказывается от свадьбы?

На вид Финист годков на десять меня старше, не больше, и суровости всей – в шраме от губы до подбородка. Да и статный он, в отличие от нас с отцом. Когда руки на груди сложил, синяя ткань рубахи натянулась, и все девицы в зале на него неприлично уставились. Даже сестрица моя, Алёнушка, из-за спин подружек выглянула. Ей всего пятнадцать годков стукнуло, а она заневестилась, расцвела красой. Волосы, как золото, густые, длинные, сама высокая и стройная, и спереди есть на что посмотреть, и сзади всё ладно. Парни вокруг неё пчёлами вились. Если бы Финисту Алёнушку предложили, он точно согласился бы.

– Митрофан Степанович, дорога была долгой, не до танцев сегодня. Лучше обсудим, когда свадьбу играть. Мне у вас задерживаться некогда, дела ждут.

– Конечно, Финист Кошечевич, как пожелаешь. Может, вина ещё подать? Или блюд каких? – засуетился отец, уводя гостя, чтобы тот меня внимательней не разглядел. Вдруг передумает?

А я забыла, как дышать. К щекам прилила кровь, и я гадала, глядя вслед жениху, как так получилось, что он согласился на свадьбу? Тут подскочила мачеха, быстренько подхватила меня под локоток и повела в опочивальню, чтобы я чего не ляпнула напоследок.

Когда за мачехой закрылась дверь, я заметалась, не находя себе места. Эта свадьба не давала мне покоя! Другая невеста радовалась бы – жених пригож и молод, – но меня одолевала тревога. Чужая я какой-то подвох. Ведь он мог любую выбрать, ту же Алёнушку, и она пошла бы за него, мать с отцом уговорив. Финист за неё приданое получил бы хорошее – отец на младшенькую дочь никогда не скупился. А тут самому платить придётся. Странно всё это.

Я не считала себя глупой: сестра Василиса быстро отучила меня от такой мысли. Однажды привезла книжку с задачками и первый вопрос вслух задала, размышляя, а я взяла и ответила. Она другой вопрос подбросила, уже с любопытством, – и тут я не сплеховала. Да разве трудно посчитать, сколько овец на лугу пасётся, если волки троих забрали, а пастухи из другой деревни ещё восьмерых привели. Наглядно ведь! Тогда сестрица загадками сыпать начала, а как поняла, что я легко очень отгадываю, сели мы за учёбу вместе. Так и перерешали всё, пока она летом у нас отдыхала.

Привыкла я с тех пор думать, отчего что происходит. И сейчас не сходилась у меня условие задачки с её решением. Конечно, подруженьки много баек про красавиц и чудовищ рассказывали, и про царевну-лягушку, но та ведь красавицей в итоге оказалась! А я не чудище заколдованное, от поцелуя царевной не стану.

Если только... Что, если Финисту вообще жена не нужна? Может, ему наказали жениться, а у него любимая есть, да замужем за другим? Вот он и берёт себе любую, лишь бы отстали.

И легче стало, и грустнее. Но ведь любовью одной сыт не будешь, а уважение мужа я получить сумею. Не белоручка чай, хозяйство вести могу. Поддержу мужа во всём, и он тоже мне опорой станет – большего и не надо. Может, и книжки читать разрешит. Устала я свечку под кроватью прятать, чтобы ночами читать: днём-то мачеха как замечала с книгой, так сразу лентяйкой обзывала и выгоняла либо серебро полировать, либо на кухню к тётке Фросе. А тут я сама себе хозяйкой буду – как дела в доме закончу, смогу читать в своё удовольствие.

Сморённая беспокойством и успокоенная тёплым летним ветерком, я чуть не уснула в кресле у окна, как вдруг уловила в полудрёме стук в дверь. Подошла, приоткрыла засов. На пороге ждала Алёнушка. Лучинка у неё в руках едва тлела, сама она зябко

перебирала голыми пятками. Немудрено замёрзнуть, когда поверх платья тонкого одна только шаль вязаная накинута.

– Впусти, Ладушка, – попросила она жалобно.

Я, конечно, за дверью её не оставила. Алёнушка в покои проскочила и на кровать мою уселась. Никогда не могла я сестрице противиться, хоть и знала, что добра от неё ждать не следует. Была она у нас хоть и красавица с милым лицом, да больно упряма, с норовом.

– Ты зачем по ночам ходишь? Мама ругаться будет! – Я на всякий случай выглянула в коридор. К счастью, покои наши рядом были, никто Алёнушку не заметил.

– Волнуюсь за тебя, Ладушка. Сердцу беспокойно. – Сестрица приложила руки к груди. – Как бы жених твой любезный не выставил тебя на посмешище!

– О чём ты?

– Слышала я сегодня от подруженьки моей Аннушки, а та от своей матери, а у той знакомая в самой столице, что Финист после брачной ночи невест бросает. Увозит к себе, потом объявляет, что ему порченную девицу подсунули, и назад отправляет.

– Вряд ли он на мою красоту позарился, – усмехнулась я. – А слухам не верь – люди со зла разное наболтать могут. Финист обманщиком не выглядит, зачем ему так поступать?

– Наивная! – всплеснула руками Алёнушка и наклонилась ко мне. – Говорят, что он колдун, и что ему кровь девичья для ритуалов нужна. Поэтому и женится на невинных девушках. В твоей же невинности сомневаться не приходится. – Она окинула меня насмешливым взглядом, а затем, вспомнив, что пришла отговаривать от замужества, опустила глазки. – Не ходи за него, откажись. Я с матушкой поговорю, найдёт она тебе другого жениха, лучше этого.

Ой ли? Полгода во все стороны брачные договоры рассылали, пять встреч провели. И всё без толку! Где же она так быстро нового достанет? Но Алёнушка, оказывается, к разговору подготовилась.

– Наш учитель танцев давно про тебя расспрашивал, приглянулась ты ему. Разве он не лучше? Умён, обходителен и, главное, уезжать никуда не придётся. А с Финистом в Яроград поедешь. Ну подумай, куда тебе в столицу? – Сестрица взяла меня за руки, заглядывая в глаза. – Так я скажу матушке, что ты отказываешься?

– Нет, Алёнушка, – я накрыла ладони сестрицы своими, стараясь не сравнивать наши руки. У неё-то пальчики тоненькие, изящные, а мои едва в перчатки влезают. – Если судьба мне опозориться после свадьбы, так тому и быть. Не волнуйся раньше времени. Может, всё у нас сладится.

Алёнушка ноздри раздула, руки выдернула и с кровати вскочила.

– Я о тебе забочусь, а ты меня совсем не слушаешь! – Она топнула ножкой, а у самой слёзы на глазах выступили.

Вот и поговорили.

– Ну, не сердись, – примирительно попросила я и, подумав, вытащила из ларца пряник. – Будешь?

– Сладкое портит фигуру, – наставительно заметила Алёнушка, но пряник взяла. – Ладно, не буду маме ничего говорить. Но за Финистом пригляжу. Мало ли что. – Она прикусила губу, оглядела опочивальню и добавила хитро: – Сестрица, одолжи мне свои бусы поносить? Я их верну к свадьбе. Уж больно они мне приглянулись, к платью новому подойдут.

– Модница! – фыркнула я, но бусы Алёнушке отдала. Не любила я украшения, да и на лебединой шее сестры они смотрелись лучше.

Обрадованная, она примерила бусы, сверкнула белыми зубками и порывисто меня обняла.

– Спокойной ночи, Ладушка.

– Спокойной ночи, милая.

Я поцеловала её в лоб, и сестрица упорхнула к себе в опочивальню.

* * *

Утро началось с суматохи. Я толком проснуться не успела, как дверь распахнулась, и в покои влетела мачеха, непривычно растрёпанная и взвинченная.

– Как тебе не стыдно! Мы о тебе заботимся, растим, жениха нашли приличного, а тебе всё мало! Любовь у неё, видите ли! Сбежать надумала?

Я удивлённо захлопала глазами, едва успев прикрыться одеялом. В опочивальню набились слуги и охранники с батюшкой и мачехой во

главе. Позади маячила макушка сестры, а у самой двери – о, ужас! – прислонился к косяку Финист, со скучающим интересом наблюдая за всем этим безобразием.

– Что происходит? – поинтересовалась я, пытаюсь справиться с волнением.

– Она ещё спрашивает! – Мачеха подлетела ко мне и влепила пощёчину.

Голова дёрнулась назад, на глазах выступили слёзы. Не столько больно, сколько обидно. За что?! Мачеха замахнулась снова, но на этот раз я перехватила её руку, не позволив ударить.

Сплетни разнесутся быстрее, чем одеться успею, так пусть слуги и меня услышат:

– Я не сделала ничего дурного, – твёрдо сказала я. – Пусть прислуга выйдет, и мы поговорим.

Кажется, мой спокойный тон подействовал. Мачеха оглянулась на домочадцев и челядь, застывших в дверях, но не особенно взволновалась. Зато заметив Финиста, наблюдавшего за скандалом, удивлённо распахнула глаза. Слуги ладно, они в поместье ко всякому привыкли, но что скажет посторонний человек?

– Финист Кощеевич, не могли бы вы ненадолго оставить нас с дочерью наедине? – нервным голосом поинтересовалась мачеха.

Вместо того чтобы уйти, жених зашёл в покои.

– Поскольку Лада – моя невеста, то столь щекотливый вопрос и меня касается, разве нет? А вот челяди здесь и впрямь делать нечего.

Вроде сказал задумчиво, а посторонних как ветром сдуло. Остались родные да сам жених. Впрочем, топот в коридоре я не слышала, так что, скорее всего, слуги подслушивали под дверью. Ну, не глазеют, и то хорошо.

– Могу я одеться, прежде чем мы поговорим?

Лежать в постели с натянутым до носа одеялом было не очень удобно. Я покраснела, не зная, как попросить Финиста не смотреть, но тот сам догадался и повернулся ко мне спиной.

– Скажешь, как будешь готова.

Я поспешно слезла с кровати и выхватила из шкафа первое попавшееся платье. Хорошо, что недавно, по последним веяниям моды, в опочивальне установили ширму. Будь я красавицей, как Алёнушка, могла бы не стесняться, но своими телесами лишний раз

блистать не хотелось. Платье я выбрала не слишком удачное, узковатое в груди, но искать другое времени не было. Наскоро заплетя косу, я вышла из-за ширмы.

– Теперь могу слушать. Так что случилось?

– Не строй из себя невинность! Мы узнали о твоей связи с учителем танцев, – не скрывая разочарования, объявила мачеха.

– О какой ещё связи?

– Не притворяйся. С тех пор, как он перебрался жить в наш дом, слуги часто видели вас вместе. А сегодня утром нашли у него в покоях вот это! – Мачеха потрясла бусами из бирюзы, которые ночью забрала у меня Алёнушка. – Как они попали к нему?

И мне хотелось бы это знать. Я перевела взгляд на сестру, но Алёнушка изобразила полное непонимание. Ясно: будет всё отрицать, и я ничего не докажу.

– ... Не знаю.

Я чуть помедлила с ответом, и от мачехи это не укрылось.

– Лада, или ты рассказываешь всё как есть, или сейчас же отправляешься в монастырь.

– Зачем торопиться с обвинениями? Давайте всё проясним, – вмешался Финист и достал из кармана стеклянный шарик величиной с яблоко. – Забавная вещица, позволяет проверить, правда ли сказана. Наставник из Колдовской Башни подарил мне её на окончание учёбы. Если человек лжёт, шар становится красным, а если говорит правду – зелёным. Не хотите испробовать? – Он протянул шар мачехе. – Скажите, что на моей невесте синее платье.

Я с кислым лицом оглядела свой неудачный наряд из ярко-оранжевого шёлка. Похоже, Финисту не нравился этот цвет, но не я его выбирала. Это наша Алёнушка любила эксцентричные наряды, а портной у нас был один на двоих. Ясное дело, что на красавицу Алёнушку умелец обращал больше внимания, чем на её сестру-толстуху.

Пока я размышляла, мачеха послушно солгала, и шар загорелся красным.

– А сейчас что-нибудь правдивое. Девушка, может, ты попробуешь? – Он протянул шарик сестрице. – Была ли ты с мужчиной в любовной связи?

Мачеха ахнула, а отец гневно сдвинул брови. Но больше меня поразила сестра. Она как-то разом побледнела и, как мне показалось, захотела спрятать руки за спину.

– Я понимаю, что смущаю своим вопросом. Но разве не стоит проверить артефакт на той, в ком не сомневаетесь? Или девице есть что скрывать? – обратился он к Алёнушке.

– Ничего подобного! Просто я смущаюсь говорить о таком вслух при постороннем, – отступила она, скрестив руки на груди.

– Мы уже почти родичи. И поверь, я не питаю к тебе никакого интереса, кроме как родственного.

– Так уверены в Ладе? – зло ответила Алёнушка, а мне стало обидно: она же знала правду!

– Я её жених. Если не я, то кто ей поверит?

– Ладно, я отвечу!

Сестрица зажмурилась, выхватила у него шар и быстро выдохнула «Нет». Тот перекрасился в зелёный цвет.

– Как видите, артефакт правдив. – Финист забрал из рук сестры шар и протянул мне.

Алёнушка выглядела изумлённой и что-то собиралась сказать, но, уловив насмешку во взгляде колдуна, закрыла рот.

Да уж, мне было над чем подумать. Отчего-то показалось, что сестра соврала. Но не могла же она найти себе возлюбленного в пятнадцать лет?! Или могла?

– Невестушка?

Все смотрели на меня, и я поспешно взяла шарик. Руки у Финиста были горячими, а ладони куда больше, чем мои. Чудно как-то: рядом с ним я не чувствовала себя огромной. Он возвышался надо мной почти на голову, такой невозмутимый, уверенный в себе.

– Ты покидала опочивальню этой ночью?

– Нет.

– Была с мужчиной в любовной связи?

– Нет.

– И что, даже не целовалась раньше? – Он склонился ко мне так низко, что жар опалил щёки.

– Н-нет.

– Рад слышать, – тихо сказал он.

Шар продолжал ярко гореть зелёным. Финист улыбнулся, а лицо мачехи разгладилось.

– Но ты встречалась, встречалась с учителем танцев! Слуги тебя видели! – выпалила Алёнушка, окончательно подтверждая: утренний переполох – её рук дело.

– Мы разговаривали о правильном питании и упражнениях для похудения, – призналась я. Не хотела, чтобы родные знали о бесполезных попытках стать стройнее. Всё равно как я ни старалась, ничего не выходило.

– Думаю, стоит попросить прощения у Лады за недоразумение, – сказал Финист и первым склонил голову. – Прости, что побеспокоили.

Отец пробурчал что-то невразумительное, похожее на извинение, а мачеха опустила глаза, не зная, что сказать.

– По поводу свадьбы. Я должен явиться ко двору к концу месяца. С женой, разумеется. Не хотелось бы затягивать, поэтому давайте проведём церемонию как можно скорее.

– Но подготовка... Платье будет сшито через неделю, – ахнула мачеха.

– Невеста хороша в любом наряде, лишь бы была счастливой, – безмятежно возразил Финист.

– Люди не поймут, – пискнула сестрица.

– Думаю, мы и без того дали достаточно поводов для слухов. Митрофан Степанович, слово за вами.

Батюшка посмотрел на меня, на Финиста, подбоченился и, выглянув за дверь, громко гаркнул нашему управляющему:

– Федя! Собирай слуг, рассылай приглашения! Да музыкантов найди, чтобы повеселее, и вели зарезать пару свиней на званый ужин! Вечером будем свадьбу играть!

Я рот открыла от изумления, а Финист подмигнул мне задорно и вышел за дверь.

* * *

Суета завертелась с удвоенной силой. Подружки-служанки собирали приданое: ларь с платьями и сорочками, которые мы с мачехой загодя расшили, полотенца и пояс – жениху в подарок. Варя

на самое дно положила резную шкатулку, что родная матушка оставила мне в наследство. В шкатулке лежали перья да бумага, книжка сказок и обручальное колечко. Когда маменька с батюшкой поженились, кольца носили, а не браслеты.

Мачеха битый час пыталась втолковать мне, как пользоваться белилами, румянами и прочими красками, да так и плюнула под конец. Всё равно я не запомнила. Сложила всё, в суконную ткань завернула и убрала в ларь. Вряд ли я всё это скоро достану – что накрашенной, что нет, красавицей мне не быть.

Опосля всего мачеха выгнала из покоев челядь и увлекла меня за собой для неловкого женского разговора. Откуда дети берутся, я в свои девятнадцать лет знала. И подружки рассказать успели, и в дворовом хозяйстве насмотрелась. То, что собачки и кошечки друг с другом так не играют и не дерутся, мне ещё в четырнадцать лет рассказала тётка Фрося: я думала, что потасовку разнимаю, а оказалось, влезла в любовную игру, за что по руке лапой и получила. Шрам от когтей на всю жизнь остался. Так что мягкие намёки мачехи на то, что меня в первую брачную ночь ожидает, я выслушала с умеренным любопытством. Да и сомневалась, если честно, что Финист ко мне притронется.

Такое бывало. Варя рассказывала, что, когда замуж вышла, к ней муж год не подходил. Её совсем молоденькой отдали, едва пятнадцать стукнуло, а мужу за тридцать было. Он с ней даже в одной кровати не спал, чтобы не смущать, на сундуке зимовал. А как попривыкли друг к другу, притёрлись, стал знаки внимания оказывать. Ждал, пока она в него влюбится. И дождался.

Я рассказам Вари умилялась, да и подружки ей завидовали. Не каждой жене такой заботливый муж достаётся.

Впрочем, познавать прелести супружеской жизни я не жаждала, а спать привыкла в одиночестве. Даже не представляю, как уснуть, если кто-то под боком сопит и храпит. Это я о себе, если что.

Алёнушка как ушла утром, так больше у меня не появлялась. Знала, что я её ругать буду, вот и придумывала, как половчее соврать. Я хитрости сестрицы давно изучила, но всё же каждый раз им поддавалась. Да и как не простить? Родная кровь – не водица.

К вечеру меня одели в наряд праздничный и накрасили пуще вчерашнего. Кукла какая-то вышла. Щёчки розовые, губки бантиком, а

платье – хоть на самовар надевай. Невестино – расшитое шелками и золотом, – закончить не успели, выбрали бледно-зелёное, и не будь я нарумянена, цветом лица сравнялась бы с ним.

Пока я не зашла в церковь, украшенную цветами к свадебной церемонии, как-то не верила, что выхожу замуж. Будто сон видела: вот жених стоит у алтаря, улыбается едва заметно, батюшка слезу смахивает, а сестрица сердито из-под бровей соболиных поглядывает. Но не со мной всё это происходит.

Жаль, Василиса на свадьбу не успела. С ней бы мне попроще было, поддержку бы чувствовала. А так...

Мачеха шикнула, чтобы я не топталась в дверях, и пришлось взять себя в руки. Шла я мелкими шажками, думая лишь о том, как бы о подол не споткнуться да не свалиться, а то сама не поднимусь, позора не оберёшься.

У алтаря Финист взял меня за руку и подвёл к священнику. Что тот вещал про узы брака, я прослушала, разглядывая жениха. До чего же красив! Кудри золотые, глаза зелёные, и шрам ничуть не портит! Уголки губ то и дело подрагивали. Вот вроде бы чего смешного в церемонии? А он забавлялся. Я на гостей взглянула – и тоже чуть не засмеялась. Все на свадьбу собрались, а за жениха с невестой никто не радуется. Разве что батюшка. Слуги втихаря обсуждают, сколько еды останется, гости позёвывают, а дамы хихикают и притворно ахают, на нас глядя. Жениха, видать, жалеют.

Финист едва заметно сжал мою ладонь, вырывая из мира грёз. Похоже, я чуть не пропустила что-то важное...

– Согласна ли ты, Лада Митрофановна... – завёл священник монотонным голосом.

– Да. – Быстро закивала в ответ. Рука жениха расслабилась, а мне запястье потереть захотелось. Ну и цепкая же хватка у моего почти мужа, как капкан.

– Согласен ли ты, Финист Кощеевич, взять в жены Ладу Митрофановну, чтобы быть с ней в богатстве и бедности, в горе и радости, пока смерть не разлучит вас?

– Согласен, – твёрдо ответил Финист.

Я скорее почувствовала, чем услышала, как по залу пронёсся вздох, полный разочарования и облегчения. Не я одна сомневалась, что свадьба состоится.

Жених надел мне на палец кольцо, которое утром заменит браслет, и только тут я поняла, что всё взаправду. Я замужем. И понятия не имею, что дальше делать и как себя вести.

– Можете поцеловать невесту, – негромко договорил священник.

Для меня же его слова прозвучали громом среди ясного неба. Неужто нельзя было опустить эту часть церемонии? Впрочем, Финист не смутился. Наклонился и коснулся моих приоткрытых от изумления губ – словно бабочка порхнула. А я вспыхнула как маков цвет и испугалась, что теперь до пиршественного зала не дойду. В голове такая сумятица творилась, что я едва в сознании удерживалась.

Вот только идти не пришлось – Финист подхватил меня на руки и понёс. Гости рты пооткрывали, что жених никакой усталости не выказал. За порог церкви вынес, а там опустил на землю и чинно подал руку.

– Окажите мне честь, Лада Митрофановна, – чопорно произнёс он, но глаза сияли задорно, как у мальчишки, и я невольно улыбнулась в ответ.

– С удовольствием. – Я положила ладонь на его локоть.

Так и вошли в пиршественный зал, под руку.

* * *

Праздничный ужин я запомнила плохо. Гости пели, плясали и нас заставили. Пришлось показать, чему пресловутый учитель танцев пытался меня учить, но Финисту ноги не оттоптала, и то ладно. Похищать меня со свадьбы никто не рискнул, да и жених всё время сидел рядом, хоть и не очень-то обращал на меня внимание, а больше с батюшкой что-то обсуждал, изредка отпивая вино из нашего общего бокала.

Слуги расстарались на славу, стол ломился от разнообразных яств, но я так волновалась, что кусок в горло не лез, хотя обычно отсутствием аппетита не страдала. Крылышко куриное съела, глоток вина выпила, как по традиции положено, а на остальное и смотреть не хотелось.

Гостям спасибо, что «горько» не кричали. То ли понимали, что не по большой любви свадьбу играем, то ли Финиста жалели. Но вот

шумные разговоры стихли, и на нас стали поглядывать с лукавством. Тогда Финист взял мою ладонь, заставляя подняться.

По традиции невеста с женихом должны были на праздничном пиру из одной тарелки поесть, из одного бокала вина испить и ночь в общей опочивальне провести. А утром, как жених простынь с кровавым пятном покажет, надевали брачные браслеты. На том церемония считалась завершённой.

Провожали нас в молчании. Один перепивший дальний родственник крикнул какую-то скабрёзную шуточку, за что тут же получил от жены звонкую затрещину. На этой радостной ноте мы и покинули свадебное застолье.

У самой двери гостевых покоев меня кольнул страх. Вот глупость же! Целый день не боялась, а сейчас что изменилось? Чего бояться-то? На такую, как я, не то что Финист не польстится, а даже престарелый сластолюбец. Но отчего-то пугала и казалась странной сама мысль зайти с мужчиной в опочивальню и остаться наедине. Украдкой взглянула на мужа и поймала его задумчивый изучающий взгляд. Сердце разом вниз ухнуло, а в горле пересохло.

Жаль, я всего один глоток вина выпила, надо было всю бутылку. Тогда мне море по колено было бы... Шальная мысль мелькнула, но тут же пропала, стоило Финисту наклониться ко мне, как тогда, в церкви, перед поцелуем.

– Не зайдём? – выдохнул он в мои губы вопрос.

Я вспыхнула и, вырвав руку, сердито распахнула дверь. Я тут дрожу, а ему весело! Но моя злость мужа больше рассмешила. Вот ведь! Придумала себе, что меня целовать собрались. Дурочка! Обругала себя и, стараясь не обращать внимания на стоящего позади Финиста, оглядела опочивальню.

В гостевых покоях я бывала не раз, помогая их обустроить и убирать, но вот когда приезжал кто, сюда не заходила. Как оказалось, зря. Вот куда пропала моя любимая книга о землях заморских и захватывающих приключениях! Батюшка её для гостей оставил, на полке в углу, где у камина стояли два кресла. Тепло и уютно. Только, похоже, мало кто из гостей её читал – я из любопытства книгу открыла, а закладка на прежнем месте.

– Любишь читать?

От неожиданности я чуть не выронила книгу. Сама не заметила, как взгляд зацепился за строчки, и история захватила с головой.

– Люблю! – с вызовом ответила я.

– Тогда, может, и мне почитаешь? – Муж кивнул на кресла.

Я подумала и села. Не мне же предлагать супругу в постель ложиться? Может, и ему надо время, чтобы правильные слова подобрать...

Финист этой истории не слышал – или сделал такой вид, поэтому читать пришлось с самого начала, но мне всё равно было интересно: и как отважный странник в дальнюю дорогу собирается, и как колдовству учиться, и как царевну из замка чернокнижника вызволяет.

На битве со змеем крылатым Финист задорно рассмеялся, на меня из-под кудрявой чёлки глядя, а потом вдруг предложил:

– Давай я тебе тоже почитаю?

А у самого глаза хитрющие... Но я книгу отдала, чинно руки на коленях сложила и слушать приготовилась. Тем более на самом интересном месте остановились.

Читал Финист выразительно, будто привык сказки сказывать. И рычал в нужный момент, словно сам был чудищем, и нежный голосок царевны сумел передать. Я разулыбалась невольно – давно мне никто вслух не читал. С детства остались воспоминания о мамином голосе, нежном и звонком...

Глянула в окно – солнце тонкой полосой проскальзывало на востоке. Вот тебе и брачная ночь. Расскажешь кому – не поверят.

Финист перешёл к следующей истории, но у меня уже слипались глаза. Я, конечно, ночью могла подолгу не спать, книжки со свечкой читая, но под утро сон всё же одолевал. А тут ещё суматоха со свадьбой. Я прикорнула, привалившись к спинке кресла: историю эту я хорошо знаю, а как Финист до приключений дойдёт, так и открою глаза...

* * *

Разбудил меня негромкий стук в дверь, и я сразу поняла, что лежу не в кресле, а на кровати. Тело не ломит, постельное бельё белоснежное и мягкое, простыни так и хрустят свежестью. Я хотела

встать, приподнялась даже, да под взглядом мужа тут же юркнула обратно. Спала я в одной тоненькой сорочке, но как раздевалась и как до кровати добралась – не помню.

В дверь снова постучали. На этот настойчивый звук муж отреагировал отчего-то сонным голосом:

– Кого там чёрт принёс!..

Если бы я не видела, как он, полностью одетый, деловито дописывает какую-то бумагу, решила бы, что из постели не вылезал. Поставив точку и запечатав письмо, Финист бросил быстрый взгляд на кровать и решительно приблизился. Посмотрел на аккуратно лежащие подушки и меня, натянувшую одеяло.

– Так не пойдёт.

Он покачал головой, наклонился и, притянув меня к себе, поцеловал. Да не так, как в церкви, а с жаром, молодости свойственным.

От неожиданности я ни вырваться, ни ответить не смогла, лишь глазами удивлённо хлопала. А Финист ещё и руки в мои волосы запустил, быстро-быстро косу расплёл. Я чуть от стыда за свои кудри не сгорела. У всех девиц волосы как волосы, а у меня воронье гнездо, особенно если с косой засыпаю. Но Финисту, похоже, того и надо было. По крайней мере, хмыкнул он довольно, раскидал подушки, одеяло скомкал и тут же поднялся.

Я как зачарованная на кровавое пятно посередине ложа уставилась, рука непроизвольно к сорочке дёрнулась. Не могла же я такое забыть! Не настолько же крепко уснула?!

Сказать или спросить ничего не успела, потому как в дверь постучали в третий раз, и Финист, рванув на себе ворот рубашки и взлохматив пятернёй волосы, отправился открывать. На пороге стояли отец с мачехой и ближайшие родственники, а вместе с ними священник с парными браслетами.

Освидетельствование первой крови, заключительная часть ритуала. Было, не было – не важно. Для остальных Финист доказательства более чем явные привёл.

Батюшка с мачехой выдохнули, увидев кровавые пятна, Алёнушка кулачки сжала и чуть ли не в слезах выбежала. Отчего такое поведение? Неужели в Финиста влюбилась?

– Брак подтверждён, – торжественно объявил священник, и Финист, получив из его рук два браслета, опустил передо мной на колени.

– Я потом всё объясню, – прошептал он, наклонившись ко мне.

Взял мою руку и надел браслет. Еле застегнул, но тут вдруг, как по колдовству, браслет сел по руке. С полпальца шириной, серебристый, с замысловатой вязью. Такой не спрячешь и, как кольцо, не снимешь. С недавних пор для женатых пар он стал неизменным украшением. Зато неверности поубавилось.

– Застегнёшь? – Финист протянул второй браслет.

Этим действием он дал мне выбор. Я могла отказаться и потребовать, чтобы освидетельствовали мою невинность. Конечно же, я как была девицей, так и осталась. Ничего не болело, а подружки рассказывали, что после первой ночи всегда неприятно. Но если я расторгну брак, то что потом? Вряд ли кто захочет взять меня в жены, а монастырская жизнь мне не по душе.

– С радостью, – сказала я громко, чтобы гости слышали.

На руку Финиста браслет тоже сел как влитой.

– Раз церемония завершена, позвольте моей жене немного отдохнуть. После обеда нам предстоит долгая дорога, – сказал Финист, повернувшись к умилившимся гостям.

Те скоренько засобирались, а я, дождавшись, когда за последним из них захлопнется дверь, поплотнее закуталась в одеяло и встала, направляясь за небрежно брошенными в кресле вещами.

– Как же это понимать? – Я кивнула на кровать, где, ничем не прикрытое, пятно казалось ярче.

– Мне подумалось, что ты не сильно хотела близости.

– Не в том дело, хотела я или нет, а в том, что врать не люблю.

– Ты предпочла бы страстную ночь? – напрямую спросил он, и я отвела глаза.

Как ни пострадало моё самолюбие от пренебрежения мужа, но возлечь с незнакомым человеком было бы ещё тяжелее.

– Нет.

– Я так и подумал. – Финист кивнул, а затем шагнул ко мне и приподнял двумя пальцами подбородок. – Но если ты передумаешь, я всегда готов...

– Нет-нет! – Я отбросила в сторону его руку и, охнув, едва успела подхватить сползающее одеяло.

Муж хмыкнул и нарочито отвернулся.

– Не сочтешь за наглость, если попрошу завтрак? У вас готовят замечательные пирожки с капустой.

– Не сочту. Все знают, что я люблю покушать. И оладьи пусть принесут, с вишнёвым вареньем, – пропыхтела я, влезая в платье. Запуталась в рукавах – и замерла, когда ощутила на плечах чужие руки. Финист ловко помог одеться – и тут же отступил, больше не прикасаясь.

Я почти засмушалась, но мигом одёрнула себя. В конце концов, он мой муж, и пора учиться принимать его, как свою половинку.

* * *

Долгие проводы – лишние слёзы.

После завтрака, стоило Финисту выйти, в покои забежали служанки и быстро помогли собраться. Оглянуться не успела, как вещи были аккуратно сложены, а я одета и причёсана.

– Ну что, присядем на дорожку? – пробасил батюшка, зайдя в опочивальню. Сделал знак служанкам – те оставили нас с отцом наедине. Батюшка по покоям прошёлся, на книгу на столике посмотрел неодобрительно, а на меня – с беспокойством. – Не обидел тебя муж, Оладушка?

Я рот раскрыла от такого вопроса. А если обидел – батюшка его на кол посадит, что ли?

– Что ты, батюшка, он был очень осторожен.

Я притронулась к брачному браслету, и он слегка нагрелся – никак, Финист возвращался в покои. Парные браслеты обладали замечательным свойством: чем ближе супруг, тем теплее становилось украшение, и тепло это согревало в самый лютый мороз. А вот на расстоянии браслет оставался красивой безделушкой.

– Это хорошо, – крякнул в бороду батюшка, оглаживая её рукой. – Если обидит, ты сразу пиши, не молчи. Не бойся, что далеко, – я к тебе мигом Митьку пришлю. Дома тебе рады будут.

– Ты же меня знаешь, батюшка, в обиду себя не дам.

Я улыбнулась, обняла отца, и вдруг ясно осознала, что неизвестно, когда снова его увижу. До Ярограда три дня пути, а батюшка даже в соседнее село редко выбирался. На глазах выступили слёзы, но я быстро смахнула их, чтобы отец не заметил. А то подумает, что я о доле своей кручинюсь.

Провожать нас вышел весь двор. Подруженьки в голос рыдали и совали мне в руки пряники, а тётка Фрося целый окорок вынесла. Мачеха тоже подарок испекла – ароматный яблочный пирог, да такой, что слюнки текут! Я от всего этого добра не отказалась, а деловито спрятала в карете. Неизвестно, как у Финиста дома питаться принято, может, я там буду жить впроголодь. А так хоть наемся, пока запас есть! Да и опять-таки, дорога до столицы неблизкая.

Муж на наши хлопоты глядел снисходительно, хоть и не скрывал нетерпения. Наверное, привык, что сам себе хозяин, а тут меня ждать приходится. И подстраиваться, угождать.

– Ну что, поехали? – спросил он, когда меня в десятый раз поцеловали и обняли.

Я кивнула, с тоской посматривая на окошко сестры. Алёнушка так и не вышла меня проводить. Похоже, ей крепко досталось от матери за то, что наплела про мои любовные похождения, семью чуть не опозорила и слухи распустила. Мачеха хоть ко мне, хоть к дочке родной относилась с одинаковой строгостью. Могла и розгами выпороть, если провинились. Но обиделась Алёнушка, как это у неё водится, на меня, а не на мать.

Вот только я всё равно опечалилась, что не попрощалась с сестрой. Свидимся ли? Найдёт ли она себе жениха по сердцу? Мне хотелось ей последние наставления дать, но сестрица не то что не вышла – даже в окно не выглянула. Правда, я попросила Варю, чтобы она Алёнушке кулёк сладостей вечером отдала да серьги янтарные, но всё же беспокойно было на сердце.

С тяжёлым вздохом я залезла в карету, и Финист приказал кучеру трогать. Сам он на коне рядышком поскакал.

Погодка чудо как хороша была! Я бы тоже лучше на воздухе поехала, но с лошадьми не слишком дружила, хотя и знала, с какого боку к коню подходить. И ездить умела – спасибо Василисе за науку. Их в Колдовской Башне многому учили, поэтому и мне от сестрицы кое-какие знания перепадали, вот и на коня она меня заставила сесть.

Сколько раз я с него падала – не сосчитать, но за лето верховую езду освоила.

Как подумала о Василисе, заулыбалась. Мы же с ней в одном городе жить будем, наверняка увидимся. Осталось только Колдовскую Башню найти. Финист должен знать, где она находится, вот и подскажет.

Глава 2

В дороге меня укачало. Поначалу я думала, что совсем не усну: карета подпрыгивала на каждой кочке, и я постоянно стукалась то локтем, то ногой. Но вскоре приспособилась, пристроилась так, чтобы пышные юбки смягчали удары, и благополучно проспала до обеда.

Когда я в следующий раз выглянула в окошко, солнце было в зените. Интересно, далеко ли до привала? Финист подъехал ближе, придержал коня.

– Как дорога, Лада? Не слишком жарко? Через час остановимся. Есть здесь одно лесное озеро – и искупаться можно, и воды набрать.

– Ну, если тебе водяной не страшен, почему бы и не отдохнуть. – Я пожала плечами, узнавая местность.

Село Сосновка лежало недалече, и лесное озеро подле него действительно было. Любимая – так оно называлось. Но никто из местных в том озере не купался. Поговаривали, что живёт на дне водяной, который давным-давно влюбился в местную селянку, да так влюбился, что обернулся добрым молодцем и пошёл её руки просить. Приглянулся он девушке, стали готовиться к свадьбе. Да только позабыл водяной, что недолговечно его колдовство, и на свадьбе оборотился в чудище озёрное. Осерчали селяне, напали на него да глаза выкололи. Едва спасся водяной, вот только о любимой не забыл. С тех пор каждую девицу, что в то озеро окунётся, на дно тянет, думает, то невеста к нему пришла. И парней топит, чтоб любимую не сманили.

Может, я бы в эту байку не верила, но однажды мы с Василисой на спор в озеро сунулись. На лодке и то с трудом переплыли. Вроде и штиль, а на середине озера вода как взбурлит! Еле выбрались, сестрица даже колдовством воду не могла успокоить.

Я рассказала историю озера Финисту, а он расхохотался, потешаясь над моими страхами; чуть с коня не упал. Ну, дело его, а я к озеру не подойду, хоть и не думаю, что водяной на мою фигуру польстится.

Скоро мы остановились, и я с наслаждением вылезла на свежий воздух. Всё-таки за полдня в карете меня растрясло так, что ноги не

держали. Я ухватила за дверцу, сползла на землю да там и села под хихиканье Митьки, кучера нашего и моего давнишнего приятеля. Тут Финист спохватился, подал руку, и я оперлась на неё, поднялась на ноги, одновременно показав Митьке кулак, чтобы не паясничал.

– Я воды наберу. Чай заварить сможешь? – любопытствовал муж, рассматривая остатки чьего-то кострища. Видимо, не один Финист озёрного чудища не боялся, находились и другие смельчаки.

– Отчего же не заварить, если вода будет, – ответила я.

Муж тут же передал мне мешочек с ароматными сушёными травами, а сам с котелком ушёл к озеру.

Пока Митька разводил костёр, я прошла по полянке, поразмяла ноги и собрала немного земляники для чая. Ягода была крупная, вкусная. Повезло, что недавние путники всё подчистую не собрали.

Финист вернулся от озера нескоро, с полным котелком воды и влажной головой. Белая рубаха прилипла к телу. Я покраснела и отвела взгляд: уж больно муж мой красив был.

– Прелесть, а не водичка, – признался он, развеселившись от моего смущения. Ещё и ворот распустил, и рукава закатал, обнажив сильные руки. – Не бойся, нет там никакого водяного. Может, всё-таки искупаешься?

Он тряхнул мокрыми волосами, и капельки воды по разным сторонам разлетелись. Я вздохнула и отвернулась от озера, хотя купаться любила и плавала хорошо. Да и пекло на улице стояло адское, прохладная водица так и манила! Но как купаться, если Финист рядом? Это Митьку я с детства знала, мы с ним вместе яблоки воровали и окуней ловили. Он меня какую только не видел! А Финист хоть и муж, а человек всё ещё чужой.

– Спасибо, лучше на бережку посижу. – Я закинула травы в котелок, а следом и ягоды, для сладости. Помешала очищенной палочкой заварку и стала ждать, вдыхая приятный запах. Слишком долго продержишь – напиток чересчур терпким будет, а аромат уйдёт, если же слишком мало – то аромата вовсе не почувствуешь.

Финист спорить не стал, вернулся к озеру.

– Шла бы ты к нему, ты же воду любишь, – присел рядом со мной Митька, разламывая пирожок с яблоком и отдавая мне половину. Вся весёлость с рыжика слетела куда-то.

– Люблю, – согласилась я. – Только водяного боюсь. Финист – колдун, его чудище не тронет, а меня на дно утащит запросто.

– Я бы тебя тоже утащил, Ладушка, – неожиданно признался Митька и руку ко мне протянул, прядь волос за ухо убирая.

– С дуба рухнул?

От протянутой руки я отпрянула, как от огня, и в тот самый огонь угодила. Юбка вспыхнула, я неуклюже отшатнулась, пытаюсь её потушить, опрокинула котелок, и весь настой вылился на землю. Митьке тоже досталось, и он запрыгал на одной ноге, ругаясь сквозь зубы.

– Что-то ты, жёнушка, разгорячилась! – раздался смешок со стороны озера, и пламя вмиг погасло. О случившемся напоминали разве что дыра на подоле да испуганный Митька.

Финист подошёл к костру, поднял котелок. На дне плескались скудные остатки чая.

– Даже на кружку не хватит, – с горечью вздохнул он, затем повернулся к кучеру. – Ну, рассказывай, Митя, что у вас приключилось.

Я, признаться, подумала, что Митька станет отпираться, но тот насупился, как в детстве, когда батюшка его ругал, и на Финиста глянул исподлобья.

– Отпусти Ладу, ей со мной лучше будет.

– Интересное умозаключение. На чём основанное?

Митька нахмурился, пытаюсь осознать сказанное, и Финист повторил вопрос простым языком:

– Отчего ты думаешь, что Ладе с тобой хорошо будет?

– Не случайно же говорят: с милым рай и в шалаше, – нравоучительно произнёс рыжик, осторожно ступая на ошпаренную ногу. Задело его несильно, раз стоять мог.

– А ты её «милый»?

– Я Ладу с самого детства люблю! – с вызовом ответил Митька.

У меня от удивления рот открылся, а вот Финист изумлённым не выглядел.

– Раз любишь, отчего раньше не сказал?

– Я её руки у Митрофана Степановича ещё год назад просил, но тот отказал, – хмуро признался парень.

Мне сразу вспомнилось, как прошлым летом батюшка волю мою ограничил. В лес за ягодами без подружек – ни ногой, в деревню на ярмарку без нянюшки – ни в коем случае. Никак опасался, что я на свидания с Митькой бегать буду?

– А что у самой Лады на сердце, спрашивал?

– Так ведь она перестарок уже, за любого пошла бы... – начал рыжик и осёкся.

На поляне резко похолодало. Я на Финиста посмотрела – и испугалась.

– За любого, значит? – ледяным тоном переспросил он и притянул меня к себе. Рукой подбородок поднял, в глаза заглядывая. Я задрожала, под его взглядом теряясь. – Что скажешь, жёнушка? Чем ответишь на признание?

– А чем отвечать? Я впервые о его любви слышу.

Вроде бы и лестно было, что хоть кому-то я приглянулась. Вот только этот «кто-то» – Митька, он мне как младший брат с самого детства, я его иначе не воспринимаю. И замуж за него не пошла бы. Мы хоть дружили всегда, но всё-таки воспитание сильно разное получили. Он лошадей любил, в конюшне дневал и ночевал да в чистом поле наперегонки с ветром гонял. А я в это время с книгой под деревом юбки просиживала. Митька читать не умел и меня всегда ругал, что я вместо забав с книжкой сижу. С ним и поговорить было не о чем...

– Что первый, я по твоему лицу вижу. – Муж моей щеки коснулся осторожно, и я забыла, как дышать. Отчего-то хотелось, чтобы он руку не убирал. Совсем иначе было, нежели когда Митька до меня дотронулся. – Я твой ответ услышать хочу. Пойдёшь с ним?

– А ты отпустишь? – с волнением спросила я.

А у самой в голове билось: «Не отпускай! Не отпускай!»

– Отпущу, – с каким-то сожалением ответил Финист и отстранился.

На меня же такая тоска нахлынула, что хоть волком вой. Не нужна я ему, выходит...

– Вот спасибо, Финист Кощеевич, вовек твоей доброты не забуду! – Митька расплылся в улыбке и повернулся ко мне, шагнул навстречу. – Ты, Ладушка, не волнуйся, я обо всём в Осиновке договорился, нас священник ждать будет. Вас разведёт, а после нас

повенчает. Пару месяцев поживём у моей тётки, у неё тут хуторок стоит. А как ты понесёшь, можно будет и Митрофану Степановичу на глаза показаться. С дитём он нас быстро примет и простит.

– Нет.

– Да простит, точно говорю! Батюшка твой – человек гневливый, но отходчивый.

Митька попробовал меня обнять, но я увернулась и к Финисту прижалась. Тот, видать, от неожиданности меня обнял, чтобы не упала, а мне того и надо было.

– Нет, Митя, никуда с тобой не поеду, – ответила я спокойно и положила голову мужу на плечо. Забавно: волосы у него сухие были, а пахли речной тиной. – У меня муж есть, и он мне по сердцу.

– Так ведь он не любит тебя, Ладушка... – растерянно произнёс Митька. – А я люблю.

– Полюбить он меня успеет, – заверила я.

Поднялась на цыпочках и к щеке Финиста губами прижалась. Тот сначала опешил, а потом усмехнулся:

– Разве так любящие жёны целуют, Лада? – И крепко поцеловал меня в губы.

* * *

Я думала, что после той неловкой беседы мы сразу поедem дальше, но Финист в дорогу не торопился. Попросил Митьку дать лошадям отдохнуть и вдоволь напиться из озера, а сам, сунув в рот травинку, вытянулся на лужайке. Я тоже из любопытства травинку пожевала, но горечь во рту образовалась страшная. И что парни в ней находят?

Митька на меня злился и не разговаривал, а Финист задремал на солнышке. Я от скуки спустилась к озеру. Не искупаюсь, так хоть лицо умою да руки ополосну после долгой дороги. Вряд ли водяной к самому бережку подойдёт.

А вода – чистая-пречистая, и озеро мелкой рябью! Наклонилась я над водой, только опустила руки – и в глубине бородатую харю увидела. Седые пряди щупальцами развевались, сморщенная кожа

напоминала изюм, тонкие губы растягивались в улыбке, а повязка из водорослей закрывала глаза.

– Что за краса к моему озеру пожаловала? – булькнул водяной, всплывая над вспенившейся поверхностью.

Меня обдало запахом тины, и я отпрянула, порядком струхнув и гадая, то ли Финиста на помощь звать, то ли бегством спастись.

– Никак невестушка меня проводить решила, – словно болотная жижа, прочавкал водяной и руки ко мне потянул.

Я ещё на пару шагов отступила.

– Извините, дедушка, но я замужем. Могу брачный браслет показать.

– Как же я увижу браслет, красавица? Ты лучше дай ручку, пощупаю. – Старичок протянул шаловливые руки, я же поспешно сунула кулак ему под нос. Без умысла, просто так вышло, но водяной будто понял. – И правда, браслетик. – Холодные скользкие пальцы сомкнулись на запястье, и у меня сердце захолонуло: а ну как не отпустит? Но хватка ослабла, и старичок заметно взгрустнул. – Не твой ли муж мне недавно всю рыбу распугал?

– Мой, – не стала отпираться я.

– Значит, не соврал внученьке, стервец, – вздохнул старик. – Она опечалилась, слёзы льёт, что ей добрый молодец отказал.

– А вы не один тут живёте?

– Не один. Что ж я, хуже других, что ли? – приосанился водяной, а мне представилось благородное семейство с плавниками и жабрами, чай на дне озёрном распивающее, вприкуску с рыбёшкой мелкой вместо сухек. Только вот как самовар там топить?

Пока я гадала, водяной наклонился, пальцами по воде пошевелил, рябь так и побежала по сторонам.

– Чего тебе, дед? – вынырнула сажень в двадцати от берега юная русалка.

Ох, не так я себе представляла внучку водяного! Полногрудая темноволосая девица с тонкой талией и крутыми бёдрами, полураздетая, лишь слегка окутанная водорослями. С какой стороны ни глянь, а красавица! И от этого чуда отказался Финист?

Увидев меня, русалка нахмурилась и упёрла руки в боки.

– Опять селянок пугаешь? – напустилась она на водяного.

– Когда это я пугал? Не помню такого. Я тебя познакомиться хотел, внученька. Это жена колдуна, который тебе глянулся.

– Это? Жена? – русалка фыркнула, в тот же миг растеряв всё своё великолепие.

Мною же завладела досада. Не хватало от нечисти всякой насмешки слушать!

– Не «это», а Лада Митрофановна. – Я недобро уставилась в ответ.

– И что он в тебе нашёл? – Русалка подплыла ближе. – Ни кожи ни рожи.

– Зато тиной за версту не несёт.

– Ти-и-ной? Да я... Я, между прочим, мыльной травой каждый день намываюсь! – выпалила русалка.

А меня будто чёрт за язык дёрнул:

– В озере.

– В озере! – в запале подтвердила она и тут поняла мою насмешку.

Осерчала русалка знатно. Вода вокруг неё забурлила, взвилась в воздух плетью.

– Ой, да у меня ж мальки не кормлены! – будто бы спохватился водяной и со словами: – Вы тут побеседуйте пока без меня! – бухнул обратно в озеро.

Мне бы бежать прочь, подвох почуяв... Но я не успела.

– Иди сюда, искупаешься со мной вместе, раз такая умная, – зло прошипела русалка.

Вокруг лодыжки обвилось холодное щупальце, а я и ахнуть не успела, как оно затащило меня в воду. Платье намокло, отяжелело, туфельки куда-то уплыли. Да только русалке и этого было мало. Увидев, что я ловко держусь на воде, она снова взмахнула руками, и тёплая вода обратилась в столь ледяную, что кости заломило. Руки и ноги свело. Я в отчаянном порыве поплыла к берегу, но русалка схватила меня за талию, прижалась всем телом.

– Скоро и от тебя так пахнуть будет, – прошептала она и потянула меня на дно.

Я даже вскрикнуть не успела, хлебнула воды, да так, что в голове помутилось. Ударила я нечисть из последних сил и попыталась к свету выплыть, но куда там!..

И быть бы мне её зелёной подружкой, если б вдруг не выдернуло меня из озера, словно морковку из грядки. Я и сообразить ничего не

успела, а сильный поток вынес меня на берег, прямо в объятия мужа. С мокрого платья ручьём лилась вода, а я судорожно пыталась отдышаться. Вцепилась в Финиста мёртвой хваткой: боялась, что русалка опять на дно утащит. Но той уже не до меня стало. Забилась она в воде, словно в сетях, пыталась уплыть, а не могла.

– Ну-ну, пошалили – и хватит! – вынырнул водяной и с поклоном обратился к Финисту. – Не серчай на мою внученьку, колдун, отпусти девку неразумную. Никто твою жену больше и пальцем не тронет.

Я как услышала его, всхлипнула раз, другой, а затем и вовсе позорно разревелась.

– Лада, ну ты чего? Болит что-то? – испугался муж.

Поддерживать колдовство и одновременно успокаивать меня у него не получилось. Чары развеялись, и освобождённая русалка поскорее уплыла на глубину, пока Финист не надумал и дальше мстить.

Я же не могла остановиться. Только сейчас поняла, что едва не утонула. Приди муж чуть позже, и обзавелось бы озеро ещё одной русалочкой – пышнотелой да грузной.

– Боюсь, что кружка воды для успокоения сейчас навредит, – пробормотал Финист, пока я всхлипывала, судорожно вцепившись в его плечи. Он начал что-то приговаривать, расплетая намокшую косу и вытаскивая оттуда зацепившиеся водоросли.

Наконец, сил плакать не осталось и, всхлипнув последний раз, я выпустила изрядно измятую рубаху Финиста. На мужа смотреть боялась. И так не красавица, а с опухшим от слёз лицом и вовсе страшила.

– Извини.

– Сначала высохнуть надо, потом плакать. – Он вытер мне щёки, затем прижал к себе – жаром повеяло, будто в баню попала, – и одежда разом просохла. – Ты зачем к озеру сунулась, дурёха? – Выпускать меня из объятий он не торопился, продолжая гладить по голове.

– Умыться. Сам же говорил, вода тёплая, хорошая.

– Это со мной плавать можно. Пока я рядом, никто тебя не тронет. Нечисть к колдунам не лезет, разве что совсем дурная.

– Неправда! Тебя русалка соблазняла. Меня утопила бы, а тебя соблазнила!

Я и сама не заметила, как от слёз перешла к обвинениям. Финист растерялся. Растрепал свою светлую макушку.

– Ну и выдумщица же ты, Лада! – выдохнул он, и руку мою в свою взял, браслет поглаживая. – Русалки, они хитрые, мужа с женой не тронут. Это одиноким они обещают дружбу и любовь взамен земной жизни. А что новоиспечённому мужу предложить можно?

– Хвост и жабры, – буркнула я в ответ, и Финист нарочито обернулся, будто проверяя, нет ли упомянутого хвоста.

– Знаешь, дорогая жёнушка, мне ноги пригодятся, – полушутя сказал он и вдруг крикнул водяному: – Возвращай обувь, старик, пока в твоём озере вся рыба не передохла!

Вода взбурлила. На берег вылетел сапог. Следом ещё один, и ещё!.. Чуть по голове не досталось. Обуви всё прибавлялось и прибавлялось, а уворачиваться становилось всё сложнее. Ой, да не так мне эти туфельки нужны были, лучше сапоги из приданого достану!

– Бежим. – Я схватила Финиста за руку, и мы со смехом бросились прочь от берега.

* * *

В Сосновке мы остановились ненадолго, хотели попасть к Большим Ольховицам дотемна. Ночевать в лесу было опасно. В последние годы нечисть совсем страх потеряла: мертвецы из могил поднимались, по лесам вурдалаки бродили. Царь наш целые отряды колдунов посылал дозором ходить, да некоторые так и сгинули.

До Ольховиц мы с мужем добирались вдвоём и налегке. Митьку с каретой и вещами оставили в Сосновке. Карету в любом случае надо было возвращать батюшке, а вещи Финист думал отправить с ближайшим обозом, который поедет в столицу.

– Я тебя не тороплю обратно и Митрофану Степановичу ничего не расскажу, – предупредил Финист Митьку, едва мы доехали до Сосновки. – Можешь пожить пару дней у тётки, а потом возвращаться в поместье. Никто не узнает, что ты с нами до столицы не доехал. Но рядом с Ладой я тебя видеть не желаю, не серчай.

Митька понуро кивнул и проводил меня тоскливым взглядом. Я отвернулась, притворившись, что не заметила: уж больно не по себе

стало. Не люб он мне, так зачем зря надеждой тешить? На том и разъехались.

Лошадка мне досталась спокойная и умная. Крепкая, соловой масти, она хорошо слушалась и не пыталась укусить или сбросить. Я её жеребёнком помнила и даже имя дала – Пенка. Батюшка на радостях от моей свадьбы и какой-то удачно обмозгованной с Финистом сделки вручил нам лошадь в качестве приданого.

Солнце уже коснулось горизонта, когда мы добрались до Больших Ольховиц. Ольховицы – село крупное, с собственным постоянным двором и школой. Я в селе бывала много раз: и на ярмарках, и на гуляниях, которые тут устраивались с большим размахом. Батюшку моего здесь знали и уважали, лучшего поставщика соли в наших краях было не сыскать. Потому, едва въехали на постоянный двор, как нас окружила толпа знакомцев.

– Ладушка, ты ли это? – Хозяйка постоянного двора всплеснула руками, она ещё матушку мою знала и нас с Василисой крохами помнила. Была то дородная женщина лет пятидесяти, одетая в льняное платье, и русая коса короной оплетала голову. – Похорошела-то как! А не тот ли это добрый молодец рядом с тобой, что недавно нам своего коня оставил?

– Вечер добрый, Марья Никитична! Тот, тот. Это муж мой, Финист Кощеевич, – ответила я, и женщина разохалась, запричитала, как быстро я выросла.

Финист помог слезть с Пенки и кинул местному парнишке монету, чтобы тот присмотрел за лошадьми. Видно было, что мужу и самому бы хотелось Ветра проведать, но сначала устроиться надо.

– Можно ли на ночлег у вас остановиться, хозяйюшка? – спросил муж, когда гвалт утих, а зеваки разошлись по своим делам.

Марья Никитична с достоинством кивнула.

– В лучшем виде организуем. Разве я не понимаю, как для новобрачных важна опочивальня? Эх, молодость! – Она подмигнула и, подобрав юбку, зашла в дом, на ходу отдавая распоряжения многочисленным дочерям и невесткам.

Погладив Пенку по носу и передав поводья конюху, мы с Финистом по высоким ступенькам поднялись следом за хозяйкой. Последний раз я была в «Весёлой Щуке» почти полгода назад, но здесь мало что изменилось. Добротный деревянный терем в два этажа

(на первом – едальня, на втором – опочивальни) по-прежнему оставался шумным. Несмотря на летнюю жару, в зале весело трещал камин, на вертеле жарился аппетитный кусок мяса. С десяток мужиков пили пиво из огромных глиняных кружек и громко переговаривались между собой. В уголке притулились путники – мужчина и женщина, увлечённые друг другом намного больше, чем происходящим в зале. Еду разносили внуки и внучки Марьи Никитичны.

– Что вам покушать принести, Ладушка? – окликнула меня хозяйка, пока мы выбирали, где присесть.

Я замялась. Есть не слишком-то хотелось, перекусили мы с Финистом по дороге. Вернее, умяли половину отданного тёткой Фросей окорока – всё, что смогли увезти. Вторую половину Митьке оставили. Что добру пропадать? На такой жаре мясо точно испортилось бы.

– А что есть, хозяйюшка? – поинтересовался муж. Ел он много, куда больше меня, да не в коня корм.

– Картошка с лучком и салом, каша гречневая с мясом, яблоки печёные с мёдом, – перечислила Марья Никитична, на мужа моего глядя с одобрением. – Что будете?

– А давайте картошки и яблок, – выбрал Финист. – И кваса две кружки. Только сначала с дороги умыться бы.

– Во дворе есть колодец. – Хозяйка кивнула и повернулась ко мне. – Не забыла где, Ладушка?

– Не забыла.

Я потянула мужа за рукав, чтобы проводить.

Стоило выйти, как за спиной сразу шепотки раздались. Вот ведь!.. Хоть понимала, что не в последний раз шушуканья слышу, хоть убеждала себя, что нет мне до них никакого дела, а всё равно неприятно. Но я не стала голову в плечи втягивать, а напротив, только сильнее их распрямила, а Финиста под локоток взяла. Ровня я ему или нет – не им решать!

Пока муж ужинал под разнузданные песни заезжего барда (вот у кого язык без костей, надо же романтические истории так испохабить!), я уплетала яблочный пирог, запивая брусничным квасом. Пирог мы не заказывали, но Марья Никитична преподнесла его как подарок к свадьбе, отказываться было неловко. Тем более что готовила она – пальчики оближешь!

От усталости после долгой дороги, от тепла и сытости стало клонить в сон. Я клевала носом, стоически пытаюсь сохранять интерес к происходящему в зале.

– Иди в опочивальню, отдохни, – не выдержал Финист, посмотрев с беспокойством.

Я хотела возразить, что совсем не устала, но вместо этого зевнула, едва успев прикрыть рот ладошкой.

– Пожалуй, ты прав.

Встала – и пошатнулась. Надо же, пока сидела, не чувствовала, а как поднялась, ноги задрожали. Признаться, засиделась я допоздна из глупого волнения: покои у нас с мужем были одни на двоих, и я смущалась. Одно дело ночевать в общей опочивальне в родном доме, где и стены помогают, а совсем другое – под чужой крышей.

– Я поднимусь позже, – словно уловив моё настроение, добавил Финист.

Я кивнула: деваться всё равно было некуда. Тут ещё и Марья Никитична подлила масла в огонь. Она, конечно, обо мне заботилась, расстаралась на славу. Застелила кровать белоснежными простынями, кувшин с вином на стол поставила. А прислуга огромную бадью с горячей водой притащила.

При муже я, конечно, в бадью залезть постеснялась бы. Но он ведь пока ужинает? Оставив сапоги у дверей, я босиком прошла по вычищенному полу. Ванна выглядела очень заманчиво, особенно после дороги, водичка казалась парным молоком, а по её поверхности цветки ромашки плавали. Видать, наполнили бадью совсем недавно, над ней ещё пар поднимался.

Подошла я ближе, опустила пальцы в воду – и обмерла. Разом вспомнила, как русалка меня под воду утянула, как я захлёбывалась и выбраться не могла. Отпрянула я от бадьи, мокрые руки у груди сжимая. И рассмеялась невесело над собственной трусостью.

И что теперь делать? Ждать мужа и просить постоять рядом, пока моюсь?

За спиной раздалось хлопанье крыльев, и я обернулась. На окно, горделиво выпятив грудь и вцепившись когтями в подоконник, сел сокол. Изогнул голову, что-то прострекотал. От удивления я о собственных страхах забыла, птицей заинтересовавшись.

– Каков красавец! Откуда ты взялся?

Сокол выглядел ухоженным, с пёстрым оперением, изогнутым клювом и колдовскими зелёными глазами. Отец держал соколятник, и на горделивых птиц я налюбовалась вдоволь. Но этот будто ручной был.

«Может, чей-то фамилляр к Финисту пожаловал?» – загадала я, бесстрашно протянув руку и почесав соколу горло. Василиса рассказывала, что у всех колдунов были духи-помощники: вороны, коты, собаки, крысы. У сестрёнки с первого года учёбы прижился Баюн, подобранный с улицы одноглазым котёнком. Мурлыкал так, будто сказки сказывал.

Прогонять сокола я не стала. Скинула платье, оставшись в тонкой сорочке, и снова подошла к бадье. Как же страшно залезать в воду!

Сокол сорвался с окна и влетел в опочивальню. Обогнав меня и плюхнулся в бадью, подняв целый сноп брызг. Да так забавно закружился по воде, что я рассмеялась. Вот уж не думала, что птицы так купаться любят! А сокол поиграл в воде и присел на край бадьи, голову склонил, на меня глядя. Словно спрашивал: а ты так можешь?

Ну раз сокол воды не побоялся, то мне и подавно стыдно. Закрыв дверь на засов, я скинула рубашку и, нагая, залезла в бадью, по шее опустившись в тёплую ароматную воду. Поначалу жутко было, едва шевелилась, но постепенно тепло сделало своё дело. Я расслабилась и, кажется, задремала. В какой-то миг мне почудилось, будто кто-то расчёсывает мои волосы, но когда открыла глаза, в покоях никого не оказалось. Только сокол вновь сидел на окне.

– Эй, ты никак обиделся, что я заняла твою ванну? – полушутя спросила я у него, а сокол в ответ распушил оперение.

Я вылезла из бадьи и завернулась в полотенце.

– Ты определённо умнее других птиц. Мне кажется, мы могли бы стать друзьями, – доверительно сказала я ему.

Сокол кивнул, будто понял, о чём я говорю. А может, просто опустил голову и задремал. И меня в сон клонило. Я переоделась в сорочку и залезла в постель, с удовольствием вытянувшись на чистых простынях. Затем бросила взгляд на дверь, где всё ещё висел засов.

Открыть? Но для этого придётся выбираться из постели, а сил совсем не осталось. Раз Финист колдун, то без труда проникнет в закрытые покои. А не сможет, так постучит.

Утро началось рано. Оно и в поместье с первыми петухами приходило, но тут даже петухи ещё не проснулись. Кто-то громко забарабанил в дверь, и я сонно оторвала голову от подушки, пытаюсь в темноте понять, кого принесла нелёгкая.

Перина примялась, и Финист приподнялся с кровати. Оказалось, он спал у самого края, а я совсем не помнила, как он пришёл.

Услышав стук, он встал и открыл дверь. Тусклый свет от свечи обрисовал его застывшую в проходе фигуру. Финист спал без рубашки, хорошо хоть штаны не снял, и я со смущением уставилась на широкую мужскую спину.

– Что случилось? – спросил он раннего гостя.

– Марфуша никак разродиться не может. Полночи мается, а сейчас обмякла бедная, не дышит почти. Вы бы помогли, господин колдун? – дрожащим шёпотом проговорила Марья Никитична.

– Кто ж о таком молчит! – рявкнул Финист так, что я подпрыгнула, одеяло к груди прижав. А муж взмахнул рукой, и покои озарились тусклым светом от повисшего в воздухе колдовского огонька. – Собирайся, Лада. Ты мне понадобишься.

– Я?

Финист говорил таким тоном, что не поспоришь. Стесняться было некогда, я скинула рубашку и натянула платье, не очень беспокоясь, смотрит на меня муж или нет. Хотя ему глядеть тоже некогда было – одевался.

– Ведите!

Он выскочил в коридор. Я следом. Марфуша, как оказалось, рожала в покоях хозяев, в самом конце коридора, и добежали мы туда быстро.

Конечно, я не была лекарем. И роды видела всего раз: случилось присутствовать при схватках служанки. Но здесь с первого взгляда стало ясно, что дела плохи. Роженица лежала на скомканных простынях, и лицо её было белее снега. Она не кричала, только судорожно свистела сквозь плотно сжатые зубы, похоже, уже не понимая, где находится. Сидящая рядом повитуха давила ей на живот, пытаюсь вытолкнуть ребёнка, но этим делала только хуже.

– Вон! – коротко сказал муж, и бабуку как ветром сдуло. Финист подошёл к женщине, провёл ладонью над её телом. Теплом от его жеста повеяло. – Ребёнок повернулся боком, самой ей не родить. Несите таз чистой воды, нож, крепкие ремни и иголку с ниткой.

Отдал приказ Марье Никитичне, а сам положил руку на живот роженице. Та дёрнулась, а затем как-то разом успокоилась и задышала спокойнее.

– Лада, – позвал меня Финист.

Я подошла, с тревогой глядя на женщину.

– Что мне делать?

– Встань у изголовья, положи руки ей на голову и... говори, что первым придёт на ум, – как-то неохотно закончил Финист.

Голова у Марфуши была холодной и мокрой. Я стала поглаживать её волосы и шептать, что всё будет хорошо, что она поправится и ребёночек обязательно родится крепким и здоровым. Пока я говорила, муж привязал руки и ноги роженицы к кровати и оголил её живот. Я догадалась, что он собрался делать. Слышала о таком, но никогда не видела.

– Что происходит? – Марья Никитична чуть не уронила тазик, а я отдёрнула руки, но под взглядом Финиста вернула их на место.

– Не мешайте, если хотите, чтобы с вашей невесткой всё было в порядке. – Финист сунул лезвие ножа в пламя свечи и подержал, прогоняя заразу. Затем сделал быстрый надрез на животе женщины, и та сразу задышала тяжело, заметалась.

– Помирает, – всхлипнула Марья Никитична.

– Держи Марфу, жёнушка, – бросил Финист. Хотя куда та деться могла, привязанная?

И тут меня словно кто под руку толкнул. Я увидела слабый силуэт, отделившийся от роженицы. Упав на колени, я прижалась к её лбу своим.

– Куда же ты, глупая? У тебя ведь малыш родится. Неужели его сиротой оставить хочешь? – забормотала я, руками оглаживая плечи и голову женщины. – Кто же о нём заботиться будет? Ждать, когда он первые шаги сделает? Кому он «мама» скажет? Кто поможет ему подняться, когда упадёт? Кто на его сторону встанет? Возвращайся, не смей умирать!

Я говорила и говорила, не задумываясь, от всего сердца, пока силуэт не замерцал и не втянулся обратно в тело.

– Умница, – улыбнулся Финист, что-то поднимая от живота Марфуши.

Не знаю, к кому он обращался, ко мне ли, роженице или к нам обеим, но в тот же миг по покоям разнёсся громкий детский крик. Муж держал новорожденного малыша, а тот заливался на все лады.

– Мальчик, – произнёс Финист и протянул мне ребёнка, перерезая пуповину.

* * *

Из покоев роженицы мы выходили на цыпочках, унося с собой завёрнутого в чистое полотенце ребёнка. Марфуше требовался отдых и крепкий сон, желательно до вечера. Несмотря на все старания Финиста, она потеряла много крови, но, преодолевая боль и усталость, на малыша таки взглянула и даже приложила к груди. Наверное, уснула она благодаря колдовству, но уточнять у мужа я не стала. Сама едва держалась на ногах, тут уж не до бесед.

Пока Марья Никитична нянчилась с внуком, мы с мужем спустились в зал. Солнце взошло, первые лучи проникли сквозь полуоткрытые ставни, но сна не было ни в одном глазу. Да и есть совершенно не хотелось, хотя обычно аппетит у меня отменный. Финист, однако, сходил на кухню, потолковал о чём-то с прислугой и притащил холодную говядину и вчерашнюю картошку.

– Ешь, не стесняйся, – добродушно пододвинул он мне широкое блюдо.

Я вяло поковырялась в нём вилок. Картошка почему-то совсем не манила, а говядину не мешало бы подсолить.

– Лучше творога попрошу.

Я встала из-за стола и, пока Финист завтракал, прошмыгнула на кухню.

Марья Никитична сидела на лавочке, покачивала ребёнка на руках, а молодой чернобородый мясник в окровавленном фартуке взирал на новорожденного сына с такой лаской, которая не больно-то вязалась с его суровым обликом, – но оттого это выглядело ещё милее.

– Ладушка, за добавкой пришла? – шёпотом поинтересовалась хозяйка постоянного двора и кивком указала на стол. С самого утра работники были на ногах и готовились кормить постояльцев. – Бери что хочешь и мужу своему прихвати. Столько колдовать без передышки, надо же! Бедняге, небось, теперь несколько дней сил набираться! – Женщина покачала головой, не забывая укачивать младенца. – А ты что стоишь, уши развесил? Ну-ка, живо поклонился и поблагодарил! – цыкнула она на мясника, и тот, спохватившись, бухнулся мне в ноги.

– Спасибо, благодетельница! Уберегла сына и жену, вовек не забуду! – заголосил он, разбудив громовым голосом ребёнка. Малыш расплакался, Марья Никитична заругалась на непутёвого сына, и под эту канонаду на кухню зашёл Финист.

– Есть у вас творог, хозяюшка? – как ни в чём не бывало спросил он у Марьи Никитичны.

– В той крынке, – кивнула хозяйка на край стола. – И сливки есть взбитые. Могу варенья дать, чтобы послаще было, вишнёвого, как Лада любит. А ты чего на полу расселся? Ну-ка быстро неси варенье!

Не успели мы и рта раскрыть, как мужик поднялся с колен и скрылся в погребе. Вернулся он оттуда с пузатой банкой, полной ягод, оставил её и поспешил уйти, бросив напоследок влюблённый взгляд на новорожденного.

– Вот и славно. И в дорогу с собой пару баночек варенья возьмите. А то вы совсем без поклажи. Негоже молодой жене в новый дом без подарка являться.

– Да подарки за нами едут, – смутилась я, вспомнив об оставленном приданом.

– Лишним всё равно не будет, – рассудила Марья Никитична и положила успокоившегося ребёнка в люльку. С улыбкой покачала её – люлька, видать, не одно поколение детей взрастила, – затем оглянулась, убедилась, что никого постороннего рядом нет, и негромко спросила у Финиста: – А Ладушка наша, выходит, шептунья?

С того всё спокойствие слетело. Вот вроде стоял безмятежно, а теперь весь подобрался, нахмурился.

– Забудьте, что сегодня видели. И болтать не вздумайте! – предупредил он и меня к себе притянул, словно от всего мира огораживая.

– Я промолчу, да шила в мешке не утаишь, – покачала головой Марья Никитична.

– Смотря где мешок спрятать.

– Да разве такой спрячешь? На полцарства прогремит, как Лада в силу войдёт.

– Это уже дело наше. Если потребуется, я и от полцарства её защищать буду!

– Мне кто-нибудь растолкует, что происходит? – не сдержалась я, а на душе кошки заскребли. Не нравились мне ни тревожные взгляды, ни странные разговоры. Вроде меня касалось, а в чём беда – непонятно!

Я сердито глянула на мужа, затем, вопросительно, на Марью Никитичну.

– В семье хуже нет, чем недоговаривать, – поджала губы та.

– Что ж, Лада, тогда слушай.

О том, что колдуны рождаются редко, сами колдуны слухи и пустили, значимость свою поднимая. У многих сила в крови была. Даже в моей семье по отцовской линии в роду колдуны случались. Вот только стараний, чтоб этот дар развить, требовалось ой как не мало! Конечно, при должной сноровке и из маленькой искорки можно пламя раздуть, но даже на самое простое колдовство свои же силы тратятся. Поколдуешь пару часов – и падаешь от истощения. У многих ли есть воля к такому? Куда легче жить обычной жизнью. Вот и оборачивается колдовской дар в удачу в сделках, в привороты, в богатырское здоровье. А там, глядишь, вся сила и вышла.

Однако находились те, кто черпал силы у самой природы. Могущественные, опасные, неуправляемые колдуны. Их называли шептунами. И если попадался кто шептуну на пути, тот сминал его и забирал чужую силу до капли, ведь шептуну без разницы, у травинки лесной силу тянуть или у человека.

– Да разве могу я быть шептуньей? – Я покачала головой. Могущества во мне на ноготь, сил колдовских и того меньше.

– Поверь, жёнушка, шептунья ты хоть необученная, а настоящая. Взгляни, видишь?

Муж поднял руку ладонью вверх, и я на его ладонь уставилась: мозолистую, крепкую. Ждала-ждала – ничего не происходило.

– А что я видеть должна? – не выдержала наконец.

– Огонёк колдовской. Да ты не увидишь, потому что без сил я остался, – с невесёлой улыбкой объяснил он.

– Получается, утром твоя сила ко мне ушла?.. – ахнула я, за руку его схватив. Вспомнилось, как побледнел муж, когда Марфуша разродилась. Я-то подумала, он от усталости пошатнулся, а выходит...

– Мне силу отдать не жаль было. – Финист приобнял меня за плечи, утешая. – В одиночку я или роженицу спас бы, или дитя. А ты сдюжила обоих вытащить. Ради такого можно прожить пару дней без колдовской силы.

– А почему без силы? Вы же муж и жена, совместите приятное с полезным, силушка и вернётся, – встряла в разговор Марья Никитична, до сих пор молча внимающая Финисту, и мне как-то странно подмигнула.

– О чём это вы толкуете?..

– Сама восстановится, – прервал меня муж. Понял, что резко вышло, и улыбнулся виновато. – Да не волнуйся ты так – добрая еда и крепкий сон – и я снова смогу колдовать.

И на Марью Никитичну хмуро взглянул: мол, дело наше, не вмешивайтесь.

– Вот, значит, как... Поторопилась я, выходит. Но ты молодец! – не осерчав, похвалила его хозяйка. – Только долго не затягивай. Лада девочка хорошая.

– Поэтому и жду, – ответил муж.

А я осталась в раздумьях, о чём они беседу вели. Правда, кое-какие мысли были, а потому я выпросила у Марьи Никитичны перо и бумагу и села писать письмо Василисе.

* * *

Послание уехало с почтовой каретой. Хотя мы с сестрой теперь и жили в столице, но попробуй выбраться в гости, когда учёба с утра до ночи! Да и мне не до гостей в первое время будет. Пока привыкну к дому мужа, примерю на себя роль хозяйки... Ещё неизвестно, как меня встретят.

По дороге в столицу я расспросила мужа о его семье. Свою матушку Финист не помнил, она погибла, когда он совсем крохой был,

и воспитанием занимался отец – знахарь при царском дворе. Только вот, в отличие от моего батюшки, Кощей второй раз не женился, и женщин в их доме не было, если не считать приходящих девиц из прислуги – постирать да обед приготовить.

Рассказывал о доме муж неохотно, будто что скрывал. Я уже подметила, что ежели Финист врал, то смотрел не на меня, а немного в сторону. Вот и сейчас косил глаза куда-то за мою спину. А что там ему рассматривать? Лес везде одинаков.

– А когда ты узнал, что я шептунья? – спросила я во время очередного привала.

До столицы оставался один перегон, и мы выпустили Пенку и Ветра погулять, а сами расселись на полянке. Заботливая Марья Никитична сунула с собой пирожки и квас, так что мы перекусили и теперь отдыхали, греясь на солнышке.

– Заподозрил почти сразу. Помнишь, ты вышивала ворона и укололась иголкой?

– Вообще-то это был воробей, – заметила я справедливости ради.

– Да хоть сокол, – усмехнулся муж. – Ты тогда непроизвольно потянула у меня силу. Я сначала решил, что показалось: крохи ведь, мало ли, почудилось. Но пригляделся и...

Финист повернул ко мне лицо, щурясь на солнце, и я в который раз им залюбовалась. Его кудри отливали золотом, хотелось дотронуться и убедиться, что они настоящие.

– У меня что-то в волосах? – удивился муж, когда я протянула к нему руку.

Очухалась от наваждения и покраснела.

– Так, жучок какой-то сидел, – соврала я, убирая ладонь. – Уже улетел.

По его губам скользнула лукавая улыбка, но ловить меня на вранье он не стал.

– Ясно. Посплю чуток. Разбуди, как солнце к лесу опустится, жёнушка.

Но вместо того, чтобы лечь на траву, Финист положил голову мне на колени. Я так и застыла, боясь дышать, а он как ни в чём не бывало задремал. Вот же! Желание по кудрям провести нестерпимым стало, и я, чтоб от соблазна подальше, сумку к себе пододвинула и книжку вытащила. Ну не любоваться же на Финиста всё время!

Книга оказалась интересной. Варя, зная мою любовь к чтению, на какой-то ярмарке прикупила сборник сказок из-за моря и вручила мне свадебным подарком. О чём там только не сказывалось! И о загадочных кентаврах, скачущих по лесам с луком наперевес, и о феях, заманивающих в вечный хоровод, и о русалках... Последних, правда, я поскорее пролистала. Читала и диву давалась: что, если хотя бы половина из этого – правда?

Опомнилась я, только когда солнце за макушками деревьев скрылось, а мы так никуда и не уехали. Пришлось мужа будить, извиняться и нагонять упущенное время. Хорошо, что до города оставалось недалече.

– Не удивляйся тому, что увидишь у меня дома, – у самого въезда в город предупредил Финист.

Я кивнула, стараясь не слишком глазеть по сторонам. Не удивляться Ярограду было трудно, но мачеха научила нас с сёстрами вести себя чинно, а не озираясь, подобно сельским девкам, впервые попавшим в город. И всё-таки так и подмывало пустить Пенку вскачь, чтобы быстрее добраться до ворот – мы уже довольно давно ехали вдоль крепостной стены. Насколько же велик стольный град?

Стражники на воротах Финиста знали и пропустили, про меня спросили – и диву дались, услышав, что я жена его, а не случайная попутчица. Да и как тут не изумиться: известный столичный колдун наконец-то взял себе жену, но не царь-девицу, а толстуху, на которую без содрогания не взглянешь. Благо никто шуточки скабрёзной не отпустил.

Горожане с нами здоровались, пока мы к дому ехали. Аж гордость взяла: выходит, именит мой муж, не последний человек в столице! Финист им отвечал приветливо, но с Ветра не спускался. Остановились мы всего раз: муж купил кулёк засахаренных орешков да пару леденцов. Себе ли? В подарок? Столько всего выпросить хотела, но город пугал, закрывал рот на замок.

– Вот мы и дома.

Финист остановил коня у двухэтажного дома с чугунной оградой. Хорошее место, чистое. Улицы выметены, дохлых крыс и выгребных ям поблизости не видно. По дому, конечно, заметно, что не хватает ему заботливой женской руки: ни занавесей на окнах, ни обихоженного сада – густые кусты да сорняки. Но это дело времени.

– Никак вернулся? – На крыльцо вышел сухопарый мужчина – видимо, услышал шум за воротами. Седой как лунь, с острым взором, совсем как у Финиста. Уставился на меня до того пристально, что я язык проглотила. – А барышня, значит, твоя жена да моя невестка? – без капли усмешки поинтересовался он.

– Да. – Финист коротко поклонился ему и, взяв меня за руку, подвёл к свёкру. По-моему, муж тоже нервничал, пальцы у него стали ледяные. – Знакомься, Лада, это твой свёкор, Кощей Берендеевич.

– Доброго вам здравия. – Я поклонилась в пояс, а у самой коленки под юбкой задрожали. – Рада нашему знакомству.

– Жена, значит, – повторил свёкор, оглаживая короткую бородку.

В этот миг в доме раздался грохот, топот. На порог вылетел худенький белобрысый мальчишка лет пяти и кинулся Финисту на шею с радостным визгом:

– Отец!

Глава 3

Пока я пыталась осмыслить услышанное, Финист подхватил мальчишку на руки.

– Ты почему до сих пор не спишь? – строго спросил он. Сердился муж больше для вида – глаза у него сияли, а губы подрагивали, готовые расплыться в улыбке.

– Дедушка сказал, что ты сегодня приедешь. Я ждал, ждал, а тебя всё не было! – Мальчик надул губы. – Почему ты задержался?

– Хороший способ уйти от ответа – обвинить во всём меня! – Финист потрепал сына по волосам и опустил на крыльцо. – Где ваша обходительность, юноша?

– Ой, простите! – Мальчик наконец заметил меня и поклонился. – Доброго вам вечера. Меня зовут Алёша.

– А я – Лада. – Я чуть присела, чтобы не возвышаться над мальчишкой. Опыта общения с детьми у меня было предостаточно. – Рада познакомиться.

– Вы новая няня? – поинтересовался мальчик, пожимая мою ладонь.

– Вообще-то...

– Всё верно. – Я бросила быстрый взгляд на Финиста. Не стоило пока рассказывать Алёше о нашем супружестве. Мне бы сначала самой понять, как так вышло, что у мужа такой взрослый сын. И где его мать?

– А вы колдовства не боитесь? Я иногда колдую. Так, по случайности. – Алёша опустил глаза, уставившись в пол, и я улыбнулась.

– Не боюсь. Я мышей боюсь и жаб немного. Но ты ведь не будешь меня ими пугать?

– Нет.

По озорной улыбке, проскользнувшей по его губам, я поняла, что ой как будет. Только, если по правде, я их совсем не боялась. Мы с подружками как-то на спор целое ведро жаб наловили и на кухню принесли. Ох, и досталось нам от тётки Фроси!

– Что ж, вот вы и познакомились. А теперь тебе пора спать, – напомнил Финист сыну.

Мальчишка шмыгнул носом и посмотрел на него жалобными глазами.

– Но я не хочу! Можно я ещё немного побуду с тобой?

– Алёша, не канючь! Ты уже взрослый. – Кощей взял его за руку и чуть ли не силком повёл за собой.

– Я зайду к тебе! – крикнул Финист им вслед и одной этой фразой успокоил ребёнка, уже готового расплакаться.

Свёкор и мальчик скрылись из виду, а я выпрямилась и повернулась к мужу.

– Сын?

– Поэтому я просил тебя ничему не удивляться. – Финист приобнял меня за плечи, заводя в дом. – Пойдём, побеседуем.

Пока миновали сени да горницу, я осматривалась. Дом был большим, чистым, но неуютным. Деревянные стены без единой картины, выскобленные полы, из мебели – сундуки, стол да лавки. Добротное всё, но для дела. А для души... Для души ни цветочка, на занавески украшенной. Так не похоже на родной дом, где каждая клеть была обставлена с любовью!

Но тут муж открыл дверь, и я будто в книгохранилище попала! Такое море книг – бесконечные полки от пола до потолка. От такого богатства глаза разбегались! Но я поумерила восторг, стараясь не слишком глазеть на это великолепие. Сначала надо обсудить дела сегодняшние, а уж потом... Интересно, муж разрешит поселиться здесь на недельку?

Я присела на стоящий в углу сундук, чинно сложив руки на коленях и гордо выпрямив спину. Если сейчас выяснится, что в доме с нами полюбовница мужа будет водиться – ни в жизнь не останусь, даже ради книг! Батюшка сказал, что могу вернуться – вот и вернусь, а позориться не стану.

Финист подошёл к стоящему у стены столу, побарабанил пальцами по столешнице, но молчал, подбирая слова и явно не зная, с чего начать.

– Так что насчёт Алёши?

– Он мне не сын. Племянник.

Стало чуточку легче. Просто по батюшке знала – любимая женщина плохо выходит у мужчин из головы, и бороться за Финиста с образом первой возлюбленной (или с ней же подлинной) мне не хотелось.

– Почему тогда он называет тебя отцом?

– Вчера, когда мы принимали роды у Марфы, я сказал, что без твоей помощи мог спасти или ребёнка, или роженицу. Это правда. Когда рожала моя сестра, шептуньи рядом не было. Она умерла у меня на руках, истекая кровью, а я ничем не мог помочь.

Он так резко ударил по столу, что тот затрещал.

– Сестра вытребовала у меня клятву, что я спасу её дитя любой ценой. И я спас Алёшу. Нет, я не жалею, – поспешно добавил муж. – Он мне и правда как родной сын. И я надеюсь, ты тоже его полюбишь.

– А его настоящий отец? Он знает о нём?

Финист помрачнел и кивнул.

– Кто он? Почему не взял Алёшу к себе?

– Тебе это не понравится. – Я терпеливо ожидала ответа, и муж сдался: – Его высочество Сирин.

Наверное, я пошатнулась, потому что Финист тотчас оказался рядом и опустил передо мной на корточки. Взял мои руки в свои. А я всё никак не могла поверить. Мальчик, с которым я познакомилась – царский отпрыск? Бастард? И мне его воспитывать?

Конечно, Сирин был не первым в очереди на престол. И даже не вторым. Царь-батюшка был богат сыновьями, а те уже были достаточно взрослыми, чтобы обзавестись жёнами и детьми. Но кто власть к рукам прибрать захочет, может и к бастарду приглядеться.

– Вот поэтому я не хотел говорить, – вздохнул Финист, глаза виновато опустив. – Не бойся, отбирать его никто не думает. Да я и не отдам, впутать его в борьбу за престол не позволю. Он свою судьбу сам выберет.

– И царевич ничего не скажет, что Алёшу такая, как я, воспитывает? – не сдержалась.

– А что с тобой не так? – удивился Финист. – Батюшка твой – человек уважаемый, ты сама грамоте обучена, воспитана. И с детьми ладишь – или думаешь, я не видел, как ты на постоялом дворе с малышнёй возилась? Да такой супруге любой рад будет!

Говорил муж искренне, а на последних словах будто засмутился даже. И я оттого зарделась сильнее: не ожидала, что он меня хвалить станет.

– Значит, я не только мужем, но и сыном обзавелась, – протянула я, чтобы скрыть смущение. – Надеюсь, мы с ним скоро подружимся. Расскажешь, что Алёша любит, чего боится? Конечно, и сама постепенно узнаю, но...

Я ахнула от удивления, когда вместо ответа Финист подался вперёд и крепко меня обнял.

– Спасибо тебе, Ладушка! Спасибо за понимание.

Так нас и застал Кощей, заглянувший в кабинет в поисках пропавшего сына и невестки. Финист тотчас отступил, я густым румянцем залилась: хотя, чего стесняться? Муж жену обнимает.

– Простите бога ради. – Свёкор тотчас вышел, прикрыв за собой дверь, и уже из коридора поинтересовался. – Верно ли, что покои вам одни на двоих готовить?

– Да.

– Нет!

Выпалили мы с мужем одновременно.

– Никак я мешал тебе спать последние ночи? – Финист протянул руку, касаясь моей щеки. Ох, как бы не обжёгся, так они горели! – Скажи, что сделал не так, исправлюсь.

– Не в том дело. Алёша думает, что я его няня. Пусть он перво-наперво ко мне попривыкнет. А там и правду узнает.

– И оттого ты полагаешь спать порознь?

– А ты разве спал вместе со всеми его нянями? – отбила я, а из-за закрытой двери донёсся отчётливый смешок. Похоже, Кощей нас прекрасно слышал.

– Нескладная шутка, – сощурился муж, снова наклонившись и опершись о сундук с двух сторон от меня.

И боязно стало, и забавно. Но отступать я не думала.

– Это был вопрос, – возразила я. – И как твоя супруга, я имею право знать.

– Сначала определись, жена ты или няня! – рассердился Финист, почти нос к носу со мной оказавшись.

Сердце предательски забилося, а губы пересохли. Казалось, ещё немного и...

– Дети, надумали чего? Время-то идёт! Или останетесь в кабинете до зари? – снова раздался голос Кощея, и Финист раздосадованно оглянулся на закрытую дверь.

Я отодвинулась от него к самой стене, упрямо поджала губы, решения менять не собираясь. Не хотела я биться с Алёшей за любовь Финиста. Сама тяжело перенесла второй брак батюшки, люто ненавидела мачеху в первое лето её приезда. Это потом я свыклась и приняла, что она вовсе не злая колдунья, приворожившая отца, а обычная женщина. Но гадостей наговорить успела.

– Не передумаешь? – не отрывая от меня взора, спросил Финист, и когда я покачала головой, повысил голос, чтобы точно услышал Кощей. – Лада проживёт в гостевой опочивальне!

– Добро. Тогда я поколдую там немного, а вы пока побеседуйте. Молодым всегда есть о чём за закрытыми дверьми потолковать, – хмыкнул свёкор и ушёл от двери.

Мне вмиг обратно его позвать захотелось, уж больно шальная у моего мужа улыбка появилась. С этакой проказы творить, а не о делах разговаривать.

– Раз спать мы порознь будем, то не вспомнить ли нам, что ты всё-таки моя жёнушка? – лукаво приподнял бровь Финист, а его пальцы пробежались вдоль моей спины.

Меня аж пламень охватил. Никогда раньше подобных чувств не испытывала.

– Раз я твоя жёнушка, то давай обсудим, чем занимается Алёша. У него есть учителя? Чему он учится? – пискнула я, упёршись руками ему в грудь.

Мужа попробуй удержать – сильный, куда сильнее меня! Но тут он отодвинулся и расхохотался.

– Ладно, – сквозь смех произнёс он, поднялся и отошёл к столу. – Давай обсудим его учёбу.

* * *

Учился Алёша много: истории, математике, этикету, а также чтению и письму: Финист с гордостью показал исчерканный сыном лист. Алёша уже освоил алфавит и мог написать своё имя. Несколько

раз в неделю приходили учителя, но в основном его воспитанием занимался дед. Финист, впрочем, тоже старался находить время. Вот и сейчас, извинившись, ушёл к сыну, он ведь обещал навестить его перед сном.

Дожидаясь возвращения мужа, я прошла вдоль полок, вчитываясь в названия. Увы, любимыми сказками и легендами здесь и не пахло. Алхимия, физика и другие премудрости. Некоторые названия я впервые слышала, а открыв из интереса один такой томик, увидела рисунок иван-чая, но и он назывался по-учёному. Зато в книге были рецепты целебных зелий и хитроумные способы хранения трав. Надо же, оказалось, что корни лопуха не моют, а очищают от земли, перед сушкой разрезая вдоль! И сколько ещё полезного можно узнать из этой книги!..

Муж застал меня за записью рецепта от простуды. Неслышно подошёл со спины.

– Тебе это взаправду интересно?

От испуга я закапала чернилами листок.

– Интересно. А нельзя? – уточнила я настороженно.

Конечно, от домашних дел я отлынивать не собиралась. Напротив, руки чесались навести порядок в этом пустом доме. Сделать его уютным, чтобы не стыдно было гостей пригласить, да и самим жилось хорошо да ладно. Но тётка Фрося всегда говорила: «Ежели не найти себе занятие по душе, от души ничего не останется».

– Отчего же, занимайся, я только рад, – заверил муж. – Даже объяснить могу, что непонятно. Если тебе, конечно, нужна помощь...

Не похоже, чтобы он шутил. Батюшка меня к делам торговым не подпускал, считал, не женское это дело, потому и от мужа я иного не ждала. Но раз сам помочь вызвался... Я осторожно дотронулась до его руки.

– Буду рада, если поможешь. Я с сестрицей по её учебникам занималась, нахваталась по верхам. Так что учти, вопросов у меня будет много. Глупых вопросов, – подумав, добавила я, и Финист улыбнулся – словно солнышко выглянуло.

– На глупые вопросы отвечать сложнее всего. Вот, например, ты знаешь, почему небо синее?

– Потому что... – бодро начала я и замолчала, захлопав ресницами. Я не знала, как ответить! Небо было таким, сколько себя

помню. Конечно, иногда оно становилось серым или чёрным, заволочённым грозовыми тучами. На закате или на рассвете оно окрашивалось алым. Но почему небо днём именно синее, никогда не задумывалась.

Финист, похоже, такой реакции и ждал. Но насмешек себе не позволил. Вместо этого выбрал какую-то книгу и мне отдал:

– Вот здесь ответ найдёшь, и не только на это. Алёша обожает такие вопросы, так что привыкай.

– А ты не расскажешь? – не удержалась я, и муж тихо рассмеялся, щёлкнув меня по носу.

– Нетерпеливая какая! Лучше всего запоминаешь, когда сам ответ отыщешь. Да и горожане скоро бесконечной вереницей потянутся, куда уж мне в твои учителя подаваться.

– Колдовать придётся? – сочувственно спросила я и тут же обеспокоенно нахмурилась: как он работать собрался, если пока без силы?

– Когда колдовать, когда и зелий хватит. Много с чем приходят, от колдунов завсегда чудес ждут. Однажды кошку с дерева снимать пришлось!

– Спас? – хихикнула я, представив эту картину.

– Неделью исцарапанный ходил, – ничуть не обиделся на мою улыбку муж. – Так что не бойся, без работы не останусь. А теперь тебе пора спать. Отец наверняка закончил с обустройством гостевых покоев.

– А ты?..

– Я немного поработаю: дел накопилось и письма пришли, вдруг что-то срочное. Прочитаю их и лягу. Иди.

Он выпроводил меня в коридор, но я осталась стоять под дверью, раздумывая, подняться ли в покои или убедиться, что муж тоже ляжет спать. Конечно, усердная работа – это хорошо, но отдыхать тоже надо!

– Лада, иди спать. Или передумала и вместе ляжем? – раздался из-за двери приятный густой голос.

Я чуть ли не подпрыгнула на месте. Сквозь дуб морёный он видит, что ли? Помявшись ещё немного, но так и не дождавшись мужа, я послушалась доброго совета и отправилась в опочивальню.

Несмотря на неудобную и жёсткую кровать, заснула я как убитая и проспала до утра. Проснулась всего раз, услышав хлопанье крыльев за окном. Приоткрыла глаза, но никого рядом не обнаружила. Так и уснула снова.

Утром в опочивальню ворвался Алёша, запрыгнул на постель и без капли стеснения стянул с меня одеяло.

– Просыпайтесь быстрее, иначе завтрак проспите! – закричал он мне в ухо, и я села, с трудом соображая, где я.

Мачеха за подобные проказы всыпала бы розгами, но я подавила раздражение. Разве можно требовать у дитя учтивости, если его воспитывают двое занятых делами мужчин?

– Во-первых, юноша, не следует врываться к барышне в покои, когда она не одета. – Я сняла мальчика с кровати, а сама зашла за ширму. Сундук с вещами ещё не приехал, так что о новой одежде оставалось только мечтать. – А во-вторых, если будете прыгать на кровати, можете её сломать.

Алёша плюхнулся, усаживаясь поудобнее, и беззаботно на меня уставился.

– Дедушка починит, он же колдун! Он мне даже коленку починил, вот! – мальчик задрал штанину и с гордостью показал большой белый шрам.

Это ж как надо упасть, чтобы после лечения остались такие отметины?

– Давай не будем отвлекать дедушку по пустякам. – Я приложила палец к губам. – А попрыгать и на улице можно. Как считаешь?

Предложение Алёша воспринял без восторга, но с кровати слез и побежал впереди меня, показывая дорогу. Я неторопливо спустилась следом. Бегать не любила: в такие мгновения напоминала себе поросёнка, которого дворовая ребятня загоняет. Кому такое понравится?

Оказалось, что в горницу мы пришли последними. За накрытым столом завтракали муж и свёкор. Выбор был небогат: холодная говядина, тонко порезанные помидоры, лук, сыр, масло да хлеб. Я устыдилась: надо было проснуться пораньше и приготовить хотя бы оладьи! Всё-таки я теперь хозяйка, а не гостя в доме.

– Проснулась, Ладушка? Проходи, присаживайся! – Финист указал на место рядом с собой, но на него тут же уселся Алёша, и я,

спрятав улыбку, расположилась напротив, рядом с Кощеем. – Ты за скромный завтрак прости: у нас прислуга приходящая, девушка убирается три раза в неделю, а тётка Томира на кухне и того реже бывает. Наготовит на неделю, мы с отцом заморозим – и в ларь, а потом колдовством греем. Но если тебе девушка в прислугу нужна, то взять несложно.

Я осторожно кивнула. Хотя бы ещё одна пара рук мне не помешала бы.

– Давай я сначала присмотрюсь, кто к вам... к нам приходит, а после потолкуем? – попросила я. Хорошую служанку найти было непросто, такую, чтобы не сплетничала за спиной да работала на совесть. Вот Варя у меня была работящая и смешливая, больше подруга, чем прислуга. Тем более я и сама сидеть без дела не собиралась.

– Как спалось на новом месте? – между тем поинтересовался свёкор, намазывая краюху маслом.

– Благодарю, замечательно, – честно призналась я. – Здесь очень тихо. Я думала, в городах по ночам шумнее.

– В другом месте, может, и шумно. Но рядом с колдунами шуметь бояться, – усмехнулся в бороду Кощей. – Мало ли в кого превратим спросонья.

– А умеете?

– Всякое бывало.

Не успели мы позавтракать, как прямо над нашими головами раздался громкий стук. Я заозиралась, а Финист скривился.

– Это к отцу пришли. Дедушка так калитку зачаровал, чтобы звук по всему дому разносился, – громким шёпотом пояснил Алёша.

– Что сидишь? Иди открывай, – мотнул головой Кощей.

Финист с мученическим видом натянул на лицо доброжелательную улыбку.

Посетителями оказались муж с женой, перекрикивающие друг друга. По обрывкам я поняла, что жена обвиняла мужа в измене, а тот оправдывался, что не к молодке заглядывал, а к лавочнику в том же доме. Финист их в кабинет позвал, но даже из-за закрытых дверей крики доносились.

– И чего они хотят? – Я прикрыла уши удивлённого Алёши ладонями. Негоже ребёнку такую ругань слушать.

– Чтобы их колдовство рассудило.

– А как Финист поймёт, кто виноват? Колдовской шар спросит? – допытывалась я. К отцу селяне тоже порой приходили за советом, но нас с сёстрами в такие дни из горницы выгоняли.

– Колдовской шар? – нахмурился Кощей, но дожидаться уточнений не стал. – Тут колдуном быть не обязательно, зелья правильно сваренного хватит. Сходи-ка, посмотри, как Финист работает, – неожиданно предложил он. – Тебя сын прогонять не станет. Да иди, не бойся, а я за Алёшей пригляжу.

От возможности утолить любопытство я не отказалась и прошмыгнула в кабинет, встав в уголке. Финист, заметив меня, ничего не сказал, а гости, если и хотели, при колдуне возразить не отважились.

Муж достал из стеклянного шкафа колбы и крохотный кинжал, первым подозвал к столу возможного изменщика. То и дело обтирая ладони о штаны и почёсываясь, тот нерешительно вытянул руку и ойкнул, когда Финист уколол его палец. Крови всего ничего потребовалось, но мужчина побледнел, будто вот-вот чувств лишится. Жена его перенесла укол спокойнее.

– Завтра утром придёте за ответом.

Супруги удалились, всё ещё споря, а Финист поместил колбы в кожаный футляр и убрал в шкаф. Я не утерпела, подошла ближе: чего в том шкафу только не было! Ножи, змеевики, склянки: прозрачные и из тёмного стекла, в каких-то растения были закрыты, а в одной банке настоящая змея плавала...

– Вечером посмотрю, хотя тут всё очевидно. – Муж прикрыл шкаф от моего любопытного взгляда.

– И кто правду говорит? – решила я проверить собственную догадку.

– А ты как думаешь, жёнушка?

Не ожидала я, что спросит. Самой неловко стало. Но раз он ждёт ответа...

– Думаю, жена права: муж любит на сторону погулять, – сказала я дрогнувшим голосом и пояснила, пока Финист меня на смех не поднял: – Он дважды разное время называл, когда лавка открывается. А ещё постоянно ладони почёсывал и живот да завязку штанов

подёргивал. У нас конюх старый был, до Федьки, так он похожую болезнь чесоточную от гулянок подхватил...

– Верно подметила, жёнушка. – Финист выглядел довольным, будто не я, а он загадку разгадал. Мне и самой приятно стало, что я суждение верное привела. – Но одних домыслов мало. Я потому и кровь взял: посмотрю, есть у него болезнь или нет.

Как это по крови увидеть, Финист объяснить не успел – снова раздался громкий стук.

– Удачного дня. – Я на цыпочки привстала и быстро поцеловала мужа в щеку. Матушка так в детстве делала, когда батюшка работал допоздна, подбодрить чтобы. Но прежде, чем убежала, Финист поймал меня за руку и, прижав к себе, коротко поцеловал в губы.

– Вот с такими воспоминаниями и работа легче пойдёт. – Он подмигнул, выпуская меня из объятий.

* * *

Вернулась я в горницу, а Кощей мне навстречу вышел, кафтан на ходу оправляя. Алёша за дедом как привязанный шёл, подпрыгивая и о чём-то болтая без умолку. Кощей его одёргивал, но не ругался. А как меня увидел, выдохнул с явным облегчением.

– Лада, меня во дворец вызывают. Пригляди за этим сорванцом. Погуляйте с ним, съездите на ярмарку, что ли. – Свёкор протянул мне кошель с монетами. – Заодно купишь, что тебе для дома надобно, покуда обоз с вещами до города доберётся. Не ходить же тебе в одном платье всё время.

– Спасибо. – Я как-то растерялась от его заботы, но отказываться не стала. – А за Алёшу не переживайте, присмотрю.

Я улыбнулась мальчишке, но тот сморщился и расхныкался, за Кощея прячась.

– Не хочу с няней! Я с тобой пойду, дедушка, – закапризничал он, вцепившись в штанину колдуна.

– Да пожалуйста, – пожалала я плечами. – Мне же больше лакомств достанется. В парк схожу, на карусели покатаюсь. В городе-то карусель куда интереснее, чем на сельской ярмарке!

– Пряники испробовать не забудь, – догадался о моей хитрости Кощей, пряча в бороде улыбку.

– Точно, это вы хорошо напомнили. Помнится, сестрица моя, Василиса, привозила расписные пряники: на меду, с яблочной начинкой. Вкусные-превкусные, так и таяли во рту! Надо поискать, где такими угощают. – Я в задумчивости взвесила кошель на ладони.

Алёша отлип от деда и бочком пододвинулся ко мне. Дёрнул меня за подол и доверительно сказал:

– Я знаю где.

– Правда? Ох, жаль, что ты едешь во дворец с дедушкой! Мог бы показать дорогу. Заодно купили бы пряников к чаю. Но нет так нет, обойдёмся краюхой хлеба. – Я вздохнула, делая вид, что собираюсь уходить.

На лице мальчика отразилась борьба между желаниями: пойти во дворец или за пряниками. Любовь к сладостям победила.

– Дедушка, ты не серчай, я в следующий раз с тобой поеду, – пообещал Алёша Кощею, а сам протянул мне руку. – Пойдём, я покажу куда.

Я подмигнула свёкру, сохраняя серьёзный вид, и вслед за мальчиком вышла на улицу. Ветра или Пенку седлать не стали, Кощей свистнул нам какую-то колымажку, щедро отсыпав кучеру, чтобы тот возил нас весь день. Яроград не село, чтобы по нему пешком расхаживать.

Стоило выйти за калитку, как мою ладонь тотчас отпустили. Алёша сразу дал понять, что никаких походов за ручку он не потерпит. «Большой уже!» – объяснил он, а сам по сторонам поглядывал, чтобы приятели его с няней не застали. Спорить я не стала, но в колымажку ему забраться помогла.

В городе было оживлённо, куда оживлённее, чем в селе даже в ярмарочные дни. Все куда-то спешили, перекрикивались, ругались. Проехавший мимо всадник чуть не сбил бредущую с рынка женщину и напугал меня до заикания: я отлипла от окна и до самой ярмарки смотрела только на Алёшу.

Кучер остановился неподалёку от ярмарки: дальше колымажке ходу не было. Лавка с пряниками расположилась в самом начале. Домик и сам выглядел сделанным из сладостей, с красивой лепниной и ярко-красной крышей. Доброжелательная хозяйка предложила целый

набор пряников на большом круглом подносе, и я разрешила Алёше выбрать понравившийся. Он жадничать не стал, взял небольшую пряничную собаку. Судя по тому, с каким печальным видом он провожал каждого встреченного нами пса, Алёша мечтал о собственном мохнатом друге.

– Отец не разрешает собаку, говорит, я слишком маленький, – с печальным видом подтвердил мою догадку Алёша.

Транжирить все деньги я не собиралась, но не удержалась от ещё одной покупки: большой круглый пряник с соколом так и манил, чтобы его взяли! Раскрывшая крылья птица над лесом больно уж напоминала недавнего ночного гостя.

Закупились мы с Алёшей и отправились дальше, любуясь яркими палатками и рыночными представлениями, и остановились у коновязи, где мальчик сразу прикипел взглядом к мохнатому пони. Даже карусель не так его заинтересовала. Пришлось раскошелиться, зато сколько радости мальчику! Алёша после катания все уши прожужжал мне, какой он лихой наездник.

Мы немного прогулялись вдоль продуктовых рядов, выбрали мне платье – простенькое, но цвет больно красивый, глубокой зелени. К ужину прикупили овощей, мяса и хлеба и даже успели глянуть на парочку скоморохов на самодельном помосте. Те показывали сценку казни оборотня, люди вокруг хохотали, а мне неприятно сделалось. Ну разве есть что-то весёлое в убийстве? Алёше представление тоже не понравилось, и он не стал капризничать, когда я предложила вернуться домой.

Уходя с ярмарки, я хлопнула себя по поясу и поняла, что кошель как не бывало. Обокрали! Срезали кошель, а я и не заметила, как это случилось! Денег там оставалось всего ничего, но это было слабым утешением. С простой задачей не справилась, растяпа! Обидно до слёз. И разве отыщешь теперь вора? А даже если найдёшь: он меня саму прибьёт, не посмотрит. К тому же не одна я, а с Алёшей, и за него отвечаю...

Алёша, удивительно внимательный ребёнок, сразу заметил, что глаза у меня на мокром месте.

– Что-то случилось, нянюшка?

Я покачала головой, не зная, как сказать, что у нас украли деньги.

– Голова немного шумит, – приврала я. Хоть от случившегося и правда немудрено заболеть.

– Я подлечу. Ты не бойся, я умею. Только ты наклонись, пожалуйста, – предложил Алёша.

У меня аж комок к горлу подступил. Присела я на корточки, Алёша ладонью по голове несколько раз провёл, а затем виски мои сжал.

– У кошки заболи, у собачки заболи, а у Лады подживи, – пробормотал он три раза с самым что ни на есть серьёзным видом и отступил на шаг, опуская руки. – Всё, теперь пройдёт. Меня отец этому заклинанию научил! Помогает же?

– Ты прав, мне намного лучше.

Я обняла его, несмотря на попытку отворотить нос. Как ни крути, а главное сокровище сейчас было рядом со мной.

* * *

Ещё на подъезде я поняла, что дома что-то случилось: не случайно же у калитки собрались соседи и городская стража. Выбрались мы из колымажки, Алёша испугался и сам взял меня за руку, а я решительно растолкала самых крикливых локтями, чтобы не толкнули ребёнка.

В дом мы заскочить не успели: дверь открылась, и на пороге появился Финист. Бледный, взлохмаченный, взволнованный. Увидел нас, уставился, будто не поверил, а затем сгрёб в охапку – да так, что рёбра затрещали.

– Вы в порядке? – выдохнул он, больше утверждая, чем спрашивая. Подхватил на руки сына, оглядывая с ног до головы.

– Конечно, в порядке. А что случилось? – как можно спокойнее заговорила я, положив ладонь ему на руку.

Видела я однажды такое выражение лица: у мачехи, когда Алёнушка вместе с подружками отправились в лес, а охотники принесли весть о стае волков поблизости. Когда сестрица к вечеру вернулась домой целёхонькой и невредимой, мачеха встретила её со слезами на глазах.

– На отца напали, когда он возвращался домой. В переулке, неподалёку отсюда. Повезло, что соседка выглянула на шум и подняла крик. Увы, нападавшего не разглядела.

– Что с Кощеем?

– Жив, но без чувств. Я боялся, что вы были вместе и пострадали, – тихим голосом признался Финист и ко мне склонился, голова к голове. Кажется, чужие пересуды за нашими спинами его не волновали вовсе.

– Нет, мы давно разошлись. Кощей попросил приглядеть за Алёшей, пока он во дворец ходит, вот мы и гуляли. На ярмарку съездили. – Я показала нехитрые покупки.

– Отец как чувствовал... – горько улыбнулся Финист и оглянулся на дом.

А мне не по себе стало. Если в городе на колдунов не боятся нападать, то что грозит обычным жителям? Как таракана прихлопнут! Или кто-то нарочно на Кощея охотился?

Финист отпустил сына, шепнул ему что-то, и Алёша прошмыгнул в дом. В тот же миг из городской стражи выступил высокий мужчина с военной выправкой, лет тридцати на вид, смуглый и черноволосый, с орлиным носом и короткой бородкой.

– Так понимаю, поиски отменяются? – спросил он у Финиста низким глубоким голосом.

– Верно понимаешь. Извиняй, что побеспокоил, Свят.

– Это моя работа. – Тот небрежно пожал плечами и дал знак остальной страже покинуть двор. Соседей тоже ненавязчиво выставили, хоть они продолжили шушукаться за оградой. – Святослав Вранович, старший сыскарь столицы, – представился мужчина, буравя меня тёмным взглядом. – А вы, так понимаю, Лада Митрофановна?

– Рада знакомству. – Я поклонилась, как мачеха учила.

– Радостного в таком знакомстве мало, – перебил сыскарь. – Поведайте лучше, в какое время ваш свёкор вышел из дома?

– Да только день занялся, – растерялась я. – Его во дворец вызвали по срочному делу.

– Может, и гонца видели, что наказ царский передал? – продолжил допытываться Святослав. И смотрел так, будто прикидывал, сейчас в темницу тащить или подождать немного. Наверное, и Финист его настрой почувствовал, вмешался в наш разговор.

– Ну полно, будет тебе. Сам знаешь, царевич может отправить за отцом в любое время дня и ночи.

– Но в этот раз никто его не звал. – Святослав подёргал бороду, а мне совсем дурно стало. Выходит, и правда по Кощееву душу приходили? – Отец твой в последнее время ни с кем не ссорился?

– Когда? Он занят то внуком, то его высочеством. – Муж качнул головой и отступил с порога. – Послушай, что мы тут треплемся? Заходи в дом. Мне бы отца подлечить, пока ему хуже не стало.

– Иди, лечи. – Сыскарь махнул рукой. – Я позже вас обоих проведу. Попробую по горячим следам переулков этот глянуть. Вдруг что наклюнется. А ты... за семьёй своей новой лучше приглядывай. Не дело это, нападение среди бела дня.

– Присмотрю, не волнуйся. – Финист прижал меня к себе, а затем отпустил и подтолкнул к дому. – Если что-то найдётся, держи в курсе.

– Всенепременно.

На том и разошлись.

Мы поднялись в опочивальню к Кощею, куда его добрые люди отнесли. Свёкор спал, вытянув руки поверх покрывала. Голова у колдуна была замотана тряпками, лоб рассекала ссадина. Алёша сидел у кровати деда, что-то тихо нашёптывал и водил над ним руками. Я подумала, что он снова своё «заклинание» использует, и собралась его позвать, чтобы отцу не мешал, но Финист остановил меня, приложил палец к губам. Ссадина от удара стягивалась на глазах, пока не превратилась в тонкий шрам. Сделав дело, Алёша спокойно вскочил на ноги, а вот Финист пошатнулся, за меня схватился, едва устояв на ногах. Из носа алой дорожкой кровь побежала.

– Ой, я не знал, что ты уже здесь. – Алёша оглянулся на отца. – Я сейчас...

– Хватит! – резче, чем следовало, остановил его Финист и сам это почувствовал. – Извини. Ты очень помог бабушке, теперь отдохни.

– Но я не устал!..

– Я устал, – как-то чересчур по-взрослому объяснил муж, но этого, на удивление, хватило.

Алёша понурился, опустил голову, собираясь уйти. Я поймала мальчика за плечо, когда он проходил мимо.

– Можешь намочить платок? Беги на кухню, там ведро с чистой водой у печи.

Он тотчас вскинулся, глядя на отца.

– Раз Лада сказала, значит, делай, – со вздохом согласился Финист. У Алёши засверкали глаза.

– Я мигом! – воскликнул он, хватая платок, и выскочил за дверь.

Финист отвёл взгляд, как тогда, в лесу, когда не договаривал о сыне. Хотя что тут было не договаривать? Мне яснее ясного стало, отчего муж во мне шептунью признал.

– Значит, не я первая в нашей семье шептунья, – с укором, что не рассказал раньше, заметила я.

Муж кивнул, переносицу зажимая. Кровь всё ещё капала, а сам он цветом лица почти сравнялся со свёкром, такой же бледный стал.

– Догадалась, – прошептал он.

* * *

Исцеляющее колдовство Алёши выпило у Финиста только начавшие восстанавливаться силы, да ещё и обычные человеческие вытянуло. Финист едва до опочивальни добрался, там и уснул, не раздеваясь.

Я за хозяйку осталась, Святослава Врановича вон встретила: он через час явился. Узнал, что Финист спит беспробудно, и задерживаться не стал: видно, учёный человек, хоть и сыскарь, не впервые с колдовством дело имеет. Следом за Святославом несколько посетителей заявилось: бесстыдные, они и слушать не захотели, что муж мой почивать изволит. Стучали, стучали, пока я на порог не вышла с метлой наперевес и не пригрозила их всех в лягушек превратить. Поверили, ушли.

Последний гость, правда, посмотрел на меня с неприкрытой злобой, но я на своём настояла. Наверное, он из торговой братии был: напыщенный весь, в красно-белой рубахе и с серьгой в ухе в виде камня на цепочке, до самого плеча свисающей. Но торговец или нет, а будить Финиста из-за чужой прихоти я не собиралась. Ему отдохнуть надобно, а дела подождут.

Муж проснулся ближе к вечеру. Добрёл до кухни, почуяв запах мяса, уселся за стол. Он так тяжело вздыхал, что я не выдержала и положила на тарелку кусок обжаренной говядины.

– Каша пока не готова, – предупредила я, дочищая лук. То, что приходящая кухарка наготовила, только для перекусов и годилось. Так что за ужин я взялась основательно: иначе откуда силы брать?

Ох, и злая головка попалась! Слёзы так и катились из глаз, разглядеть что-то было трудно.

– Как ты себя чувствуешь? – борясь со слезами, спросила я мужа.

– Худо-бедно, – неопределённо ответил Финист, с аппетитом уплетая мясо. На кашу он тоже посматривал, и я порадовалась, что готовила с запасом. – Где Алёша?

– Читает у себя. Он сначала мне помогал, крупу перебирал, а потом устал, и я отпустила его поиграть. Скажи, это ладно для его возраста – читать книги по военному делу?

– А какие ещё? До экономической науки он пока не дорос.

Я вздохнула.

– Сказки, например. Он же маленький ещё.

– Любовь к науке надо прививать сизмальства, – нравоучительно произнёс Финист. Увидел, что я поджала губы, и пошёл на уступки. – Если хочешь, читай ему сказки. Но не уверен, что он будет слушать.

– Ещё как будет, – поспорила я.

Пока мы вдвоём возились у очага, я от скуки пересказала Алёше историю трёх поросят, которую любила тётка Фрося. Мальчишка был в таком восторге, что попросил повторить, а когда поднимался по лесенке, напевал про Серого Волка. Мужу, однако, я этого рассказывать не стала. А то вдруг как испугается, что Алёша слишком отвлечётся от его «науки», и запретит наши посиделки?

Финист доел, отодвинул плошку и довольно потянулся.

– Хорошо всё-таки, что ты за ним приглядела. У меня после его колдовства каждый раз душа не на месте. И не то страшно, что он силы мои тянет, а то, что покуда я как куль с мукой валяюсь, он во что-нибудь вляпается, убежит куда-нибудь, разобьётся!

– Да он от тебя не отошёл бы, если б я не позвала, – покачала я головой. Пока мы готовили, Алёша несколько раз бегал и проверял, как там отец с дедом. – Он очень ответственный.

– Твоими бы устами да мёд пить, – пробормотал Финист, пряча довольную улыбку.

В это время «ответственный» сын заглянул на кухню, увидел отца и прыгнул ему на спину с разбегу.

– Ура! Ты очнулся!

– Куда ж я денусь, – сдавленно выдохнул Финист и, извернувшись, пересадил ребёнка рядом на скамью. – Ты вёл себя хорошо? Не докучал Ладе?

– Нет. Я ей помогал! – Алёша с гордостью показал перевязанный пальчик: он начал резать морковь, но вместо моркови проехал ножом по пальцу. Удивительно, что не заплакал, и безропотно позволил обработать ранку. Даже подсказал, где у дедушки снадобья на такой случай хранятся. – Подлечишь? – с надеждой спросил он.

– Пока не могу, – вздохнул муж.

Сын сначала понурился, а затем вскочил со скамьи.

– Не переживай, отец. Я подожду, когда у тебя силы появятся. Мне не больно, честно! Пойду пока к дедушке загляну.

– Только не буди его, – попросил Финист, и Алёша убежал.

– И долго ты будешь без колдовских сил?

Я закончила с луком и бросила его к крупе.

– Она с прошлого раза не до конца восстановилась, а тут снова, – вздохнул Финист, что-то прикидывая про себя. – Теперь неделя потребуется, не меньше.

– А если так?

Я уверенно подошла и уселась на скамью рядом. Обхватила его лицо ладонями и поцеловала, представляя, как передаю всё своё тепло и заботу, словно часть своих сил. Финист попробовал отстраниться, но держала я крепко. Понимала, что целоваться со мной удовольствие то ещё, но ничего, пусть терпит.

Мне пришёл ответ от сестры, где Василиса расписала, кто такие шептуны. Намёками интересовалась, для чего я спрашиваю, и такими же намёками дала понять, что догадывается почему.

А вот как шептуны силой делятся, она поведала безо всяких намёков. И хорошо, иначе мне бы точно смелости не хватило.

Интересно, довольно уже силы – или немного подождать?

Финист как-то судорожно вздохнул, и его безвольно лежащие руки вдруг крепко прижали меня, а губы ответили на поцелуй. И как ответили! Я сама не заметила, как очутилась у него на коленях, подставляя под торопливые поцелуи шею. И лента с моей косы змеей оползла на пол, и с губ сорвался глухой стон. С моих ли? С его?

На лестнице послышался топот, и это привело нас в чувство. Чудо закончилось. Я отшатнулась от Финиста, едва не упав и пытаясь отдышаться. Красная как рак, я боялась смотреть на мужа. Хорошо, что Алёша пробежал мимо, а не заглянул сюда! Иначе застал бы нас за поцелуйным делом!

– Пойду, проведу отца, – как-то тяжело сглотнув, Финист встал со скамьи, но прежде, чем уйти, легонько сжал мою ладонь.

* * *

К полуночи Финист уложил Алёшу и отправился в кабинет поработать, и в это же время проснулся Кощей. Я как раз зашла его проверить и, видимо, потревожила сон своими тяжёлыми шагами. Свёкор чувствовал себя неважно, у него болела голова, и я принесла ему заранее заваренный настой. Трогать Кощевы запасы не стала: мешочек с высушенными травами захватила из дома и переложила в сумку отдельно от остального добра. Собирала травы Василиса, так что в пользу настоя я не сомневалась. Сама пила его в женские дни, очень уж мучилась от боли.

Выпив отвар, Кощей снова провалился в сон, а я, чуть посомневавшись, всё-таки зашла к мужу. Не бегать же от него после каждого поцелуя! Застыла на пороге, надеясь, что не прогонит. Финист выставил на стол чудное приспособление из металла и стекла с разноцветными колбами, и что-то в них дымилось, бурлило.

– Не бойся, проходи, – не оборачиваясь, позвал меня муж. Что он там насыпал, одному ему было известно, но из устройства повалил густой белый дым.

– Чем занимаешься? – Я присела на уже знакомый сундук.

– Помнишь семейную пару, которая приходила с утра?

– Где жена обвинила мужа в измене?

– Ага. Хочу убедиться в твоей правоте. А может, сама попробуешь? – неожиданно предложил он и протянул мне склянку с кровью.

Отказываться я не стала, интересно же! Финист меня направлял: когда надо колбу снять, чтобы не перегрелась, когда кровь добавить:

в одну склянку мужа, в другую – жены. А где и вовсе кинуть крохотные серебристые листочки, потемневшие в мгновение ока.

– Эх. Вот тебе и доказательство. – Выдохнул колдун, разглядывая на свет получившееся зелье. Грязное оно было, мутное. В отличие от второго, куда я кровь обманутой жены добавила. – А ведь славная пара была.

От меня он отходить не торопился. Наоборот, придвинулся, за плечи обнял.

– А может, это я что-то намудрила? – неловко попыталась я найти другое объяснение, но Финист качнул головой.

– Я внимательно наблюдал. У тебя для первого раза хорошо получилось. Сестре помогала с зельями?

– Немного. Я и Кощею отвар сварила, чтобы голова не болела. Он его принял и снова уснул.

– Что за отвар? – тут же уточнил Финист, и я рассказала ему рецепт.

Муж покивал с умным видом.

– Травы сама собирала?

– Нет, это всё Василиса, – призналась я со смущением, вспомнив, как летом сестрица бегала по полю, в то время как я в тенёчке читала книги. Правда, не приключения, а учительную книгу – и решала заданные ей задачки.

– Тогда будет, чему поучиться. Говорят, шептуны хорошо в травах разбираются. Как отец поправится, сходим на луг за город, – пообещал Финист и спохватился. – Хочешь?

– Хочу. Мне интересно, – тотчас согласилась я. – Только ты не жди от меня многого. Вдруг я неправильная шептунья?

– Просто необученная. – Муж покачал головой. – Ложись спать, жёнушка. Утро вечера мудренее. А за отцом я и сам пригляжу.

– А с утра как вставать будешь? Нет уж, ложись лучше ты. Тебе работать завтра, посетителей принимать. – Я развернула его к дверям. А он ещё и упирался, вот твердолобый!

– Кстати, днём никто не приходил? – у самых дверей вспомнил муж.

– Приходили.

Я перечислила всех посетителей. Услышав о торговце с серьгой, он насторожился, попросил описать подробнее. А как я описала да

добавила, что пригрозила гостя заколдовать, если не уйдет, закрыл лицо руками с таким выражением, будто не знал, ругать меня или смеяться.

— Я кого-то важного выгнала, да? — предположила робко, прихватив мужа за рукав, а Финист не выдержал и всё-таки ухмыльнулся.

— Всего лишь верховного колдуна. Тише. — Он приложил палец к моему округлившемуся рту. — Михея давно пора было поставить на место, а то привык к другим как к себе домой ходить. Но метлой, надо же!.. — Финист покачал головой, а затем успокаивающе улыбнулся и меня по щеке погладил. — Ну-ка, не бойся. Ничего он тебе не сделает. Веришь?

Я вдруг поняла, что верю: если понадобится, муж меня хоть от верховного колдуна защитит, хоть от царя-батюшки.

* * *

С трудом спровадив Финиста в опочивальню, я собрала целый ворох тканей, найденных в сундуке в своих покоях, вернулась на кухню и принялась за шитьё. Работать при свечах мне было не привыкать, к тому же я никуда не торопилась. Несколько раз за ночь навестила Кощея, однажды дала ему напиток — и снова возвращалась к шитью.

К утру занавески были готовы. Простенькие, из белого ситца в крупный голубой горошек. Хорошо бы украсить их кружевами, но на первое время и такие годились. Под утро, интереса ради, я попробовала пошептать над собственными исколотыми за ночь пальцами, но ничего не добилась. Может, Финист ошибся и никакая я не шептунья? У Алёши и то лучше заговоры выходили.

Впрочем, колдовство домашних дел не отменяло. Девушка, что раньше в доме убиралась, пришла с утра и через час получила расчёт: очень мне нужна прислуга, работающая для видимости! Стоило пройти следом за ней тряпкой по шкафам или залезть под скамью, как оттуда вылетали клубы пыли.

— Не боишься упасть? — поинтересовался свёкор, когда я вешала занавески.

Кощей проснулся с первыми петухами и сам зашёл в горницу, хотя я и настаивала, чтобы он лежал и отдыхал. Для человека, который вчера чуть не встретился с праотцами, чувствовал он себя просто прекрасно, даже позавтракать успел. Порывался помочь с уборкой, но я не позволила. Правда, выгнать его не удалось: Кощей уселся в углу с книгой, присматривая за мной. Наверное, приловчился Алёшу колдовством ловить, — догадалась я по его замысловато сложенным пальцам, но возможности поймать себя не предоставила.

И всё-таки удивительное дело, как одна мелочь меняет картину! С занавесками в горнице сразу стало уютнее: яркий солнечный свет больше не бил в глаза, а стелился тонкими полосками. Стол я украсила белой скатертью, поставила посередине вазу с цветами из сада. Хотя пока добиралась до цветов через заросли сорняков и сваленных в кучу веток, чуть юбку не порвала и все руки исколола! Так что садом тоже предстояло заняться, но позднее.

— Ого! Я будто в гости зашёл. — В горницу заглянул Финист, с любопытством подмечая изменения. — Начинаешь обживать?

— А можно? — Я спохватилась, что не спросила разрешения.

Финист махнул рукой, мол, делай что хочешь. Я подавила улыбку. Это он ещё не знал, на что согласился!

Муж тем временем повернулся к отцу:

— Как голова?

— Бывало и лучше, — не стал врать Кощей. — Хоть невестка всю ночь за мной присматривала. Золотая у тебя жена, Финист.

— Это я и сам знаю. А ты на чужих жён не заглядывайся, — проворчал муж, а мне нотки ревности в его голосе слышались. Слышались же? — Лучше скажи, зачем с кровати поднялся, раз болит?

— Не терпится узнать, кто меня так приласкал вчера.

— Святослав разбирается. Ты его знаешь, он в лепёшку расшибётся, а до правды докопается.

— Этот может! — кивнул Кощей, дёрнув бороду. — Ты его позови, я повспоминаю, что случилось. Может, помогу расследованию.

— Отчего ж не позвать.

Финист подошёл к окну и дунул на ладонь. Порыв колдовского ветерка пронёсся по комнате, озорным колоколом поднял мой подол и так же легко выскользнул в окно.

Кощей за его колдовством со стороны наблюдал.

– Быстро у тебя сила восстановилась, – заметил он каким-то напряжённым голосом.

– Не вся. Так, балуюсь, – отмахнулся Финист и поспешил сменить тему: – Лада, а ты давно проснулась?

Кажется, он почуял донёсшийся сюда запах почти готовой мясной подливы. Я собиралась смолчать, но Кощей сдал меня без раздумий:

– Лучше спроси, ложилась ли она. Я за ночь несколько раз просыпался – в горнице горели свечи.

– Это правда, Ладушка? – спросил Финист до того вкрадчиво, что я опрометью бросилась на кухню, бормоча придумку про оставленный самовар. Но убежать не успела. Муж перехватил меня в дверях, прижал к косяку.

– Правда не ложилась?

Я зажмурилась и кивнула.

– Почему?

У меня вырвался вздох. Глупость то была, страх дурной, но после нападения на Кощея я всё боялась, что разбойник проникнет в дом, чтобы завершить начатое. За свёкра боялась, за мужа и Алёшу, за себя. Потому и перебрела.

Финист прочитал ответ в моих глазах.

– Никто не войдёт в дом без моего ведома, не волнуйся. Тут такая защита поставлена, что захочешь – не сломаешь. Так что ничего не бойся и спи спокойно.

– Точно?

Колдовство колдовством, а я предпочла бы сторожевого пса во дворе. Может, уговорить завести собаку? Да и Алёша будет рад...

– Точно.

Муж вдруг подхватил меня на руки и без видимых усилий понёс к лестнице в опочивальню, никаких возражений не слушая. Уложил на кровать и заботливо поправил подушки. Когда он снял с меня домашние туфли, я сжалась, но, к счастью, на том моё разоблачение и закончилось.

– Спи. – Финист наклонился, целуя меня в висок. – И не вздумай вставать раньше полудня. Иначе в другой раз с тобой лягу, чтобы не сбежала, – пригрозил он и ушёл.

Горя от смущения, я думала, что теперь не усну: вот же забава,
влюбилась в собственного мужа!

Тут меня сон и сморил.

Глава 4

То ли Финист наколдовал, чтобы сон был крепче, то ли я действительно устала, но проспала до позднего вечера. Вышла из покоев, на ходу заплетая косу, и встретила в коридоре с мужем и Алёшей. Мальчик заулыбался и подбежал ко мне. Вцепился в ладонь так крепко, что мог оставить синяки.

– Ты считаешь мне на ночь?

– Ты прекрасно читаешь сам, – одёрнул его Финист.

– Но Лада обещала!

Наверное, муж настоял бы на своём, но я его остановила.

– Он прав, уговор дороже. – Я внимательно посмотрела на Финиста, надеясь, что он поймёт и не начнёт спорить, а затем наклонилась к Алёше и потрепала его по макушке: – Иди и ложись, я сейчас приду.

Он радостно убежал к себе, а мы с мужем остались.

– Ты его балуешь, – недовольно заметил Финист.

– Его дедушку вчера едва не убили, он сам учится целыми днями. Дай ему немного роздыха, – попросила я, положив ладонь на руку мужа и заглядывая ему в глаза.

Финист колебался, но сдался. А я не боялась, что разбалую ребёнка. О том, какими капризными бывают малые дети, я прекрасно знала по Алёнушке. Алёше до неё было ой как далеко!

Забрав из комнаты подаренную Варей книжку сказок, я зашла к мальчику. Он ждал на кровати, обняв тряпичного воина с деревянным мечом. Я подтащила поближе стул и, открыв книгу, начала читать.

Уснул Алёша, едва дослушав историю до конца. Я видела, что местами он скучал, и чтобы как-то разнообразить, на ходу добавляла приключения из прочитанных ранее книг. Тогда он тут же просыпался, воодушевлённо внимал какое-то время, а после снова клевал носом. Когда мальчик уснул, я подоткнула одеяло и задула свечу.

В горнице меня ждала неожиданность. Светловолосая красавица в охотничьем костюме – хорошо, батюшка не видит, его бы удар хватил! – сидела за столом и что-то сосредоточенно выписывала на листе бумаги. Длинная чёлка то и дело падала ей на глаза, мешая, и

она сдувала её или пыталась заправить за уши, но упрямые пряди лезли в лицо. Рукава белоснежной блузы были безнадежно перепачканы в чернилах, и чёрное пятно краски застыло на щеке, давая понять, насколько девушка увлеклась письмом.

– Василиса, – негромко позвала я, всё ещё не веря своим глазам.

Она вскинула голову, увидела меня и бросилась обниматься.

– Сестрица, как я рада тебя видеть! Я уже письмо начала писать, боялась, что не дождусь.

Василиса закружила меня, вовлекая в безумный танец. Мы чуть не сбили стол и не упали, но всё никак не могли расцепить руки.

– Ты же на учёбе должна быть. Что здесь делаешь? – первой опомнилась я.

– Какая учёба, когда весь город гудит о нападении на Кощея? Я как узнала, что ты теперь его невестка, так сюда и примчалась. Испугалась, вдруг с тобой что-то случилось!

– Да кому я нужна? – отмахнулась я.

Василиса нахмурилась.

– Много кому, – серьёзно ответила она и оглянулась, словно боясь, что нас подслушивают. Наверняка Финист и Кощей знали о госте, но позволили нам побыть наедине. – Ты ведь слышала о шептунах?

– А ты давно ли о них знаешь? – вопросом на вопрос ответила я.

– С прошлого года, – потупилась Василиса. – Ты не думай, я никому не рассказывала. И от тебя скрывать не собиралась. Просто хотела убедиться...

– Ох, сестрица, кто бы меня убедил.

Я увлекла её на скамью, без утайки рассказав о своих сомнениях. О том, что силы колдовской я не чувствую, и оттого кажется мне, что вожу всех вокруг за нос. Василиса выслушала меня внимательно, не перебивая, а затем взяла за руку.

– Скажу честно, Ладушка, сила колдовская в тебе есть, это мне и простым взглядом видно. Помнишь, как ты Мурку с того света вытащила? Три года назад, когда её собаки чуть не сгрызли, а ты полночи выхаживала – и выходила. Мне тогда странным показалось, что на ней раны как по колдовству зажили...

Я покачала головой. Про кошку я помнила смутно, сама в то лето слегла с лихорадкой. Еле жива осталась.

Василиса вздохнула.

– Тебе бы наставника найти, который и научить сможет, и тайны шептунов раскрыть. Кощей и Финист не подойдут – будут тебя беречь и жалеть, а сила колдовская жалости не терпит. Я к тебе потому и пришла: слышала про одного шептуна-отшельника. Но учти, нрав у него презлющий.

– Дурным нравом меня не напугать, – преувеличенно бодро сказала я.

– Тебе про него и муж рассказать может. Вран раньше многих учил, пока окончательно в своей башне не заперся. Финист один из последних его учеников. Может, по старой памяти и тебя шептун в ученицы возьмёт?

– Да какая из меня колдунья, Вась! – всплеснула я руками и добавила с горечью, едва слышно: – Где ж это видано, чтобы коровы колдовали?

К счастью, последнюю фразу сестрица не услышала, а то досталось бы мне.

* * *

Отпускать Василису в город на ночь глядя я не стала. Она, правда, заартачилась, мол, пойду в Колдовскую Башню, и всё тут, но я позвала свёкра. Тот учительствовал иногда, и сестрица его побаивалась. Спор разрешился быстро: Кощей пообещал завтрашним утром вместе до Башни дойти и объяснить, где она пропадала. На том Василиса и успокоилась. Поужинала вместе со всеми и в опочивальню меня потянула. Не наговорились мы, а при Кошее да Финисте разговоры вести неловко было.

Кровать у меня просторная была, вдвоём свободно поместились, ещё и место осталось: улеглись с удобствами. Я спать не хотела, днём выспавшись, а Василиса бодрящее зелье глотнула. Проболтали вплоть до поздней ночи. Немудрено, ведь не виделись почти год – зимой Василиса не смогла вырваться из Башни, одними письмами обменивались.

А рассказать было о чём. О русалке, которая меня на дно озёрное утащить пыталась, о делах домашних, о кознях Алёнушки. Про неё Василиса сама выпросила правдами и неправдами. Знала, что я

жаловаться на младшенькую не буду, и такие вопросы каверзные задавала, что я не заметила, как всё поведала. Потом Василиса с пылающими щеками расспрашивала меня о Финисте и том самом, что между мужем и женой за закрытыми дверьми опочивальни делается. Пришлось признаться, что, кроме поцелуев, ничего между нами не было, но перед тем взяла обещание: ни о чём не рассказывать родителям. Василиса пообещала; понимала, какой мачеха может шум поднять.

– Ты, главное, не кручинься, – утешала она, глядя мои волосы. Я, как кошка, готова была заурчать от удовольствия. – Финист тебя бережёт просто. Он на тебя так смотрит, что сразу видно – неспроста это!

Хотелось бы верить. С мужем отношения у нас были хорошие, о таких я только мечтать могла. И, наверное, оттого жадной стала, мало мне этого было, любви хотелось. Но боялась поверить, что он позарится на толстушку.

Проснувшись с первыми лучами солнца, я залюбовалась лицом спящей сестры. Василиса красивая, пусть и не такая яркая, как наша младшая, Алёнушка. Чёткий абрис розовых губ, длинные ресницы редкого золотистого цвета, тонкие брови и прямой нос. А волосы – загляденье! Мягкие, светло-русые, пушистые, как одуванчик. Сестрица выросла очень похожей на матушку, и я улыбнулась детским воспоминаниям.

Доброго сна тебе, милая.

Я тихонько встала, чтобы не разбудить, и, одевшись, выскользнула готовить завтрак. На входе в кухню учуяла, что пахнет горелым. Финист с озадаченным видом возился у печи.

– Думал, вы до позднего утра проспите, – с видом нашкодившего кота улыбнулся он, рукой разгоняя дымок. Вот как на такого сердиться?

– Присядь лучше к столу. – Я покачала головой, беря горшок ухватом и вытаскивая его из печи.

Подгоревшую молочную кашу ещё можно было спасти, чем я и занялась, перелив содержимое в чистый горшок и добавив туда ещё молока. Финиста же я заставила оттирать старый.

Должно быть, зрелище было впечатляющим: сидит на кухне добрый молодец, весь из себя опрятный, кудри золотом сверкают, а сам

горшок чистит. Фыркнула я и отвернулась, а муж, догадавшись, что над ним посмеиваюсь, покраснел от смущения.

Вскорости и Василиса спустилась, а за ней Кощей и Алёша. Мальчик как сестрицу мою увидел, так с открытым ртом и замер. Видно, напомнила она ему ту добрую колдунью из сказки, о которой давеча читали. А Василисе только дай повод похвалиться: она ладошку сжала да бабочек колдовских выпустила. Алёше потеха, Финисту и Кощей радость, да и мне любо – смех их искренний и чистый, на душе от такого теплее становится.

Как позавтракали, сестрица с Кошеем засобирались в Башню, занятия вот-вот должны были начаться. Свёкор бодрился, и не заметно было, что день назад лежал при смерти. Он с лёгкостью удерживал на плечах внука: Алёша напросился с ними на Башню посмотреть.

– Ты уж забегай, как сможешь, – обняла я сестрицу перед уходом.

– А ты сходи к тому шептуну, о котором я говорила, – попросила Василиса. – Обещаешь?

Я кивнула. Самой было интересно, что старый колдун мне скажет.

* * *

– Хорошая у тебя сестрица, весёлая, – заметил муж, когда за ними закрылась дверь.

Финист успел убрать со стола и теперь мыл посуду. Хотя... как мыл? Развлекался. Колдовством отправлял чашки в таз с водой, окунал и ставил на полку.

– Ой, сила к тебе вернулась! – неподдельно обрадовалась я, а Финист ухмыльнулся, ловко управляясь с тарелками.

– Ты сомневалась? Целовала-то меня очень крепко! – Он поставил последнюю тарелку на полку, подошёл ко мне, положив ладонь на талию, и с лукавством заявил: – Сила вернулась, но я не прочь закрепить наш успех. – Второй рукой он приподнял мой подбородок, заставив посмотреть в глаза. – Или ты не хочешь?

– Не в том дело.

Я отвела взгляд и густо покраснела. Вспомнились слова Василисы, что нравлюсь Финисту. И я терялась, боясь показаться глупой и принять желаемое за настоящее.

– Тогда в чём? Может, я не люб тебе? – Финист не отпускал, а у меня слёзы на глаза навернулись. Губы задрожали, но муж ждал ответа, и я выдавила из себя:

– Н-нет. Это я...

– Что ты?

– Уж больно я неприглядна.

– Кто тебе такую глупость сказал? – опешил Финист.

– А как иначе? Толстуха и страшилище, каких поискать!

Я закрыла лицо руками, не в силах сдерживать слёзы. Ну вот, теперь опухну и ещё страшнее стану!

– Кто тебя этому надумил? – спокойным голосом спросил Финист, взяв меня за плечи.

И не спрячешься от него, не промолчишь. Да и не хотела я: все обиды и сомнения нахлынули разом. Может, лучше так: поговорим начистоту, и я успокоюсь? Стиснула его рубашку и подняла заплаканное лицо.

– Прислужницы, мачеха, даже Алёнушка... Все говорили, что за красоту меня разве что слепой полюбит.

Стало так стыдно, тяжко так, что захотелось убежать, но Финист держал крепко. Помолчал, будто с ответом собираясь.

– Что ж, Ладушка, значит, слепой тебе муж достался. Вот и заботиться тебе обо мне всю жизнь, – выдохнул он наконец. – Потому что мне другой жены не надобно. Ты для меня словно солнышко ясное да глоток воздуха чистого.

Я глаза распахнула и дыхание затаила, не веря, что слышу.

– Ну, как тебя убедить?.. Знаю. – Финист вдруг поднял меня на руки и понёс куда-то. – Только не пугайся, я ничего страшного не сотворю, – предупредил он, по лестнице поднимаясь, а я лицо на его груди спрятала.

В опочивальне у мужа мне пока бывать не доводилось, а поглядеть там было на что. Половину стены занимали книжные полки, и книги здесь были самые разные: среди премудростей научных и приключения попадались, и романы. Вдоль другой стены целая карта нашего государства раскинута была! И города там были видны, и деревни, поля, озёра и реки. Наверное, я и дом родной могла найти, да только до того ли!..

Не до замков мне было, не до рек и озёр. Муж усадил меня на кровать, а сам отошёл в сторону, неторопливо развязывая ворот рубахи. Завязки не поддавались, и он попросту скинул рубаху через голову.

Хотела я отвернуться, но Финист не позволил. Присел напротив, взял мою ладонь и прижал к своей груди. Кожа у него была горячая, как огонь. А от брачных браслетов, столкнувшихся друг с другом, чуть ли не искры полетели.

– Чувствуешь, как быстро колотится моё сердце? – Финист не позволил мне ладонь убрать. Пальцы его, будто невзначай, гладили моё запястье, и не знала я, чей стук сердца сейчас слышу – его или свой. – Говоришь, что не мила мне? А я клянусь своей силой колдовской, что никогда раньше таких чувств не испытывал. Твою открытость, честность и доброту – вот что я вижу. Твои губы слаще мёда. Да я голову теряю от наших поцелуев! – Он говорил быстро и сбивчиво, словно боялся, что я убегу. А затем прижался своим лбом к моему. – Хочешь прогнать меня – прогони! Будем жить, как брат с сестрицей живут, и я никогда к тебе не притронусь и не обижу тебя. Но ежели не прогонишь, ежели по сердцу я тебе, то любить буду нежнее нежного и заставлю тебя забыть все страхи. Что ответишь мне, Ладушка?

А что я могла ответить, если влюбилась в него без памяти? Я обняла мужа и робко, неумело поцеловала.

О том, что случилось дальше, я даже Василисе признаться постеснялась бы.

Финист не торопился и не напирал, он осыпал поцелуями лицо, шею, плечи и шептал такие ласковые глупости, что я рассмеялась бы, не будь мне сладко и боязно одновременно. Касания мужа как будто оставляли на коже горячие следы.

Когда Финист расшнуровал моё платье, я судорожно вздохнула и вцепилась в него пальцами, стыдясь своего тела. Но муж принялся целовать мои руки и, дождавшись, когда я расслаблюсь, ловко спустил платье с плеч. Прикрыться я не успела, только охнула, когда поцелуи с рук перешли на грудь, и Финист припал к ней, как голодный ребёнок, вытворяя такое, о чём я и помыслить не смела. А потом я уже настолько потерялась в ощущениях, что шептала его имя и судорожно сжимала попавшееся под руку одеяло, взлетая до небес и рассыпаясь искрами. Никогда прежде я не испытывала подобного. И я больше не

сомневалась в желаниях мужа: невозможно было лгать с сияющими глазами и такой открытой улыбкой. Я чувствовала искренность в отклике его тела, прижимающего меня к постели, ощущала, как он дрожит, когда несмело провела рукой вдоль позвоночника. А когда опустила руку ниже, Финист не позволил продолжить. Прикусил моё ухо и хрипло предупредил, что ещё немного – и сдерживаться он не сможет.

Я снова расплакалась, но уже от радости, и муж собрал слёзы губами.

На надоедливый стук мы откликнулись не сразу. Только когда с улицы донеслись громкие возмущения, Финист поцеловал меня в плечо и виновато улыбнулся.

– Боюсь, придётся идти.

Я кивнула, прикрываясь ладонями. Запоздалый стыд накрыл с головой, но при этом я совсем не возражала бы продолжить. От этой мысли бросило в жар, и муж, догадавшись, о чём я подумала, припал к моим губам в ещё одном жадном поцелуе.

– Сегодня ночью ты останешься в наших покоях?

Он запустил пальцы в мои волосы. Взгляд проникал в самые потаённые части души, и я хотела, чтобы он увидел там, как мне дорог.

– Останусь, – произнесла едва слышно, и Финист погладил мою щеку.

– Люба ты мне, Ладушка, – сказал он, не спеша отводить руку. – Знаю, всё слишком быстро...

– Разве можно любить быстро или медленно? – Я перехватила его ладонь, и мы снова потянулись друг к другу.

Очередной стук прервал наши нежности, и Финист со вздохом слез с постели. Надел небрежно отброшенную рубашку.

– Иди. – Я видела, что он сомневается. – Не волнуйся, я найду, чем себя занять. Прогуляюсь, город посмотрю. Ты не против?

– Лучше бы ты с отцом пошла... – засомневался Финист.

Я бы с радостью, но боялась, что Кощей не одобрит мой интерес к старому шептуну.

– Ну не нянчиться же ему со мной. Для этого у него Алёша есть, – слукавила я.

– И то верно, – вздохнул муж. – Но всё же будь осторожнее.

– Обещаю.

Я поцеловала его в задорную ямочку на щеке, и Финист ушёл встречать гостей. Я же, хоть и собиралась в город, уходить из опочивальни не торопилась. Огляделась уже спокойно: супружеские покои нравились мне куда больше гостевой комнаты.

Сколько тут диковинок было: и карта, и книги колдовские, и даже музыкальная шкатулка! Запустить шкатулку я не решилась: вдруг случайно испорчу? Было бы жаль такую красоту. Зато прошлась вдоль книжных полок. Книги были разные: почти новые, в ярких обложках, и старые, потёртые временем и наверняка зачитанные до дыр. Я взяла несколько наугад, полистала, заметив в одной надписи на полях, оставленные разным почерком. Читать заметки и отгадывать, Финист писал или Кощей, оказалось ничуть не менее интересно, чем читать саму книгу, и я с трудом заставила себя отложить её в сторону. С хорошей историей я могла засидеться до вечера.

Снова раздался громкий стук, и я, поправив платье и быстро переплетя косу, спустилась. Оказалось, прибыли наши вещи: добры молодцы, пыхтя, затащили в дом сундук и прочий скарб. Вот и славно! Купленное на ярмарке новое платье, конечно, радовало, но обычных бытовых мелочей не хватало.

Спроведила я добрых молодцев и подумала, что все же не прочь прогуляться, покуда солнце в зенит не вошло, а свёкор с Алёшей домой не вернулись. Дорогу к башне шептуна сестрица мне описала подробно. Да и чего сложного? Доехать до ярмарки, а от лавки с орехами повернуть направо.

И колымажка, свободная удачно, нашлась недалече.

Башню я заприметила издали: из серого камня с узкими бойницами, она стрелой возвышалась над остальными домами. Крыша заканчивалась острым шпилем с флюгером в виде раскрывшего крылья ворона. К дубовой двери вела извилистая тропинка, а причудливая живая изгородь ощерилась шиповником, будто защищая от незваных гостей. Кучер наотрез отказался к башне приближаться: колдунов обычный люд побаивался. Ну да я пройдуся. Калитка за изгородью нашлась с трудом: шиповник оплёл её, мешая сдвинуть хотя бы на шаг. Да и скрипела она, как несмазанная телега.

Я протиснулась в образовавшийся проём, чуть не оставив в дверях клочок подола. Неужели шептун никуда из дома не выходит? Если судить по саду, так оно и есть. Читала я про спящую красавицу, дорогу

к которой перекрыли заросли – и будто в той сказке очутилась. Трава мне по пояс, кусты и того выше, коварные корни под ногами, как змеи. Сладкий запах трав настолько сильный, что дышать невозможно!

И что теперь, обратно поворачивать? Нет уж! Я дошла до дверей и, поколебавшись самую малость – просто решимости набиралась! – негромко постучала.

– Кто там? – нарисованный на двери ворон открыл клюв и скосил на меня круглый глаз.

От неожиданности я отпрыгнула. К счастью, ничего страшного дальше не произошло и, переведя дыхание, ответила:

– Лада Митрофановна я, пришла поговорить с господином Враном.

Глаз у ворона бешено завращался, а потом снова уставился на меня.

– Не назначено.

– Как получить приглашение? – тут же спросила я. В общем-то, я и не надеялась, что попаду так сразу.

– Никак, – каркнул ворон и закрыл глаз.

Э нет, так дело не пойдёт! Я снова постучалась.

– Кто там?

На этот раз я не отпрыгнула.

– Мне надо встретиться с господином Враном, – повторила я.

– Назовите имя.

– Лада Митрофановна.

– Не назначено. – Глаз снова закрылся, и я с трудом подавила раздражение.

Похоже, ответы были заранее заготовлены, а как попасть в таинственный список «назначенных», ворон отвечать не собирался. Если такой список вообще был! Набрав в грудь побольше воздуха, я сложила руки и крикнула что есть мощи:

– Господин Вран, вы дома? Мне очень надо с вами поговорить!

Хорошо, что башню люди обходили стороной, а то со стыда сгорела бы.

– Ну, чего кричишь-то? – раздался спокойный голос за спиной.

Я обернулась. На дорожке прямо позади меня стоял пожилой мужчина, ещё не старик, но Кощею в отцы годился. В некогда чёрных волосах завелась седина, глубокие морщины рассекали кожу.

– О чём поговорить хотела?

– О шептунах. Я вроде как шептунья. – Я оробела и ойкнула, когда старик схватил меня за локоть и силой поволок в башню.

Дверь под его взглядом раскрылась сама по себе, а я не на шутку перепугалась – к тому ли человеку я попала? Говорил же мне Финист, чтобы не рассказывала о своём даре направо-налево!

– С ума сошла? Никто о таком не кричит. Ты бы ещё грамоту вывесила – раздаю бесплатно силу, бери кто хочет, – прошипел старик, захлопнув за нами дверь.

Мы оказались в крошечной темноте. Я отпрянула, задела что-то ногой, и это что-то со звенящим грохотом разлетелось по полу. Замерла как мышь под веником, а то ещё что-нибудь сломаю!

– Вы ведь господин Вран? – робко уточнила я.

– Кто же ещё? Дура неуклюжая, – проворчал он. – Огонёк зажечь не хочешь?

– А где я его возьму?

Над моим плечом повисла светящаяся бабочка, а лицо старика оказалось так близко, что сердце от испуга в пятки ушло.

– Ты вообще колдунья? – Колдун с подозрением уставился на меня, а бабочка попробовала сесть на плечо.

Я отмахнулась от неё: в отличие от настоящей, наколдованная бабочка обжигала и была колючей.

– Шептунья всё-таки, – сам себе ответил старик. – Обычный человек её не приметит, колдун половину силы потеряет, притронувшись, а вот шептун... – Он указал на бабочку, которая стремительно росла в размерах и со звоном превратилась в маленькую птичку. – Только над силой, как вижу, властвовать ты не умеешь. Ладно, поднимайся в башню, поговорим.

– А вы?

– За тобой пойду. Думаешь, я такой молодой, чтобы через ступеньки скакать? Подождёшь.

Он подтолкнул меня в спину узловатой ладонью. Птичка освещала винтовую лестницу, и я шла, шла, шла... Когда преодолела последнюю ступеньку, уселась в проёме, не в силах отдышаться.

– Долго же ты, – раздался за спиной голос шептуна.

Я аж подпрыгнула. Старик сидел в кресле с огромной книгой, и я уставилась на него, как на видение. Как он меня обогнал? Лестница

узкая, он точно мимо не проходил.

– Если хочешь колдовать, приводи себя в порядок. Побольше бегай, гуляй на свежем воздухе. Плавать тоже полезно, – посоветовал Вран, глядя, как я глотаю ртом воздух, будто выброшенная на берег рыба.

– К-как... как вы здесь оказались?

– Поднялся. Наверх ведёт много путей, – многозначительно ответил он и указал на сундук. – Садись.

Комнатка была небольшой, но с высоченным потолком, под которым висели высушенные звериные шкурки и пучки трав. На полках лежали черепа, цепи, старинные тома с непонятными символами, раскрытые на зловещих гравюрах, слегка посеревших от пыли. Шептун будто хотел показать гостям, что занимается именно колдовством. Неужели всё для того, чтобы отвлечь от своей настоящей силы?

– Чего ко мне пришла? – Вран рукой приманил к себе кубок. Для него колдовство было настолько обыденным, что он, кажется, дышал им.

– Расскажите о шептунах.

– Рассказать ей, ишь ты! Может, тебя ещё в ученицы взять?

– А можно? – обрадовалась я, и шептун закашлялся противным смехом.

– Обязательно, только башню намою. Негоже девице в пыли сидеть.

– Ну, башню, допустим, я вам и сама помыть могу, – догадавшись, что он насмешничает, ответила я. – А вот колдовству научиться хотелось бы.

– Какой мне с тебя толк? – отмахнулся старик. – Девоч я в ученицы не брал и не буду! Если это всё, что спросить хотела, – уходи.

– А если Финист Кощеевич попросит? – закинула я пробную удочку. Финиста тоже уговорить предстояло, но с ним, верилось, проще будет.

– С чего бы ему ради какой-то девки стараться?

– Муж он мне! – Я с гордостью показала брачный браслет.

– Кха! – Старик едва не подавился вином. Вытер бороду рукавом. – Никак спятил мальчишка. – Он покачал головой, отойдя от

первого изумления. – Как же его до сих пор твоей силой не разнесло, когда вы любите? Или... бережёт он тебя?

Я покраснела, и моё лицо, надо думать, было красноречивее слов.

– Что значит – разнесло? – уточнила я осторожно.

– На куски разорвало, силой колдовской сплющило да всего наизнанку вывернуло, – описал старик. – У обычных колдунов, в отличие от шептунов, колодец силы не бездонный. Кинь туда побольше – и пойдёт сила веселиться в крови. А коли много её – бум! – и нет колдуна. Так что пока ты над силой своей власть не обретёшь, постельные утехы вам лучше оставить. Эй, а чего это ты посерела? Плохо, что ли?

А я и вздохнуть не могла, в глазах потемнело, так дурно стало, что хоть самой не живи. Вот дура! Сегодня по глупости своей, по жадности до любви, могла убить Финиста!

Если бы Вран вовремя не сунул мне под нос вонючую склянку, я точно лишилась бы чувств.

– Ну и малахольная ты девица. – Он неодобрительно покачал головой, убирая склянку обратно на полку к целому ряду разноцветных колб и баночек. – Ну что, передумала в обмороки падать?

– Да, спасибо.

Я с трудом сдержала подкативший к горлу комок. Всё ещё трясло от мысли, что муж мог пострадать из-за меня.

– Похоже, переусердствовал я с устрашением, – признал старик, разглядывая меня со смесью жалости и раздражения. – Не умер бы Финист, не переживай так. Он малый смыслёный, почувствовал бы переполнение силой. Может, стёкла разбились бы от её выброса, голова поболела бы. Но сам не окочурился бы. Я в него в своё время вбухивал больше чем надо – он научился терпеть.

– Точно? – переспросила я. Почему-то сейчас, хотя опасность миновала, это казалось очень важным.

– Точно. – Вран вернулся в своё кресло, щелчком пальцев зажёг камин. Потеребил бороду. – Значит, учиться хочешь?

– Хочу, – ответила не колеблясь.

Я должна владеть своей силой. Безумие – по случайности и незнанию отдать или забрать слишком много! Уж лучше тогда

отшельницей стать и спрятаться где-нибудь подальше от людей. В высокую-превысокую башню...

Вскинула голову, по-другому посмотрев на Врана. Вот что понудило его укрыться от остальных – страх за близких! Вот что сгоняло с насиженных мест и заставляло прятаться и обрывать все связи. Неужели и меня ждёт та же участь? Нет, я не собираюсь от всего отказываться!

Вран взял кочергу и помешал тлеющие угли.

– Я ведь не лучший учитель, – признался он.

– Научите меня обрести власть над силой, другого не надо, – жалобно попросила я, а колдун хмыкнул.

– Какая шустрая! Силой владеть – не блины печь. Читать ты тоже сразу начала, алфавит не открывая?

– Нет.

Нянюшка просиживала со мной вечерами, показывая буквы, а мачеха заставляла читать по слогам. Было сложно, но интересно.

– Тогда с чего ты взяла, что колдовству учатся по-другому? – прервал мои воспоминания Вран. – Здесь нужны терпение и усердие, месяцы, а то и годы прилежной работы!

– Годы?.. – Я оробела, представив, как сообщаю об этом Финисту. Мысль скрыться в неизвестном направлении стала чуточку привлекательнее. – А как я пойму, что владею силой достаточно хорошо, чтобы не навредить?

– Вот когда раньше меня на вершине башни появишься, тогда и считай, что справилась, – усмехнулся в бороду Вран.

Из камина, вспыхивая крохотными искрами, вылезла огненная ящерица и, почесавшись о ножку кресла, прыгнула колдуну на колени. Потопталась, исходя дымком, и уселась, глядя на меня глазами-искрами.

– Погодите! Получается, вы согласны взять меня в ученицы? – Пусть ящерица отвлекла на себя внимание, но главное из речи я уловила.

Вран поморщился, почёсывая ящерицу за ухом – огня он будто не замечал.

– Прыть поубавь! Прежде с Финистом обсудим. Может, он против будет. Так что приходите сегодня вечером, вдвоём. Сговоримся –

будешь учиться. Нет – не обессудь, спорить с твоим мужем мне не с руки. Но предупреждаю, легко не будет!

Я кивнула. Конечно, догадывалась, что колдун учеников не сказками потчевал, а гонял до седьмого пота. Но выбора у меня всё равно не было.

* * *

Колымажка уехала, меня не дождавшись, так что домой я добиралась пешком. Не слишком торопилась, долго бродила по округе, заглядывала в лавки и бесцельно рассматривала товар. Понимала, что глупо оттягивать разговор с мужем, но ничего не могла с собой поделать. Вдруг откажет?

В книжной лавке я застряла дольше всего. Книги по колдовству стояли на отдельной полке, к ним я подходить не стала: понятия не имела, с чего лучше начать. А вот сказки и былины открыла с удовольствием. У нас на ярмарку хорошо если книжек десять привозили. В лавке же их сотни были. И все такие интересные, не оторваться.

– Не зря Василиса рассказывала, что ты читать любишь, – окликнул меня весёлый мужской голос.

Обернувшись, я увидела Кощея. Судя по стопке листов и баночке чернил, он зашёл сюда за письменными принадлежностями.

Алёша крутился рядом, с интересом разглядывая старинный глобус, но меня пока не заметил.

– Выбрала что-то?

– Нет. – Я поспешно поставила книгу обратно. Не хватало обременять его покупками. – Вы домой?

– Да, я закончил с делами, к тому же Алёша устал.

Мальчик уставшим не выглядел: крутился, как вьюн, заглядывая то в один угол лавки, то в другой. Увидев меня, он бросился было обниматься, но Кощей кашлянул в бороду, и Алёша ограничился тем, что взял меня за руку.

Дождавшись, пока Кощей расплатится за покупки, мы вышли на улицу. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом и пекло вовсю. Ох, опять я потеряла счет времени! Полуденный зной превратил улицы

в жерло плавильной печи. После такой прогулки прохладная водица пришлась бы кстати.

С Финистом, выпроваживающим очередных посетителей, мы столкнулись в дверях.

– А я уж гадал, куда все запропастились?

Он пропустил в дом Кощея и Алёшу. Мальчишка бросился умыться да холодного квасу налить, а свёкор с присущим ему пониманием оставил нас наедине. Я пискнуть не успела, как Финист заключил меня в объятия – такие крепкие, что ни вздохнуть, ни охнуть.

– Всего несколько часов прошло, а я соскучился, – признался он.

Закрыла глаза, наслаждаясь мгновением. Хотелось его запомнить. Вряд ли Финист станет меня обнимать, когда узнает правду. Объятия незаметно переросли в поцелуи, и я заставила себя отстраниться от мужа.

– Побеседовать нам надо.

– Прямо сейчас? – выдохнул он мне в губы. Руки невзначай легли на грудь.

– Прямо сейчас, – ответила я, и Финист отступил.

– Что случилось?

Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями, и как на духу выложила всё, что рассказал Вран. Ждала, что Финист рассердится, а он выдохнул, растрепал пятернёй волосы.

– Я дурак. Извини. – Не таких слов ждала, ох, не таких! Он меня обнял, в макушку целуя. – Мы что-нибудь обязательно придумаем. Говоришь, Вран звал в гости?

Я кивнула.

– Значит, всё будет в порядке. Он, конечно, старик вредный, но хороший. И наставник что надо. Особенно если учиться хочешь.

– Так ты позволишь мне стать его ученицей?

– Заставлю, если надо, – хмыкнул Финист. – А вообще, пойдём к нему прямо сейчас, не будем ждать вечера, – решил он, крикнул в сторону горницы: – Отец, мы ушли к Врану! – И тут же потянул меня за собой.

– Погоди, а как же посетители? – Я заторопилась, едва поспевая за его шагом.

– Подождут. Посетителей много, а жена у меня одна. И чем раньше ты начнёшь учиться, тем лучше.

Стоило Финисту постучать и назваться, как ворон гостеприимно распахнул клюв, и дверь открылась. Похоже, список званых гостей всё же существовал. Хотелось надеяться, что Вран добавит меня к этим счастливицам – не прельщало каждый визит стоять под окнами башни и кричать во всё горло.

С трудом преодолев подъём в сто тридцать четыре ступеньки (на этот раз я их посчитала), мы оказались в башне.

– Не дотерпели до вечера?

Вран стоял к нам спиной, глядя на город сквозь узкую бойницу. Огненная ящерка грелась на спинке кресла, а при виде Финиста высунула язык и зашипела.

– Добрый день, мастер. – Муж низко поклонился, хотя старик не мог этого видеть. – Ты правда возьмёшься учить мою жену?

Шептун повернулся к нам и, не торопясь с ответом, махнул рукой. Сундук, на котором я сидела в прошлый раз, на глазах превратился в кушетку. Финист сел первым. Я, прежде чем присоединиться, боязливо потрогала её рукой – вдруг развалится под нами? Но кушетка была неотличима от настоящей. Если здесь вообще была настоящая мебель.

– Прежде чем ответить на твой вопрос, я хочу знать, для чего Лада будет учиться колдовству. Чтобы сдерживать силу или чтобы использовать? – спросил старик.

Мне вспомнилось, как мы с мужем спасли Марфу, и отказываться от такой возможности вдругорядь не хотела.

– Использовать, – ответил Финист, словно почувствовав, что я сама сказать хотела.

– И ты готов её отпустить? Знаешь ведь, как проходят занятия. Вам не до утех будет, жена домой не приходит, а приползает станет.

– Главное, чтобы учёба на пользу шла. – Финист взял меня за руку, чтобы успокоить. Я в волнении весь подол измяла, теребя платье.

– Что же, раз вы так решили... – Шептун в задумчивости дёрнул себя за бороду и произнёс тоном властным и проникновенным: – Я принимаю тебя, Лада Митрофановна, как ученицу. Буду учить, защищать и возвращать твою силу.

Вот это да! Колдун не просто меня в ученицы брал, а клятву давал. Всё по-настоящему! Как-то запоздало пришло осознание, что я

колдовское искусство познавать стану. Я, которая только грамоте обучена, на такую сложную науку позарилась! Но как откажешься, когда сила бурлит нешуточная, а наделаю с ней дел – за всю жизнь не исправлю.

Сглотнула, собираясь с мыслями. Ответные слова сами вспомнились. Не случайно Василиса прошлым летом этой фразой все уши прожужжала, готовясь к посвящению.

– Я с благодарностью принимаю твои знания, мастер. Обязуюсь следовать советам и наставлениям. – Я склонила голову в ответ.

В тот же миг кожу на руках защипало. Задрала я рукав – от брачного браслета по предплечью сплёлся тонкий узор, символизирующий ученичество. Защитная руна. У Василисы за год узор почти выцвел, слился с кожей. У меня же горел алой нитью. Теперь отступать поздно.

– Ну а теперь давай оплату обсудим, Финист Кощеевич, – довольным голосом сказал шептун.

* * *

Работа на свежем воздухе мне с детства нравилась. В поля меня не звали, разве что со стога сена покататься, но я помогала ухаживать за садом и теплицами. Когда замуж вышла, думала, что после переезда в столицу такая работа останется в прошлом. Ошиблась.

С трудом открыв скрипящую дверь, я застыла на пороге огромной заросшей теплицы, в которую от густых сорняков даже зайти было трудно. Да что говорить, она была настолько тёмной от зарослей, что показалось, что мы не во двор в солнечный денёк вышли, а спустились в сырое и мрачное подземелье. По углам висела паутина, а у меня из-под ног выскочила мышь. Огурцы лихо закручивали свои побеги, где-то в глубине теплицы алели надутые помидоры, и всё это великолепие было щедро сдобрено лебедой и крапивой. А помимо знакомых растений диковинные попадались: и пушистые как шары разноцветные цветы, и ощерившиеся листьями-иголками, и такие, что пролетающую муху раз – и съели.

– Вран пошутил? – слабым голосом поинтересовалась я. Мачехина теплица была куда скромнее и опрятнее этой.

– Боюсь, что нет, – задорно улыбнулся Финист, натягивая перчатки из грубой ткани и подавая мне такие же. – Вран никогда не берёт оплату деньгами, только работой. Я в своё время эту теплицу построил, кстати.

– Мог бы сделать поменьше, – проворчала я, с опаской заходя внутрь.

Ко мне тут же рванули два оживших побега – растения тут росли не только обычные, но и колдовские, но Финист шикнул на них, и побеги втянулись обратно. Надо же, а такой мирный кустик с виду!

От нас требовалось убрать сорняки и некоторые растения подвязать, и это было платой за первую неделю обучения. Я поначалу подумала, что это очень выгодная сделка, а сейчас засомневалась. Работы предстояло немерено.

– Может, сорняки колдовством выгнать получится? – с надеждой поинтересовалась я, но муж безжалостно её разрушил:

– Не выйдет. Мы тогда и сорняки, и рассаду уберём. Придётся по старинке, руками.

– Тогда иди домой, сама справлюсь...

Я чуть не плакала. Не хотела заставлять Финиста пропалывать, особенно в такую жару. Да ещё растения эти злобные! То ядом плюются, то рубашку грозят порвать!

– Поверь, это намного веселее, чем выслушивать жалобы от посетителей.

Муж взялся за куст лебеды, потянув его на себя. Вздохнув, я начала очищать дорожку по другую сторону – деваться всё равно некуда. К счастью, колдовские растения попадались нечасто, и я научилась справляться с ними без помощи мужа. Один удар лопатой – и все дела.

Работа спорилась. Не то чтобы мы быстро всё убрали, но проход расчистили, а это уже немало. Теперь хотя бы стало видно, что именно и в какой части теплицы находится.

– Ой, а это что такое? – Моё внимание привлёк красивый фиолетовый цветок, который спрятался в самом углу. Его почти не было видно, и, если бы не пчела, снующая туда-сюда, я бы его не заметила. Что удивительно – рядом с ним сорняков почти не было. Интересно, если рассадить такую красоту по всей теплице, сорняки сами разбегутся?

– Где? – отозвался Финист с другого края. Пригляделся к растению – я намеренно нагнулась и отодвинула ветки, чтобы лучше было видно – и выронил лопату.

– Лада, отойди в сторону, живо! – рявкнул муж, бросившись ко мне.

И чего раскричался? Обычный красивый цветочек. Только спать отчего-то захотелось. Я зевнула, прикрыв рот ладонью, и пошатнулась. Как упала, сама не поняла, только ощутила резкую боль в руке, но даже её заглушила внезапная дремота.

... Просыпалась я с трудом. Голова кружилась, к горлу подкатывала тошнота. Не было сил не то что встать – глаза открыть! Я и лежала, невольно подслушав чужой разговор. Финист ругался с Враном. Из-за меня. Было в этом что-то приятное – знать, что муж тебя защищает.

– Почему не предупредил, что в теплице есть сон-трава? – выговаривал Финист громким шёпотом.

– Так от твоей сестрицы подарок. Думал, ты знаешь. Цветок с норовом, конечно, но я его на долгую память храню. У меня же ничего больше от Настасьи не осталось. А это подарок прямоком из царского сада. Так, ты книгу с заклятиями держи ровно, а то я сейчас не то в котёл накидаю.

Зашуршали страницы. Что-то булькнуло. Раздался стеклянный перезвон, по комнате поплыл пряный аромат.

– Всё равно мог сказать. Лада сильно ушибла руку, а не окажись меня рядом, вообще не проснулась бы.

– Лада – шептунья. Если она не станет осторожнее, долго не протянет. И первый урок, который ей нужно усвоить: не всё опасное – страшное.

– Так это был урок? – протянул Финист, явно не веря ни единому слову, но Вран ничего не ответил.

Ненадолго воцарилась тишина, нарушаемая недовольными вздохами Финиста, странным позвякиванием и бульканьем воды. А я набралась сил, чтобы открыть глаза.

Каменный свод с деревянными перекрытиями подтвердил мою догадку: мы снова в башне. Я не помнила, как здесь оказалась, скорее всего, Финист принёс. Я лежала на той же превращённой из сундука кушетке. Болела голова, но хуже всего, что левую руку я почти не

чувствовала. Как будто её и не было вовсе. Скосила глаза – рука на месте, но слушаться не желает.

– Проснулась! – Ко мне подсел Финист. Провёл ладонью по лицу, убирая в сторону волосы.

– Что случилось? – нашла я в себе силы спросить, хотя примерно представляла, в чём дело.

– Ты вдохнула аромат сон-травы. Для обычного человека сон-трава испускает приятный сладковатый запах. А вот на колдунов действует пагубно. Если уснуть рядом с таким цветком, можно и не проснуться.

– Чудно, – задумчиво пробормотала я, радуясь, что Финист вовремя унёс меня оттуда. – Но зачем такое нужно?

– Чтобы вытащить кого-то из Нави или допросить мертвеца, – ответил за мужа шептун, сунув глиняную кружку с пряным отваром мне под нос. – Ну-ка, сделай глоток.

Я послушно выпила зелье. Вкус такой, будто тараканов надавили и сварили. А может, так и было – плавающая в чашке соринка могла быть как веточкой, так и лапкой жучка.

– А как вытаскивать? – спросила я, чтобы отвлечься.

– Обычно готовят специальный отвар из сон-травы, – охотно пояснил Вран. – Выпивший его засыпает так глубоко, что начинает видеть Навь. Для кого-то это река, для других – лесная поляна, для третьих – сени родного дома. Из Нави, если поторопиться, можно вытащить нужного человека. Главное, не задерживаться надолго. Иначе можно самому не вернуться.

– А вы вытаскивали кого-нибудь оттуда?

– Вытаскивал. – Старик отчего-то покосился на Финиста, но промолчал.

– Как твоя рука? – увёл муж разговор в сторону.

– Правая нормально, а вот левая совсем не слушается. – Я попробовала согнуть пальцы, но ничего не вышло.

– У тебя ушиб. Я обезболит, но пару дней двигать рукой будет неудобно. Не бойся, если что – помогу. – Финист ободряюще сжал пальцы на моей здоровой руке, я улыбнулась, но очарование момента разрушил каркающий смех Врана.

– Особенно раздеться поможет! – гнусно захихикал старик, вернувшись к бурлящему котлу. Вот что булькало и пахло – зелёная

жижа, которую колдун половником переливал в стеклянную колбу, чтобы после закупорить.

– Будет слишком болеть – выпьешь. Быстрее заживёт. – Шептун поставил на столик рядом со мной колбу с зельем. От одного его вида мне сразу полегчало.

– Ну что, пойдём домой? Сможешь сама спуститься? – обеспокоился Финист.

– Постараюсь.

Он помог мне подняться, придерживая.

– Спасибо за науку, мастер. – Я повернулась к Врану и низко поклонилась.

Как бы плохо мне ни было, а учёба началась.

– Идите уже, – поторопил колдун, одним жестом очищая котёл от остатков варева.

Тот заблестел как новенький. Интересно, смогу ли я так однажды?

– А когда теперь приходиться? – спохватилась я, оглянувшись на шептуна.

– Как поправишься.

Вран догнал нас на лестнице, сунул в руки Финисту здоровенную книгу.

– Вот, пусть читает перед сном. Это для начинающих. Твоей жене точно пригодится.

* * *

К дому нас подвезла колымажка – как уж муж её отыскал, отдельного разговора стоило! – а по двору Финист нёс меня на руках, объясняя тем, что после сон-травы колдуны слабы, как новорожденные котят. Настолько плохо я себя не чувствовала, но голова кружилась, и когда меня повело в сторону, он решил не рисковать. Это ужасно смущало, особенно когда вслед нам донеслись посвистывания мальчишек, но Финист умудрялся не замечать насмешек, да ещё и поздоровался с соседкой через забор.

Дома, узнав, что я надышалась сон-травы, Кощей заставил меня сесть за стол, сам поставил самовар и достал купленный мной пряник.

Я горестно вздохнула, не решаясь взять ни кусочка. Тотчас вспомнилось, как я с трудом на башню забралась. Нет, мне точно следует похудеть! Пряник не идёт на пользу фигуре.

– Ты это брось, Лада! Сладкое помогает восстановить силы. Так что ешь, – настоял свёкор, нахмурившись. Под его пристальным взглядом я проглотила здоровенный кусок пряника, почти не чувствуя вкуса.

Вот за столом я и заметила неладное. Алёша сидел, насупившись, и молча грыз выданный ему кусок. Он не задавал вопросов, не влезал в разговоры, не крутился на стуле. Словом, вёл себя необычно тихо для мальчика его возраста.

– У тебя всё ладно? Что-то болит?

Я подошла к мальчику, положила здоровую ладонь ему на лоб, чтобы проверить, нет ли жара. И тут Алёша с неожиданной силой оттолкнул меня в сторону. Едва не упала!

– Не трогай меня, лгунья! Вы все обманщики! – закричал Алёша и стрелой вылетел из-за стола. Я успела заметить, как глаза его наполнились слезами.

– Что ты себе позволяешь?! – резко окликнул его Финист, но мальчик уже убежал вверх. – Прости. Не знаю, что на него нашло. Пойду, поговорю с ним.

Муж обменялся с Кощеем недоумёнными взглядами, затем встал из-за стола, но я жестом остановила его.

– Давай лучше я.

Догадывалась, что разозлило Алёшу, и хотела помириться сама. Поднявшись, подошла к детской светёлке и услышала сдавленные всхлипы. Алёша плакал, уткнувшись носом в подушку, чтобы заглушить звуки. Дверь была не заперта и, толкнув её, я зашла в покои. Алёша сидел в углу кровати, обняв себя руками. Увидев меня, он отвернулся, всем видом показывая, что не желает говорить.

Я уселась напротив него, не делая попыток обнять или утешить. Вряд ли Финист или Кощей проявляли к нему излишнюю ласку, и сейчас это могло усилить его иступление или вообще напугать.

– Что случилось?

– Лгунья! Никакая ты не няня! Ты его жена! – возмущённо выкрикнул Алёша. Губы у него дрожали, а глаза покраснели от слёз. – И дружишь со мной только поэтому.

Последние слова он произнёс куда тише, а я лишь вздохнула. Такой маленький, а уже собственник.

– Прости, что обманули. Мы хотели, чтобы ты ко мне привык. Но то, что мы с твоим отцом женаты, не означает, что ты мне не нужен. Я очень рада, что мы познакомились.

– Они все так говорили, – всхлипнул он.

– Кто – все? – не поняла я.

– Няни, которые приходили раньше. Они сначала говорили, что я хороший, а потом об отце думали! А на меня внимания не обращали.

– И ты считаешь, что я поступлю так же? – Алёша кивнул, не скрывая слёз, а я продолжила: – Я люблю твоего отца, это правда. Но тебя я тоже люблю. С самого первого дня, как увидела. И очень хочу, чтобы мы стали друзьями. Чтобы ты стал моим сыном. Настоящим сыном, понимаешь?

– Я тебе не верю, – угрюмо ответил он.

– И как же мне тебя убедить?

Все мои слова Алёша принимал в штыки, ожёгшись с прежними нянями.

– Колдовская клятва! – с вызовом сказал Алёша и протянул крохотный кинжал с маленьким, но острым лезвием. Я выбрала про себя и сделала пометку сказать мужу, что у ребёнка не должно быть таких опасных игрушек. – Надо уколоть палец и поклясться, что хочешь быть моим другом.

– Нет. – Я отвела кинжал в сторону. – Так друзей не проверяют. Или ты веришь мне, или нет.

– Но...

– Любое колдовство можно обмануть. Но вот здесь не обманешь. – Я коснулась груди напротив сердца. – Уверена, однажды ты скажешь, что я твой друг, безо всяких клятв. А пока – перемирие? – Я протянула ему руку. – Не будем расстраивать отца и дедушку?

– Хорошо, – проворчал Алёша и пожал мне руку.

Глава 5

Остаток дня прошёл в домашних хлопотах. С одной здоровой рукой готовить было несподручно, но ближе к вечеру в гости заскочила Василиса, скромно уточнив, не слишком ли она навязчива. На деле же ей просто было интересно, сходила ли я к шептуну и что он мне ответил. Пока сестрица резала морковь и репу, я пересказала ей, что случилось за день. Когда поведала, что попала под чары сон-травы, Василиса испуганно прижала ладонь к губам, незаметно отправляя туда же кусочек морковки.

– Нам на занятиях рассказывали, что одна разбойничья шайка так промышляла. Они заманивали колдунов на постоянный двор, а в углу покоев рассыпали сон-траву. А когда колдун засыпал, убивали и грабили.

Я поёжилась, подумав, что такие секреты стоило охранять тщательнее.

Василиса осталась на ужин, скрасив его своим беззаботным смехом и незатейливыми историями, и даже сердитый Алёша немного оттаял и позволил сестрице уложить себя в постель. Правда, сегодня Василиса у нас почивать не осталась, а отправилась ночевать в спальные покои при Колдовской башне.

– На меня в тот раз и так косились с подозрением, – пояснила она. – Если и сегодня не приду, точно решат, что нашла себе хахалю в городе. А мне дурная слава ни к чему.

Спорить я не стала, тем более что до ворот Башни её вызвался проводить Кощей, и за безопасность сестры я не волновалась.

Зато когда за ними закрылась дверь, мне стало страшно. Я ведь обещала Финисту, что сегодня останусь в его опочивальне! Конечно, после разговора с Враном многое изменилось, но отказываться от своих слов я не хотела. Мы не могли допустить близости, но пусть лучше Финист сам попросит меня вернуться к себе, чем я не приду вовсе.

Муж подумал о том же, потому что остался в кухне, ожидая, когда я закончу с делами, а не ушёл к себе. Я оттягивала разговор, протирая

миску одной рукой, пока она не выскользнула и с грохотом не упала на пол. Хорошо, что не разбилась.

– Ну, всё, хватит. Пойдём спать, – не выдержал Финист, перехватив мою руку и отбирая полотенце. От мужа шёл жар, и в тот же миг я очутилась в его крепких объятиях. – Ты ведь не передумала?

– Н-нет, – пробормотала я, опустив глаза и чувствуя, как лицо заливают румянец.

Финист ласково провёл рукой по моей щеке, а затем потянул за собой.

– Тогда идём, только тихо, чтобы Алёшу не разбудить.

С трудом сдерживая смех – надо было видеть, с какой осторожностью муж проходил мимо опочивальни Алёши! – мы добрались до покоев.

– Можешь закрыть глаза и не открывать, пока я не скажу? – попросил Финист, прежде чем распахнуть дверь.

Я послушно зажмурилась, осторожно переступая через порог, и мимо пронёсся лёгкий ветерок. Это был отголосок силы Финиста. Тёплый и ласковый ветер подходил его открытому нраву гораздо больше, чем спокойная вода, подчинённая Василисе, или пылающий огонь Врана.

– Всё, можешь смотреть.

Я открыла глаза и замерла в восхищении: в полумраке покоев потолок казался усыпанным звёздами, как настоящее небо. Такие же маленькие звёздочки, сплетённые из чистой силы, покачивались в воздухе. Одна из них опустилась мне на плечо и взорвалась искорками. Послышался аромат полевых цветов, и мне показалось, что я нахожусь не в доме, а в чистом поле в ночи.

– Красиво! – Я с улыбкой прижалась к мужу, и Финист обнял меня в ответ.

– Ты тоже красивая, – прошептал он мне на ухо, а руки скользнули к завязкам платья.

Я напряглась.

– Ты же помнишь, что сказал Вран... – начала я, но ахнула, когда пояс полетел в сторону, а муж фыркнул мне в шею, а затем поцеловал.

– Помню. Но на это колдовство уходит очень много сил. Очень много. Я почти пуст, – выдохнул он с лукавством. Он оттеснял меня к кровати, пока я не упала на мягкое ложе, а затем навис надо мной,

играя с наполовину распущенной косой. – А это значит, у нас достаточно времени, чтобы познать друг друга. Ла-душ-ка.

Имя, произнесённое по слогам, рассыпалось в звенящем воздухе. Муж целовал мою шею, обнимал так сладко, что можно было не сомневаться – никуда он меня не отпустит! И я позволила себе поверить и раствориться в окружающем нас колдовстве.

* * *

Утро встретило солнечными лучами, проникающими в открытое окно. Жмурясь от яркого света, я попыталась повернуться на бок, но не смогла – рука Финиста крепко прижимала к кровати. Муж спал, улыбаясь во сне, и мне тоже захотелось улыбнуться – прошедшая ночь была чудесной во всём! Чтобы не перенасытиться моей силой, Финист колдовал. Звёздное небо над нашими головами развеялось лишь под утро, когда мы оба, довольные и пресыщенные, лежали рядом и тихо перешёптывались.

Сейчас, глядя на безмятежное лицо мужа, я чувствовала себя совершенно счастливой. Быть женщиной и женой – никогда не думала, что это принесёт такую радость. Боль от первого единения муж приглушил тем же колдовством, а дальше его нежность унесла меня под небеса. Тело пылало. Казалось, не осталось ни единого места, которого не коснулись бы его губы, и куда-то исчезло смущение из-за пухлого тела. Финист попросту не давал времени на стеснение, своими ласками убедив, что я красива и желанна.

От воспоминаний захотелось спрятать заалевшее лицо в подушку. Кто бы подумал, что так бывает? Подружки и десятой части о ночных утехах не рассказывали, так что научилась я за ночь многому.

– Не ёрзай, – сонно пробормотал Финист, не до конца проснувшись, когда почувствовал, что я пытаюсь выбраться из его объятий. – У нас ещё есть время, не спеши.

– Мне бы умыться, – смутилась я, и Финист тотчас разжал руки.

– Только возвращайся.

Он уткнулся носом в подушку, а я не выдержала и провела рукой по золотистым волосам. Муж улыбнулся, но просыпаться всё равно не стал.

При дневном свете вернулось смущение, особенно ярко проступившее при виде подсохшего пятна крови на простынях. Я торопливо оделась и, босая, с распущенными волосами, вышла из покоев. Ох, и досталось бы мне от мачехи за такую вольность! Я пробежалась по коридору до самой умывальни, боясь попасться кому-нибудь на глаза.

Холодная вода взбодрила, а к левой руке постепенно возвращалась чувствительность. Эх, мне бы в тёплой бадье помыться, но такого удовольствия в доме Финиста не было. Может, уговорить мужа сделать купальню? Колдуны одним взмахом руки воду подогреть умеют!

Когда вернулась в опочивальню, встретила Финиста на пороге.

– Я испугался, что ты не вернёшься. Хотел искать.

Приподнялась на цыпочки, пригладила его встрёпанные со сна волосы.

– Сам же сказал, это наша опочивальня. Зачем мне уходить?

– Ночью я причинил тебе боль.

Муж нахмурился, отчего на его лице тут же отобразилась суровость. Даже шрам, который я почти перестала замечать, будто резче стал. Я прильнула к Финисту, не зная, чего сейчас во мне больше: нежности или стыда?

– Больно было только вначале. А после – сладко, – призналась я еле слышно.

Кажется, ему важно было это услышать, и последующий за моими словами поцелуй вышел нежным и долгим.

Отодвинулись мы друг от друга, поглядывая и не зная, о чём дальше говорить. Вроде и сказать многое хотелось, да все мысли разом закопошились. Финист-то схитрил: вместо разговора провёл ладонью по моим волосам, и тёплый ветерок заиграл с мокрыми прядями. Высохли они мгновенно, легли на плечи пушистой копной.

– А косу одной рукой заплести трудно будет, – ляпнула я, будто других слов не нашлось.

– Давай причешу, – тотчас предложил Финист, и я села на скамью у окна.

Интересно, как он с косой совладает? Однако на попятную муж не пошёл. Расчесал мне волосы гребнем, бережно распутывая колтуны,

которые я сама безжалостно выдирала, а затем принялся плести. Пальцы его ловко пробежались по волосам, разделяя их на прядки.

– Я в детстве причёсывал Настасью. Она мелкая была, неугомонная, если волосы не заплетёшь, из них на следующий день репей вырывать придётся. Хотя она и косу умудрялась растрепать. – Он тихо рассмеялся воспоминаниям.

Я слушала внимательно, не переспрашивая, млея от ласковых прикосновений. И сложно было понять, что меня больше радует – его нежность или то, что он со мной воспоминаниями решил поделиться. Наверное, и то и другое.

* * *

Учёбу отложили до полудня. Пока я приготовила завтрак, пока прибралась в доме, потихоньку разрабатывая руку, пока почитала вместе с Алёшей скучнейшую заметку по истории и позанималась географией – прошло полдня. Кощей с самого утра во дворце пропадал, Финист был занят посетителями. А разве ж Алёшу одного оставишь? У меня времечко выкроилось только после того, как он убежал играть с соседскими мальчишками, получив строгий наказ не уходить со двора. Сама я уселась у окошка, наблюдая за ними, и раскрыла первую главу трактата. Основы, как я и опасалась, оказались не так просты. Так что к трактату вскоре присоединился словарь, где я искала значения непонятных слов. А те, которые не находила, выписывала на отдельный листок, чтобы вечером спросить у мужа.

«В первую очередь колдун должен определить первоэлемент, с которым будет работать. Для этого возьмите чашку с водой, птичье перо, уголёк и яблоневое семечко...»

Найти все эти вещи не составило труда, и я продолжила чтение:

«Сосредоточьтесь и взмахните рукой, представляя, что вода медленно поднимается из чашки».

Я честно попробовала сосредоточиться, но вода не шелохнулась. Может, до встречи с русалкой всё вышло бы иначе, но сейчас как отрезало. К воде меня не тянуло.

«Постарайтесь избавиться от лишних мыслей и щёлкните пальцами. Перо должно взлететь».

Мне вспомнился тёплый ветерок Финиста, и пёрышко немного приподнялось, а затем опало. Я посчитала маленький полёт хорошим знаком – по крайней мере ветер был мне подвластен.

«Соедините ладони так, чтобы пальцы касались друг друга. Когда между ними начнёт покалывать, сделайте резкий пасс в сторону уголька».

Значение слова «пасс» я подсмотрела в словаре, затем соединила пальцы, как было сказано. Ладони домиком я держала долго, но добилась только того, что левая рука совсем затекла, а уголёк после всех моих ухищрений даже не нагрелся. Что ж, неудивительно, огонь капризен. Такая скромная мышка, как я, ему точно не подходит.

«Сожмите семечко в руках и подуйте на него, а затем опустите на землю», – гласило последнее наставление. Мелким почерком на полях стояла приписка, что лучше проводить на улице.

Я выглянула в окно: Алёша играл с ребятами, и выгонять их ради собственных опытов не хотелось. Да и что могло случиться? Остальные первоэлементы почти не откликнулись, вряд ли случится чудо!

Как оказалось, чуда стоит ждать всегда. Треск и грохот разнеслись по всему дому. Я едва успела отскочить в сторону, чтобы хлёсткие ветви яблони не ударили по лицу. Почти сразу в кухню вбежал Финист, а следом за ним и Алёша.

– Ух, ты! – в отличие от онемевшего в изумлении отца, Алёша на дерево посреди помещения устоялся с восторгом. – У всех мальчишек в саду яблони есть, а у нас дома. Вот они обзавидуются!

– Давай лучше яблоньку в сад перенесём. Здесь для неё жарковато будет, – предложил Финист, глядя в сторону. Я заметила, как подрагивают его плечи. От смеха?

– А пироги с яблоками Лада испечёт? – Алёша скромно шаркнул ножкой.

Что ж, перемирие удалось на славу. Пусть он больше не лез обняться, зато и говорить уже не чурался.

– И компот сварю...

Я закрыла лицо руками, надеясь, что не провалюсь под землю от стыда.

Алёша выскочил обратно на улицу, побежал рассказывать мальчишкам о чудо-дереве, а Финист всё-таки рассмеялся. Да пусть

хохочет! Лишь бы придумал, как убрать её из дома.

– К вечеру посмотрим. Сейчас друзья Алёши набегут. Готовься встречать гостей, – приобнял меня Финист, а затем вернулся к работе.

Я задумалась. Раз у нас будут маленькие гости, почему бы не угостить их вкусненьким? Тем более яблок у нас целая корзина стояла и без новорожденной яблоньки: запекли их, да послаще, пальчики оближут!

Сунув книгу на полку, я достала противень и сахар. Колдовать дальше без наставника поостереглась. Ладно, яблоню вырастила, но вдруг в следующий раз змей трёхголовый появится?

* * *

Больше всего яблоня впечатлила Кощея. Он обошёл стоящее посреди кухни дерево, внимательно разглядывая со всех сторон. Сорвал с ветки наливное яблочко, надкусил.

– А яблочки-то непростые, силы восстанавливают, – с возрастающим интересом заметил он.

И правда. Кощей пришёл усталый, едва держался на ногах, а после яблочка заметно прибодрился.

– Молодильные? – вскинул брови Финист, думающий, как пересадить яблоню в сад.

– Можно и так сказать. – У свёкра остался в руках уже только хвостик от яблока. – Давно так хорошо себя не чувствовал. Отнесите потом Врану несколько плодов, думаю, ему пригодится.

– Сначала подскажи, как её пересадить. Я уже голову сломал! Выкорчёвывать жалко, да и сам говоришь, что яблочки непростые.

– Колдовством и переносить. Вместе с Ладой, иначе яблоня пожухнет без её поддержки. – Кощей дотронулся до стройного ствола. – Так что пусть Лада яблоню обнимет, а мы вдвоём их как-нибудь перетащим.

Ветви аккуратно подвязали, чтобы яблоня влезла в дверь, а после стали долго уговаривать её вытянуть из-под половиц корни. Не рубить же! Да, здесь тепло и хорошо, но разве тут разрастёшься? Наконец она послушалась меня и перестала возмущённо шелестеть листвой – и кто после этого скажет, что она не живая? Я обняла яблоню, подпитывая

своей силой, нас подхватил ветерок и перенёс во двор. Как на воздушной подушке покатались! Выбрав место получше, я представила, как яблоня пускает корни в землю, и вскоре она прижилась, трепеща на ветру крохотными листочками.

Погладив шершавую кору, я пообещала заботиться о ней и защищать от грызунов. Яблоня же в ответ наклонила ветви и мягко коснулась моего лица листиками.

— Какой удивительный фамильяр, — пробормотал Кощей, наблюдая за нами.

Я удивлённо оглянулась на свёкра.

— Фамильяр?

— Да, это твой дух-помощник. Чаще всего это животные и птицы, но бывает и так... — Он попробовал прикоснуться к яблоне, но та хлестнула его ветками, не давая приблизиться. — Видишь, злится на меня!

— Тихо, это свой. — Я ещё раз погладила ствол, и на этот раз яблоня дала Кощею прикоснуться. Надо же, а в доме она не вела себя так своевольно!

— Ты бы отошла от неё, Лада, а то слишком много силы передашь, — посоветовал Кощей.

— Так она переволновалась.

Я обняла яблоню и вдруг ощутила, как кто-то схватил меня за руку.

— Вот этого я и опасался, — со вздохом заметил Кощей.

Из дерева наполовину высунулась девчонка лет семнадцати на вид со светлой кожей и зелёной косой.

— Значит, ты теперь моя хозяйка? — беззаботно поинтересовалась она, удерживая меня за руку. Её ладони были тёплыми, как и ствол яблони, а глаза чёрными, как ночь.

— Не думаю, что стоит меня так называть. — Я попробовала высвободиться от хватки, но держала она крепко.

— Э нет! Ты меня позвала, так что теперь заботься! — Она показала мелкие острые зубы.

Жутковато! Заметив, что я побледнела, она тут же перестала улыбаться.

— Напугала? — осторожно уточнила она, отпустив руку.

— Немного.

Я потёрла запястье. От цепких пальцев остались следы, и яблонька, точно почувствовав мою боль, вдруг заплакала. Упав на кожу, слезинки мгновенно впитались, и боль исчезла.

– Я не причиню тебе вреда. – Девчонка осторожно провела рукой по моим волосам. Чёрные глаза без радужки продолжали внимательно меня изучать. – Только не гони прочь! Здесь, конечно, не роща, но силы достаточно. Я так давно спала, что позабыла, какой он, мир. Хочется немного за людьми поглядеть. Можно я останусь? Я вас защищать буду, никто со злым умыслом мимо не пройдёт.

Я растеряннo обернулась на мужа, и он едва заметно кивнул.

– Можно, – согласилась я.

В тот же миг яблонька радостно засмеялась, а дерево зазеленело ещё ярче.

– Звать тебя как, яблонька? – спросил молчавший до того Финист.

– Лель, – звонким голосом ответила она.

* * *

Было странно оставлять Лель в саду одну-одинёшеньку, будто не званную на порог гостью. Я так и норовила выглянуть в окно и убедиться, что с ней всё в порядке. Дошло до того, что едва не забыла подсолить кашу, наблюдая за яблоней.

– Если продолжишь и дальше, сама пустишь корни рядом с ней, – полушутя предупредил Финист, застав меня у окна. Он проводил последнего на сегодня посетителя и выглядел немного усталым. – Не хочешь прогуляться, раз всё готово?

Солнце только упало за горизонт, окрасив последними алыми лучами город. Если ненадолго выйдем, как раз к ужину вернёмся. Да и что говорить, хотелось пройтись по вечернему городу с любимым мужем, взявшись за руки. Я бы и Алёшу с собой взяла, но он сейчас занимался с Кощеем, постигал колдовскую науку.

– Пойдём. – Я наскоро вымыла руки и сняла передник.

– Так и пойдёшь? – изломил брови Финист.

Я оглядела себя и ахнула. Домашнее платье было покрыто зелёными и коричневыми разводами после объятий с яблоней. Вот растяпа!

– Минутку.

Муж рассмеялся мне вслед, но, когда я вернулась переодетая, учтиво предложил локоть, и рука об руку мы вышли на улицу.

До центра города мы добрались на Ветре и Пенке. Застоялись наши лошадки, а тут – почему бы не проехать? В вечернем свете стольный град покорял! По нашему поместью в темноте ходили с лучинами, а про колдовские шары, светящие сами по себе, я только слышала. Теперь же могла наблюдать фонари воочию. Они образовывали яркие проходы, где каждая улица была подсвечена своим цветом, чтобы не перепутать направление.

Насчёт тихого местечка, где колдуны живут, Кощей не соврал: едва мы выехали на главную улицу, всё переменялось. Город с сумерками нисколько не затих. Напротив, жизнь будто заиграла новыми красками. То и дело раздавался громкий смех, пение, хлопали окна и двери, сновали парочки. Хорошенькие девицы-подавальщицы зазывали мужчин в питейные заведения, а на площади под бодрую музыку и звон монет на высоком помосте отплясывали танцовщицы. Были они скорее раздеты, чем одеты: расшитые бусинами корсажи блестели под светом фонарей и огней, а тонкие полупрозрачные юбки взлетали ввысь, оголяя стройные ноги. Я даже смутилась такой срамоте и покосилась на мужа, но Финиста больше привлекала музыка, чем девушки.

– Потанцуем? – предложил он, соскакивая с коня и кидая поводья подбежавшему мальчишке, а потом помог спуститься мне. Затащил в толпу, и я увидела, что многие пары и впрямь кружат под звуки музыки, не глядя на сцену.

– Сегодня какой-то праздник?

Музыканты играли так громко, что мне пришлось прижаться к Финисту, чтобы он услышал. Он, однако, моё движение воспринял иначе и заключил в крепкие объятия, без стеснения целуя на глазах у зевак. Впрочем, танцующим не было до нас никакого дела, и вскоре я так увлеклась поцелуем, что забыла о своём вопросе. Зато муж не забыл. Удивительно, как он умудрялся запоминать каждое сказанное мной слово!

– Недавно приехала труппа, вот люди и развлекаются.

На той стороне площади стояли кибитки, на которые я поначалу не обратила внимания.

– Не хочешь сходить на представление? – предложил муж.

– Если про оборотней, то не хочу. – Я вспомнила, как мы с Алёшей наблюдали жестокий спектакль.

– Никаких оборотней. Там заклинательница огня выступает. Пойдём, будет интересно!

Он потянул меня за собой, и я вцепилась в его руку, боясь потеряться в толпе. Заплатив пару мелких монеток за вход в шатёр, Финист провёл меня на первый ряд, и мы примостились рядышком на деревянной скамье.

Шатёр был настолько старым, что изнутри весь пестрел заплатами. Половина его отводилась зрителям, а по другой части прогуливалась темнокожая девушка с короткими белыми волосами. Она жонглировала длинными палками, и её ловкие движения вызывали детский восторг.

– То ли ещё будет, – улыбнулся Финист, сжимая мои пальцы.

В который раз он оказался прав! Деревянные палки вспыхнули на концах, и заклинательница стала жонглировать зажжёнными факелами, а её кожа будто засветилась изнутри. Алый огонь отражался в причудливой вязи на теле, и казалось, что сама девушка стала продолжением огня.

– Она такая красивая, – восхищённо пробормотала я, когда представление закончилось.

Зрители расходились, заклинательница и парочка её помощников собирали монетки, а я всё никак не могла сдвинуться с места.

– Идём, пора домой.

Муж помог мне подняться со скамьи, и я нехотя последовала за ним, до глубины души поражённая увиденным.

* * *

Ночь я проспала как убитая. От души наколдовав днём, нагулявшись на свежем воздухе, я так устала, что провалилась в сон, едва упала на перину. В объятиях мужа спалось спокойно и сладко. А вот утро, увы, не порадовало. Едва занялась заря, в ворота постучала городская стража. С Финиста весь сон слетел. Серьёзный и

сосредоточенный, он вскочил с постели, будто не спал вовсе, и стал быстро собираться.

– Что-то случилось? – Я села на кровати и поправила съехавшую лямку ночной сорочки.

– Это по работе. Не волнуйся и оставайся дома, пока я не приду. Хорошо? – Финист зашнуровал ворот рубахи и наклонился ко мне, чтобы коротко поцеловать в губы. – Пригляди за Алёшей.

Я кивнула, и муж вышел за дверь. Следом в коридоре раздались тяжёлые и торопливые шаги Кощея. Хлопнула входная дверь.

Подошла к окну, выглянула во двор: у ворот Святослав Вранович с серьёзным лицом разяснял что-то страже и колдунам. Нехорошее предчувствие сжало моё сердце. Если всё в порядке, зачем пришли и почему Финист так обеспокоился? Но как я ни волновалась, поделать ничего не могла, только помочь с сыном, как и обещала. Одевшись, я зашла в покои Алёши. Мальчик мирно спал, прижав к себе тряпичного воина: то ли не услышал шума, то ли привык к ранним побудкам.

С меня же сон как рукой сняло. Тревога прочно поселилась в груди, заставляя метаться по дому. Переставила котелки на кухне, пыль с книг в кабинете протёрла, полы в горнице намыла... Вот уж правду говорят – нет ничего хуже неизвестности! Я пыталась занять себя, лишь бы не думать, всё ли хорошо у Финиста. Я даже не знала, куда они ушли!

Тут я вспомнила, что в саду у меня теперь собственный дух-помощник, а она наверняка разговор слышала. Я поспешила к яблоньке. Лель встретила меня с улыбкой. Стоило приблизиться, как она выскользнула из дерева и протянула ко мне белые руки, чтобы обнять и силой моей напитаться. В трактате говорилось, что в первые дни фамильяров надо постоянно кормить. Мне было не жаль – пусть кушает.

Наконец Лель отпустила меня, облизываясь, как сытая кошка.

– Ты не слышала, о чём разговаривали стражи? – перешла я к делу.

– На рассвете нашли убитую колдунью, – охотно поделилась Лель и посмотрела на меня с любопытством. – А что, муж не рассказывает тебе о своей работе?

– Отчего же. – Я присела под яблоней, вытянув ноги и прислонившись к стволу. – Просто мы женаты без году неделя, вот и

беспокоюсь, куда он ушёл. Вдруг там опасно?

– Конечно, опасно. Но колдунов просто так не убить: их случайные напасти стороной обходят. А неслучайные обычно заговорами заканчиваются, – беззаботно подтвердила Лель, заплетая зелёную косу. Она наполовину высунулась из дерева, и тонкий ствол яблони казался юбкой, чуть расширяющейся книзу. – Помнится, когда я проснулась во второй или в третий раз, шла война. Меня призвал чернокнижник. Решил, что станет сильнее, если будет приносить мне человеческие жертвы. Вот уж насмотрелась я тогда ужасов...

– Тебя разбудил чернокнижник? – удивилась я, и Лель пожала плечами.

– Мы не выбираем, к кому приходим. Между пробуждением мы спим в огромной роще среди сотен себе подобных. А потом вдруг просыпаемся на новом месте, привязанные к дереву. В тот раз очнулась на опушке леса рядом с кладбищем. Я боялась показываться призвавшему меня колдуну, но он чувствовал мою силу и проводил обряды на моих корнях, каждую неделю обагряя их кровью. Ужасные годы. Десятки смертей, крики жертв... Я никогда этого не забуду. – Лель прикрыла глаза, и прозрачная слезинка скатилась по щеке. – Знаешь, в тот раз я радовалась, когда яблоню сожгли вместе с ним. Потому что мой кошмар закончился.

– А чернокнижник правда становился сильнее после обряда?

Я снова прижалась к яблоньке, уже по собственному почину. Пережить такой ужас и продолжать улыбаться... Она действительно колдовское создание. Обычный человек сломался бы.

– Ненадолго. Забирать силы у других – всё равно что пить воду из чашки. Рано или поздно она закончится. А шептуны ему не попадались.

– А если бы попались?

– Тогда он обрёл бы несравнимое ни с чем могущество. Но единственной шептуньей на округу оказалась слепая старуха, а она померла раньше, чем хозяин догадался о её способностях. К счастью для неё.

Я не хотела даже представлять, как проходили эти обряды, если умереть было лучше, чем оказаться на жертвеннике. Впрочем, исход встречи с чернокнижником так или иначе был один – смерть.

– Надеюсь, те ужасные обряды остались в прошлом, – сказала я, кутаясь в шаль. После рассказа Лель утренняя прохлада стала особенно ощутимой.

Яблонька опустила ко мне тонкие ветки и провела листиками по щекам, успокаивая.

– Раз позвали колдунов, дело непростое. Но ты не бойся, мы тебя в обиду не дадим.

– Я не за себя боюсь.

Лель потянулась ко мне и обняла шершавыми руками, согревая своим теплом, как в детстве делала мама, и на душе стало немного легче.

* * *

К обеду в дом принесли письмо от мужа. Финист просил незнакомцев не пускать, за ворота не выходить и дожидаться его. А если Алёша захочет поиграть с друзьями, пусть играют во дворе или в доме. Мог и не уточнять, я сама понимала, что пока с убийством не разберутся, лучше оставаться настороже. Но вот безвылазно сидеть в доме в такую жару было пытке подобно.

– Не хочешь перекусить под яблонькой? – позвала я Алёшу.

Мы вышли в сад, взяв с собой тонкое покрывало, корзинку с пирожками и книгу сказок. Лель лишний раз на глаза не показывалась, но шаловливые ветви то и дело пытались пощекотать или погладить по голове.

– А отец скоро придёт? – дослушав очередную сказку, не вытерпел Алёша.

Мальчик весь извёлся, не найдя утром ни деда, ни отца, и постоянно спрашивал меня, когда они появятся. Я и сама то и дело поглядывала на дорогу. Тоже покоя не знала оттого, что мужа долго нет, но на уговоры пойти встречать не поддавалась.

Нас прервал громкий навязчивый стук в калитку, и я со вздохом поднялась с покрывала. За сегодня мне пришлось выставить несколько надоедливых гостей, которые отказывались понимать, что Финиста нет. И пусть в этот раз я старалась не оплошать, как недавно с верховным колдуном, но была непреклонна и в дом не пускала.

Открыв калитку, я нос к носу столкнулась с молодящейся женщиной средних лет, с каштановыми волосами, собранными в толстую косу. Яркое-красное платье с широким, расшитым бисером поясом подчёркивало стройную фигуру.

– Пропусти меня, девица. – Незваная гостья оттолкнула меня плечом и зашла во двор, прежде чем я успела хоть слово вымолвить. Окинула недовольным взглядом яблоню, сидящего под ней Алёшу, раскрытую книгу сказок... – Какое безобразие! Стоило уехать, как развели балаган! Алёша, кто разрешил тебе валяться на траве? Быстро вставай!

Мальчик вскочил на ноги, глядя то на меня, то на бесцеремонную гостью, и в его глазах читалось смущение. Он явно знал эту женщину, и она как будто была ему неприятна. Похоже, Алёша не понимал, то ли броситься в дом, то ли спрятаться за яблоню, то ли побежать ко мне. Дерево оказалось ближе, и он отступил за пышную крону. Ветви словно гуще стали, закрывая его от неприветливого взгляда.

– Посмотри, во что ты одет? Разве эта одежда подобает твоему положению? Немедленно ступай в дом и приведи себя в порядок, – велела незнакомка и повернулась ко мне. – А ты кто такая, барышня? Никак очередная дурёха, положившая глаз на моего суженого?

– А вы кто? – наконец пробилась я сквозь её тарахтенье.

– Я-то? Я невеста хозяина дома, – подбоченилась гостья. – Чудно, что ты не знаешь, но что ещё взять с деревенской девки. – Она окинула меня презрительным взглядом. – Хоть бы оделась поприличнее. Здесь господа колдуны живут.

Не дожидаясь ответа, она развернулась к дому. Мне же обидно стало. Платье у меня, конечно, далеко не парадное, простенькое, но опрятное. Да и разве можно столь дурно говорить с незнакомыми людьми?

– Мне о вас ни Финист, ни Кощей не сказывали. Так что уходите подобру-поздорову.

Я обогнала гостью и встала у порога, загораживая дверь. Если эта охальница – невеста Кощея, повинюсь перед свёкром. Но я себе такой свекрови, а Алёше бабушки не хотела!

– Ты меня учить вздумала? – Незнакомка зло прищурилась, тщетно пытаясь сдвинуть меня с места. Не учла она, что я далеко не тростинка. – Пошла вон, чернявка, если плетей отведать не хочешь!

– И не подумаю. Калитка позади вас! – Я тоже разозлилась. Терпеть хамство я не собиралась.

– Да что ты о себе возомнила, девка паскудная? Я сказала – вон!

Она замахнулась на меня, но тут в её юбку вцепился Алёша.

– Не трогай Ладу!

От усилий мальчишки, сдобренных колдовством, юбка треснула и порвалась. Алёша не удержался на ногах и шлёпнулся на землю, держа в руках трофейный кусок красной ткани.

– Ах, ты... гадёныш! – задохнулась от возмущения гостя, глядя на испорченный подол.

Мальчик захныкал от страха и боли, и я бросилась к нему. Крики нахалки меня сейчас не волновали.

– Не ушибся? Ничего не болит?

Убедившись, что он в порядке и плачет скорее от испуга, я выпрямилась и, кипя от злости, схватила женщину за руку.

– Прочь! Немедленно.

– Выгнать меня отсюда хочешь? Не выйдет! – Она рассмеялась мне в лицо, вырывая руку. – А мальцу подделом досталось. Привык, что вокруг него все вертятся. Ничего, когда мы с Финистом поженимся, всё будет по-другому. Он у меня пискнуть не посмеет!..

– С Финистом?

– С кем же ещё? Не с Кощеем же, зачем мне этот старик?

– Тогда это в корне всё меняет, – медленно произнесла я.

– Что, прониклась? Так моли о прощении! Если хорошенько попросишь – прощу. Может, даже позволю тебе здесь остаться, когда стану тут хозяйкой. Будешь убирать мусор... Ай! Совсем сдурела?! – испуганно завопила она, когда я вцепилась ей в пышную косу и поволокла прочь.

Не скрою, мне тоже помогало колдовство, хоть я и ведать не ведала, как именно. Но благодаря чарам я дотащила нахалку до калитки и сделала это с превеликим удовольствием.

– Думаю, мусор надо выбросить прямо сейчас! – Я вытолкнула гостью на дорогу и захлопнула калитку прямо перед её носом.

Финист вернулся поздно вечером, поддерживая тяжело опирающегося на него Кощея. Я бросилась им навстречу.

– Уведи Ладу, – сквозь зубы проговорил свёкор.

Как же он вымотался! Острые скулы стали ещё острее, а взгляд, обычно ясный и задорный, помутнел. Похоже, обоим немало пришлось колдовать. Но если мои ночные объятия насытили мужа сполна и ещё насытят, то Кощей едва оправился после нападения, и колдовство точно далось ему тяжко. Я в нерешительности посмотрела на Финиста.

– Можно?

Он понял меня без слов.

– Давай.

Я крепко обняла свёкра, не обращая внимания на то, как он дёрнулся. Сила, бурлившая во мне, плавно переходила к уставшему колдуну, и на его бледное лицо вернулись краски.

– Достаточно, – сказал он спустя недолгое время, и я тут же отпустила его и отступила.

– Извините, что вмешалась, но вам были нужны силы.

Кощей устало прикрыл глаза.

– Я не сержусь, Ладушка. Спасибо тебе. Просто нельзя сразу так много отдавать. Ты ведь ещё молодая колдунья, не рассчитаешь, свалишься без сил...

Он удрученно покачал головой, а я, приподняв брови, молча уставилась на мужа. Кощей что, не знает? Финист передёрнул плечами: прости, мол, как-то к слову не пришлось. Я вздохнула с осуждением. Конечно, скрывать дар шептуньи необходимо, но не от родных же?

– Не волнуйтесь, мне плохо не станет. Я шептунья, как и Алёша, – ответила я по-простому, одним махом закрывая вопрос. Если семье не верить, то кому?

– Вот как... – Кощей подёргал бороду, переводя взгляд с меня на сына.

Кажется, Финиста ждал серьёзный разговор. Но разговор подождёт, сначала поесть надо. Я наскоро накрыла поздний ужин. Вытащила из печки сочное, пусть и остывшее мясо, поставила на стол тёплую картошку с зеленью и разлила по мискам куриный бульон. На сладкое я подавала пироги с яблоками. Колдуны набросились на ужин,

как голодные волки, а я присела с края стола, глядя на них со смутным чувством удовлетворения. Хорошо, что чем-то помогла. Пусть это и обычный ужин.

Финист умял первую миску бульона и попросил добавки: от растраты сил он ел как не в себя. Жаль, что я не обычная колдунья – если б и у меня колдовство силы забирало, наверняка стала бы стройной, как Василиса.

– А где Алёша? – опомнился муж.

– Уже спит.

Алёшу я покормила раньше и уговорила лечь. Хотя он боролся с усталостью до последнего, не желая спать, пока дед с отцом не вернулись.

– Сомневаюсь, – улыбнулся Финист, прислушиваясь к топоту на лестнице.

Алёша забежал на кухню и бросился к нему.

– Кто-то обещал спать. – Я сделала вид, что сержусь.

Алёша, к нашему общему удивлению, подошёл ко мне.

– Я спал. Но дверь хлопнула, и я проснулся. Сейчас лягу обратно, честно. – Он придержал меня за подол платья, заглядывая в глаза.

– Учти, ты обещал!

Мальчик кивнул и, поочерёдно обняв отца и деда, пожелал им спокойной ночи.

– Вы помирились? – удивился Финист, когда Алёша снова ушёл в опочивальню.

– Что-то стряслось, пока нас не было? – догадался более прозорливый Кощей.

На оба вопроса я ответила «да». Рассказ о «невесте» колдунов позабавил, а муж крепко поцеловал меня: видимо, чтобы не усомнилась, кто ему жена. Я уже узнала от Алёши, что незваной гостьей была няня, несколько месяцев назад выставленная из дома, но по-прежнему преследовавшая Финиста.

– Может, стоит объявить о вашей свадьбе? – предложил Кощей, отсмеявшись. – Алёша знает правду. Да и слухи так или иначе пойдут...

– Может, и стоит, – задумался Финист, поглаживая мою руку. Брачные браслеты легонько соприкасались друг с другом.

– Но в следующий раз гони таких нахалок в шею, – добавил свёкор.

Я кивнула и принялась было выпрашивать об убитой колдунье, но о ней оба рассказывать не спешили. Я и с одной стороны к разговору подводила, и с другой. В конце концов не выдержала:

– Или вы говорите как есть, или я сама разузнаю!

– О чём? – попытался выкрутиться Финист.

– Лель рассказала про убийство колдуньи.

– Вот же болтливое полено, – выругался муж и тут же замолчал под недовольным взглядом Кощея. – Хорошо, я расскажу. Но сперва пообещай, что в ближайшие дни из дома одна не выйдешь. Меня зови, отца, да хоть Василису...

– Что случилось-то? – не выдержала я.

– Убили заклинательницу огня – ту, которая тебе так понравилась. Почти сразу после её выступления. Мы подозреваем, убийца был в шатре, наблюдал за ней. Он мог ощутить твою силу, и если он её почуял...

– Он начнёт за тобой охоту, – мрачно закончил за него Кощей.

Я понимала, что положение нешуточное, но загадочного убийцы не испугалась. Как-то не мнила я себя великой колдуньей, на которую он позариться может, да и сила моя пока выражалась стихийно. Даже Кощей ничего не заподозрил, а мы всё-таки под одной крышей живём! Для себя же решила – если прознают, что в нашем доме живёт шептун, пусть лучше на меня думают, чем на Алёшу. Я не хотела, чтобы убийца охотился на него.

Поздно ночью, сидя на кровати и расплетая косу, я расспросила у Финиста об убийствах. Слова Лель об обрядах чернокнижника не выходили из головы.

– Несколько лет назад убили заезжую семью колдунов, – припомнил муж, садясь позади меня и играя распущенными прядями волос. К долгому разговору он был не расположен, я и не настаивала. – Но все грешили на оборотней. Поймали вожака местной стаи, а он тот ещё безумец. Был.

– А ты как думаешь, это он расправился с колдунами? – Я повернула голову, чтобы мужу было удобнее, и он отвёл волосы в сторону, целуя шею.

– Не уверен. Тому оборотню было всё равно, колдунов убивать или нет. Но меня не спрашивали, а вмешиваться я не стал: Алёше было два года, сама понимаешь, тут другие хлопоты. Так или иначе, оборотень получил по заслугам, крови на его руках было немало.

Да уж, с маленьким ребёнком Финисту было не до загадочных злодеяний. Прекратились убийства – и хорошо.

Поцелуи стали более настойчивыми, муж чуть наклонил меня вперёд, забираясь руками под ночную рубашку. Щекотно и приятно – я не могла понять, какое чувство сильнее, пока его ладони не накрыли грудь. Я зажмурилась от нежных ласк, утопая в них, и прочие вопросы вылетели из головы.

* * *

– Знаешь, я совсем разленюсь, если буду просыпаться с тобой каждое утро. Мне совершенно не хочется вставать, когда ты рядом! – с улыбкой произнёс Финист, когда мы проснулись на заре в объятиях друг друга.

Солнечные лучи игриво заглядывали в опочивальню, но в открытое окно дул прохладный ветерок.

– Так оставайся, – предложила я и первая поцеловала мужа.

Он с пылом ответил на моё желание. Увы, насладиться друг другом нам не дали. Стоило поцелуям перейти за черту благопристойности, как раздался знакомый стук в калитку. Ну что за люди! Ни стыда ни совести!

– Боюсь, придётся вставать, – вздохнул Финист и отодвинулся от меня, ещё раз коснувшись губами щеки.

Тонкое одеяло упало на пол, и я охнула, когда муж предстал передо мной во всей красе. Спал он без одежды, и сейчас без стеснения потягивался, как довольный кот. Я густо покраснела. Одно дело видеть любимого в полутьме, и совсем другое – при свете дня, когда можно разглядеть всё, о чём благовоспитанной барышне думать не следует.

– Ты такая милая, когда смущаешься, – задорно улыбнулся Финист, не спеша одеваться и вгоняя меня в краску ещё сильнее. Я уже не знала, куда отвести взгляд, а муж расхохотался.

– Надо что-то делать с твоим стеснением. А то я начинаю думать, что чем-то тебе не нравлюсь. – Он с лукавством вильнул бёдрами, и я, не выдержав, закрыла лицо руками.

– Финист, ты идёшь? – крикнул Кощей из-за двери, и муж, досадливо цокнув, бросился одеваться. Чуть не запутался в штанах и своей неловкостью победил моё стеснение.

– Без меня к Врану ни ногой.

– И долго мне ходить с сопровождением? – уточнила я со вздохом.

В городе столько интересных мест, где хотелось побывать, но Финист уставал, и вытаскивать его после трудного дня на прогулку в городской сад было как-то... неправильно?

– Пока не поймают убийцу, – отрезал муж. Понял, что сказал резко, и, чтобы смягчить суровый ответ, ласково коснулся губами макушки. – Не сердись, это для твоего же блага.

– Я не сержусь, просто обидно немного. Не на тебя – на случившееся. Ты тоже будь осторожнее, – попросила я, проводив его до порога опочивальни.

Сидеть у окошка и горевать я тоже не собиралась. В доме столько дел, что за год не переделать!

Глава 6

Финист зашёл в кухню как раз к пирогам, с пылу с жару, только из печи. Тесто я замесила вечером, сочную вишню занесла соседка. Заодно познакомились. Её сын дружил с Алёшей, а сама соседка, приятная полноватая купчиха, возвращалась вчера с ярмарки и ненароком застала безобразную перепалку с няней. Вот и навестила нас, чтоб убедиться, что всё в порядке.

Узнав, что я не прислуга в доме, а жена Финиста, женщина всплеснула руками, долго разглядывала мой брачный браслет, а затем искренне поздравила с удачным браком. Я смутилась, чем развеселила соседку ещё больше: она призналась, что давно ждала, когда же Финист остепенится и вокруг него перестанут виться молоденькие красотики.

– Вот бы Кощя пристроить – вообще хорошо станет, – вздохнула она мечтательно за чашкой чая и поведала, какой замечательной была мама Финиста. Увы, после смерти жены Кощей наотрез отказывался заводить сердечные отношения. Хотя какие его годы! Для такого сильного колдуна полвека вообще не возраст!

Купчиха пообещала прислать мне хорошую девушку в помощницы – была у её знакомых скромная сиротка, умелая и ловкая, тоже недавно нашедшая счастье в браке. Знакомые собирались переезжать, а прислуга оставалась не при деле. Соседка уж и к себе присматривала, не взять ли девушку, но раз я совсем одна в доме... Сговорились, что завтра встретимся и потолкуем.

Проводила я соседку, ко мне Алёша привязался и до полудня ходил хвостиком, задавая вроде бы совершенно простые, но такие сложные вопросы. Почему с утра трава мокрая? Почему птица летает, а не падает? Я над ответами честно думала-думала, да и позвала Алёшу с собой в покои, чтобы в книжках ответы найти. Так мы и пропали бы до вечера, если б не пироги. Одним словом, скучать не приходилось, до обеда провозились.

Финист стащил с противня горячий пирожок, надкусил, прикрыв глаза от удовольствия. Сочная вишня так и таяла во рту.

– Пойдём к Врану? Я закончил сегодня пораньше, – предложил он.

С радостью согласилась, тем более что препятствий к учению больше не было, рукой я снова двигала безболезненно.

Алёшу, ёрзающего от нетерпения и уже не знающего, куда приткнуться, мы взяли с собой. Всё-таки ему сложно было усидеть дома, хотелось гулять.

– К наставнику, Ладушка, ты уж сама поднимись. Негоже без договорённости в гости заглядывать, да ещё и с дитём. Вран ребятишек не жалуёт, – пояснил Финист, когда мы подошли к башне. – Мы с Алёшей погуляем в округе пару часиков и за тобой зайдём.

– Хорошо.

Я поцеловала его в щеку, шёпотом попросила Алёшу приглядеть за отцом (моей просьбой мальчик проникся и важно кивнул) и постучалась в дверь. На этот раз, услышав моё имя, ворон артачиться не стал, и дверь распахнулась.

– Поднимайся, Лада Митрофановна, – прозвучал сверху знакомый старческий голос, и я, стиснув зубы, преодолела крутые ступеньки.

– Как погода? – не ответил на моё вежливое приветствие Вран, стоя у окна и смотря окрест. Можно подумать, не почувствовал тепло.

– Солнечно, – ответила я, пытаюсь отдышаться после подъёма.

– Тогда сегодняшний урок проведём на улице.

У меня окончательно дыхание от его слов отбило. Насмешничает, что ли? Не мог сразу сказать, чтобы я наверх не шла?

Спуститься получилось быстрее, но труднее. Я боялась поскользнуться на узких крутых ступеньках, а шептун подгонял. Оказавшись внизу, он открыл дверь и выглянул наружу.

– Солнечно оно может и солнечно, но ветер прохладный. Чего стоишь? Принеси мой плащ.

– А где он? – Я огляделась, но платяного сундука или шкафа не заметила.

– Наверху, конечно, где же ещё? Давай быстрее, туда-сюда, я не собираюсь тебя ждать!

Слушать ворчание старика было невмоготу. Ноги сами понесли к винтовой лестнице, и я поднялась, не обращая внимания ни на сбившееся дыхание, ни на сведённые судорогой ноги. Забытый плащ лежал на кресле, и, схватив его, я спустилась.

Вредный колдун надевать не стал, а перекинул через руку со словами: «Замёрзну – надену».

– А разве вы не можете согреться силой? – ляпнула я, не подумав.

Тотчас получила отповедь, что я ленивая и неблагодарная девчонка, с которой занимаются, а ей по ступенькам лишний раз подняться сложно. Я хотела ответить, что и правда сложно, но прикусила губу, вовремя вспомнив пословицу: «Помолчи – за умного сойдёшь».

Шептун сегодня был в отвратительном расположении духа. А ведь мы едва начали занятие!

Я заставила себя молчать и терпеть. В конце концов, выдерживала я перепады настроения Алёнушки, так что и причуды Врана переживу.

Короткую прогулку колдун закончил у теплицы. Она оставила у меня малоприятные воспоминания, и внутрь я заходила с опаской. Когда же Вран напрямик направился к сон-траве, и вовсе струхнула.

– Определила, что тебе подвластно из первоэлементов? – Шептун остановился в нескольких саженьях от сон-травы, сегодня как-то понурившей листья.

Рука непроизвольно заныла, хотя от ушиба не осталось и следа.

– Да, это земля.

Я рассказала о выращенной яблоне, о том, как дерево превратилось в Лель, и как Лель не хотела уходить из дому.

– Сказано же, что семечко надо на улице проращивать, – проворчал шептун. – Хорошо, что земля, так удобнее. Садись рядом с сон-травой и попробуй не уснуть.

– Вы уверены?

Я с опаской посмотрела на цветок, но Вран подтолкнул меня к нему, и я чуть не рухнула рядом. Сладкий запах ударил в ноздри, навевая спокойствие и безмятежность. Но помня, к чему это привело в прошлый раз, я попробовала отвлечься на что-то другое. Например, на упражнения для новичков из данной шептуном книги. А были они не самые простые. Вывернуть руку, как на рисунке в книге, у меня не получалось, но я пробовала снова и снова, пока кисть не заныла от напряжения. Пока тренировалась, запах сон-травы будто притупился, а затем и вовсе пропал. Растение плотно сомкнуло бутон.

– Молодец, – похвалил меня Вран. – Быстро догадалась, что надо на чём-то полностью сосредоточиться. Или Финист подсказал, как с

чарами справиться?

– Нет, не подсказывал. – Я покачала головой. – Просто мне показалось, что цветок не просто усыпляет, а как-то ещё на меня влияет.

– Так и есть. Сон-травка создаёт ложное ощущение безопасности. Раньше её использовали в целебных целях, усыпляли больных перед тем, как шить по живому. В малых дозах сон-травка лекарство, в больших – яд. Идём дальше, – бросил он через плечо, и я, вскочив, поспешила за ним.

Следующая остановка была неподалёку от высокого вьющегося растения, похожего на плющ, которое оплело большую часть стены. Листья его будто окунули в кровь.

– Стой там, – приказал Вран, а сам ткнул посохом в сторону плюща.

Тот бросился на палку, как живой, и какое-то время они с колдуном перетягивали посох друг у друга. Затем шептун что-то сказал, и на кончике посоха вспыхнуло пламя, отпугнувшее плети.

– Запомни: если увидишь такое растение, даже близко не подходи. Это «упырьская лоза» или «удушник», как его называют в простонародье. Может укутать человека в плотный кокон, не пропускающий воздух, и жертва задохнётся. Лоза питается колдовской силой. А если силы нет – подойдёт обычная человеческая кровь, оттого удушник и краснеет.

Вран сделал резкий взмах посохом, и его навершие нагрелось. Листики лозы испуганно вжались в стену.

– Единственное, чего боится удушник – огонь. Договориться с ним невозможно. Так что случись беда – выжигай дотла.

Вран подпалил пару самых надоедливых листиков и пошёл дальше, жестом наказав следовать за ним.

– Кошачий коготь. – Он встал у очередного растения. – Условно безопасен. У него очень мягкие шершавые листья, и их сок хорошо останавливает кровь. Дотронься.

Я прикоснулась к растению. Мягенькое. Будто кошачью шерстку погладила. Листья незаметно потянулись ко мне, ластясь.

– Хватит, – не оборачиваясь, предупредил Вран.

Я нехотя опустила руку. Неужели ему жалко немного силы? Самую малость... Но послушаться мастера не посмела, убрала руку. В

тот же миг в воздухе просвистел острый усик растения, да с такой силой, что я аж отпрыгнула.

– Думаешь, раз ты шептунья, то всё можешь? – жёстко спросил Вран, так резко остановившись, что я чуть не влетела ему в спину. – Если отдашь слишком много, можешь запросто раствориться в собственной силе! Ты этого хочешь?

Я испуганно покачала головой.

– Тогда не разбрасывайся. И хватит быть такой доброй ко всем. Тебе надо отрастить зубы, если хочешь выжить.

Он подошёл к следующему колдовскому растению, и я поняла, что сегодня мы в теплице застрянем надолго.

* * *

Вран рассказал обо всех колдовских растениях, лишь когда солнце опустилось к крышам. Надо же, как незаметно пролетело время! Может, мы бы и дольше провозились, но колдун вдруг прислушался, нахмурился и, как-то разом согнувшись, тяжело опираясь на посох, направился к выходу.

К наставнику пришёл гость. Когда я поняла, кто маячит у дверей, замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась, сомневаясь, что имею право присутствовать при беседе. Вряд ли верховный колдун заглянул просто проведать старика. Да и наше знакомство вышло неловким. Увы, Михей заметил нас и сам вышел навстречу.

– День добрый, Вран, – поздоровался он с мастером и бросил на меня острый взгляд. – Вижу, ты не один сегодня. Новая ученица?

– Да какая ученица? Помогает мне по хозяйству! Пыль протереть, сорняки в теплице повывёргивать. – Вран махнул рукой, прогоняя меня прочь. – Иди-иди, на сегодня твоя работа закончена. Завтра не забудь с собой тряпку и ведро взять, полы вымыть!

Я не выказала удивления: раз Вран меня ученицей не представил, значит, так оно и надо. Поклонилась в пояс – аж коса по земле мазнула.

– До свидания, господин Вран. И вы, господин.

Под пристальным взглядом верховного колдуна я развернулась и собралась уйти, но его оклик заставил меня замереть на месте.

– Ну-ка, стой, девушка! Не тебя ли я видел в доме Кощея?

– Так я и у них убираюсь, – не соврала я ни словом, старательно глядя на носки туфель. Тут придаться не к чему. Уборкой в доме я занималась каждый день, наводя уют.

– Вот как... А для обычной прислуги ты больно храбрая. Помнишь меня?

– Не помню, господин.

Я не поднимала взгляд. Вряд ли Михей станет распространяться, как я его на порог не пустила.

– Может, ты себе прислугу ищешь, а, Михей? – вмешался Вран, и тот наконец перестал меня разглядывать.

– Мне таким не с руки заниматься, да и во дворец кого попало не берут, ты же знаешь. Иди, девушка.

Я поспешила отступить в тень, а они развернулись к башне, продолжив разговор.

У самой калитки меня встретил Финист.

– А ты долго, – сказал он.

Рядом с мужем я позволила себе выдохнуть. Заодно придержала Алёшу, который сунулся к башне – не хватало ему встретиться с Михеем! Кстати, знает ли Михей, что Алёша – шептун? Всё-таки раз Алёша сын царевича, его колдун наверняка должен знать...

– К Врану Михей пришёл, – сказала я и поведала Финисту о встрече.

Муж нахмурился, потёр едва заметную морщинку на лбу.

– Наставник без повода не обманет. Если решил представить тебя прислугой, значит, лучше поддержать. Я предупрежу отца, чтобы не проболтался случайно. И весть о нашей свадьбе придержать придётся. – Муж обнял меня за плечи и повел подальше от башни. – Интересно, что Михею надо от Врана?

– Может, он тоже расследует убийство? – шепнула я, чтобы Алёша не услышал, но муж качнул головой.

– Из-за простолюдинки он даже пальцем не пошевелит. – Финист отпустил меня и поймал за руку Алёшу, который устремился к бездомной собаке, безмятежно растянувшейся на мостовой. – Так, юноша, я сколько раз говорил не трогать собак?

Мальчик прикусил губу, чтобы не зареветь. Глаза покраснели, кончик носа тоже. Сердитый тон отца его пугал.

– Почему ты так против? – вмешалась я. Уверена, собака не укусила бы Алёшу, даже если бы тот дёрнул её за хвост. Слишком жаркая была погода, когда лапой пошевелить лень, да и выглядела она весьма добродушной: высунутый язык и будто смеющаяся морда.

– Волки, собаки... Никогда не знаешь, что у них на уме. – Финист почесал шрам, который вполне мог оставить дикий зверь. Для удара ножом рана слишком рваная. – Не хочу, чтобы Алёша пострадал.

– Разве не хуже, если он будет их бояться? – заметила я, и Финист вздохнул.

– Хуже. Но бояться он не будет. Шептуны близки с природой. Сама вспомни, ты хоть каких-нибудь животных боялась?

Я задумалась. Не припоминала такого. Ни грызунов, от которых мачеха и Алёнушка на скамьи запрыгивали, ни поджарых охотничьих псов батюшки, ни быков, бьющих копытом. Наоборот, меня частенько звали, если нужно было успокоить животинку. Говорили, слушаются они моего слова доброго. Выходит, и правда слушались... Я посмотрела на надувшегося Алёшу, на Финиста – нет, так семейные прогулки не заканчивают!

– А давайте в сад сходим? Так на него посмотреть охота!.. – мечтательно протянула я, и мальчик тотчас наострил уши. Сам не просил, но глаза загорелись.

– Я-то не против. Если Алёша не устал, – тотчас раскусил мою хитрость Финист. – Решай, пойдём? – повернулся он к сыну.

– Да! Раз Лада просит, – так торопливо выпалил мальчик, словно боялся, что Финист передумает. И вприпрыжку убежал вперёд. Скрывать широкую улыбку, пряча за напускной обидой, он ещё не научился.

* * *

Городской сад показался мне ожившей сказкой. Были тут и увитые цветами качели, куда мог забраться не только ребёнок, но даже взрослый, и фигурные фонтаны, и шумные весёлые лоточники, предлагающие прогуливающимся горожанам разные мелочи – от сладких пряников и орешков до кваса и сущика.

Алёша быстро поладил с ребятами, играющими в богатырей и разбойников, и принял на себя роль благородного князя. Его противником стал конопатый мальчишка, годика на два старше, но не заносчивый, а смешливый. Вся эта орава бегала между взрослыми, вдохновенно гикая и потрясая игрушечными мечами и обычными палками.

Когда Алёша прижал к дереву «главаря разбойников», заставляя того «отречься» от разбойничьих дел, к нам под села дородная женщина с пышными рыжими кудрями, его мама.

– Какой бойкий у вас мальчик. Сколько ему?

– Осенью исполнится шесть, – ответил Финист, с горделивой улыбкой наблюдая за Алёшей.

– Матушка его прекрасно выглядит, – польстила она мне. – Хоть внешне мальчик – вылитый отец. И нрав тоже ваш?

Я было заволновалась, что она на Финиста заглядывается, но смотрела женщина с живым любопытством, да и мне улыбалась приветливо.

– Не поверите, но тут он в Ладу. Такой же неутомимый, – усмехнулся Финист, прежде чем я успела ответить, и приобнял меня, прижимая к себе.

– Завидую я вам! Так славно, что вы вместе погулять выбрались. Моего-то мужа в сад не заманишь. То душно ему, то скучно. – Она покачала головой, с лёгким сожалением потеряв брачный браслет.

– А вы пироги испеките и с собой возьмите. Тётка Фрося всегда так мужа звала, когда ей куда-то съездить надо было. У неё пироги такие, что мёртвого поднимут, не то что мужика с лавки, – ляпнула я очередную тёткину мудрость. Ойкнула.

Финист расхохотался, женщина рассмеялась следом.

– Отчего бы и не попробовать, – подмигнула она. – Пирогам я мужа не сманивала.

Мы поговорили немного: о воспитании, о детских проказах, затем распрощались душевно.

– Знаешь, после таких бесед кажется, что мы женаты всю жизнь, – признался Финист, когда мы вновь остались наедине. – Но что же делать? – Он наклонился ко мне и заговорщически закончил: – С каждым днём я люблю тебя всё сильнее.

Тёплые губы накрыли мои, подарив короткий, дразнящий поцелуй. Увлечься нам не позволила стыдливость: слишком много было людей вокруг. Смущённая и счастливая, я прижалась к боку мужа и поймала себя на мысли, что чувствую себя цельной: я была счастлива сидеть вот так, взявшись за руки, и вместе с Финистом смотреть, как растёт наш сын.

– Отец, а можно я заберусь на разбойничью ладью? – примчался к нам Алёша, весь сырой от беготни и встрёпанный, как ёжик.

– Только до палубы, – разрешил Финист.

Алёша с боевым задором бросился к построенному в центре сада деревянному судну. Взбежал по лесенке на палубу, зацепился за канат... Так, кажется, это надолго.

Финист тоже посчитал, что сына не дозвезется, и, повернувшись на скамье, положил голову мне на колени. Да я и не возражала, мне нравилось гладить его по волосам. Светлые, пушистые. Словно солнечные лучики скользят сквозь пальцы.

– Ну что, рассказывай, что вы проходили сегодня, – глядя на меня снизу вверх, спросил он. И видно было, что ему взаправду мои рассказы интересны: и об удушнике, и о кошачьем когте, и о сон-траве. Дослушав, Финист перехватил мою руку и крепко переплёл наши пальцы.

– Не испугала тебя учёба?

– Нет, учитель ведь рядом, – успокоила его я, хотя забота мужа была приятна.

– И всё же будь осторожнее. Вран любит учить на ошибках, говорит, так лучше запоминается, – предупредил муж.

Я обещала запомнить. Не хотелось бы вернуться домой израненной, слишком полагаясь на других.

* * *

На следующий день я заявила к Врану с ведром и тряпкой, чем немало его повеселила.

– Вообще-то я пошутил вчера, – отсмеявшись, заметил он.

Я это поняла, но предпочла показаться глупой, чем попасться на лжи. И не прогадала: Михей пришёл снова. Вран был внизу, а я

наверху башни, отосланная туда за перчатками. Мы собирались бороться с заколдованными сорняками, а лезть к ним с голыми руками мастер не советовал. На этот раз я не обижалась, что он вспомнил о перчатках не сразу. Продолжив чтение трактата, я поняла: чем выносливее колдун, тем податливее сила. Так что таким хитрым способом Вран заставлял меня тренироваться. Я решила не раскрывать тайну его забывчивости: заниматься собой всё равно пришлось бы, а так вредному старику радость. Посему за перчатками я пошла с показным стоном, зато услышав, кто пришёл, преодолела последний пролёт на одном дыхании. Едва успела ковёр убрать и вылить воду на пол, как колдуны поднялись в башню.

– Снова ты? – с удивлением посмотрел на меня Михей, пока я старательно возила тряпкой по полу, изображая бурную деятельность.

– Здравствуйте, господин. И сегодня свиделись. – Я бросила быстрый взгляд на мастера, но тот ни словом меня не поправил.

Не успела договорить, как в окно влетел сокол и уселся на жёрдочку, будто для него предназначенную. А ведь сокол сей мне знаком! Тот самый, которого я встретила на постоялом дворе. Я его по колдовским зелёным глазам узнала.

– Ты ступай пока, пыль внизу протри, – отослал меня Вран.

И ведь не поспоришь, когда изображаешь прислугу! А я так надеялась узнать, для чего к мастеру верховный колдун наведывается. В любимых мною романах незаметные слуги в доме всегда всё знали. Хотя... не при моих размерах быть незаметной.

Я спустилась, неспешно протирая по пути перила, и часть разговора всё же слышала.

– Ты нашёл тот обряд, о котором я спрашивал? – в голосе Михея сквозило нетерпение.

– Только упоминание, вот здесь. – Вран нарочито медленно зашуршал страницами. – Но почему он тебя заинтересовал? Неужели решил заняться расследованием?

– Это приказ его высочества. Дай посмотреть...

Продолжения я не слышала, спустившись ниже: стоять на одной ступеньке дольше выглядело бы подозрительно, если б кто заметил.

Чтобы чем-то себя занять, не привлекая лишнего внимания, я и правда устроила уборку. В нижней части башни давно не наводили порядок, и я потихоньку расставляла мебель, стряхивала пыль, до

блеска натирала дверные ручки. Так увлеклась, что не заметила, как колдуны спустились. Михею чуть метёлкой не прилетело! Я ойкнула и испуганно отшатнулась.

– Вот же дурёха, – передёрнул плечами верховный колдун, бросив в мою сторону брезгливый взгляд, и удалился, чтобы не дышать поднятой пылью.

Стоило ему скрыться из виду, как Вран махнул рукой, и пыль собралась в кучу.

– Похоже, тут и впрямь стоило прибраться. – Убедившись, что я не загребла в мусор ничего ценного, Вран испепелил его и повернулся ко мне. – Не колдуй при Михее. Если догадается, что его водили за нос, всем не поздоровится.

– Но ведь он знает, что вы шептун! Что плохого, если узнает обо мне?

– Я могу за себя постоять. И за моей спиной никого нет. На меня сложно надавить и заставить поступать не по совести. А у тебя семья. Если он пригрозит жизнью Финиста, Алёши или твоей сестрицы, на что ты пойдёшь, чтобы их защитить?

– На что угодно, – не задумываясь ответила я. И так от этого тяжело стало на душе, что выть захотелось. – Но вы ведь сами говорите, как колдунья я ничего не умею!

– Колдовать и не придётся. Михея твоя сила устроит. Сделает своей любовницей и будет потягивать колдовство в своё удовольствие.

Меня передёрнуло. Мерзость какая! Чтобы я – с ним?.. Аж затрясло от одной мысли. Но не успела я возразить, как рядом опустился сокол, ударился о пол, а встал уже добрый молодец.

Обнял меня Финист, прижал к груди, словно от всего мира ограждая. Выходит, он и был тем соколом и присматривал за мной всё время! Уже тогда, на постоялом дворе, оберегал и помогал?

– Он её не получит.

– Да я-то не спорю, – вздохнул Вран. – И беречь свою ученицу буду. Но от Михея лучше держаться подальше. Не нравится мне, что он древние обряды ищет. Вроде и для лечения царевича, да только...

Договорить колдун не успел. Что-то затрещало, сверху посыпалась труха... и каменный свод обрушился на наши головы.

– Хорошая реакция, соколёнок! – сдавленно прохрипел Вран, вставая с колен.

Над нами клубился ветряной купол, защищая от рухнувших камней и балок. Финист, этот купол и создавший, стоял с поднятыми вверх руками и скрипел зубами что-то неразборчивое, продолжая направлять ветер. Я обняла его за пояс и поделилась силой.

– Так, девочка, хватит за мужа держаться. Лучше помоги поднять часть башни, – позвал меня Вран. Слова с делом у мастера не расходились – он тут же прижал ладони к стене, и по камням прошла огненная волна, сплавляя их вместе.

– А что надо делать?

– Представь, что балки восстанавливаются и встают на место. – Вран подтолкнул меня к стене.

Сначала я испугалась, что обожгусь о сплавленный камень, но ощутила лишь слабое тепло.

– Представить-то я могу...

Я прижала ладони, как и Вран, но ничего не почувствовала. Балки даже не шелохнулись. Это ведь мёртвое дерево, вот и не слушалось. Хорошо, а если по-другому? Мне вспомнился шиповник у подножья башни. Я представила, как ростки тянутся вверх, переплетаются плотной сеткой и поднимаются выше. С каждым моим вздохом на полсажени.

Это сработало, и вскоре над нами зазеленел шатёр из листьев. Финист выдохнул, ослабляя ветряной купол. Выпущенные им колдовские огоньки высветили тёмные углы башни, и мы увидели заваленную булыжниками и сломанными досками дверь.

«Вот тебе и уборка», – мысленно проворчала я, направляя колючие ветви, чтобы те раздвинули камни и освободили проход.

Работа шла медленно. Поставишь одну балку, а она пошатнёт всю башню. Освободишь камень, а за ним горкой посыплются остальные. Несмотря на крепко сцепленные ветви шиповника, Финисту приходилось держать купол, и когда выход был освобождён, муж уже пошатывался от усталости. Придерживая друг друга, мы выбрались наружу, и потолок за нами обрушился с грохотом, больше не удерживаемый колдовством.

– А я успел привыкнуть к этому дому.

Вран с тоской посмотрел на полуразрушенную башню в клубах пыли. Финист же с такой силой обнял меня, что я чуть не задохнулась.

– Лада, ты в порядке? Не поранилась? – Отстранившись, он придирчиво оглядел меня с ног до головы.

– Не поранилась.

Я не менее обеспокоенно посмотрела на него, но кроме бледности ничего не отметила. Но сил-то он потратил! Не думая о пристойности, я прижалась к его губам. Короткий поцелуй много сил не передал, зато Финист успокоился: раз целую, то всё в порядке.

– Наверху осталось что-то важное? – спросил он у Врана.

Мастер плотно сжал губы.

– Искра, мой фамильяр. Мне сейчас не взлететь, – колдун мотнул головой на повисшую, как плеть, правую руку.

– Понял. Сейчас принесу.

В тот же миг муж обратился в сокола, взвился к полуразрушенной части башни и, прежде чем я успела испугаться, вернулся. В когтях у него была аккуратно зажата золотистая ящерка. Вран протянул к ней здоровую руку, и ящерка шустро скользнула к нему, испуганно спрятавшись в складках одежды.

– Спасибо, – с чувством произнёс шептун, и на мгновение его взгляд смягчился.

Вновь обернувшись добрым молодцем, Финист приблизился к старику, а затем я ощутила лёгкий ветерок. Мужа качнуло – колдовство отнимало остатки сил, зато глубокий порез на правой руке Врана затянулся.

– Думаешь, это его работа? – Финист вновь посмотрел на башню.

– Не удивлюсь. Интерес к чернокнижным обрядам подозрителен, а ему ведомо, что я люблю докапываться до истины. Может, пожелал от меня избавиться...

– Верховный колдун? – Я наконец догадалась, о ком они говорили, но не верила. Да и как поверить, что такой важный человек – убийца?

– Чтобы подняться так высоко, Лада, одних крыльев не хватит. Придётся хитрить и изворачиваться. А это Михей умеет отлично, – пояснил Финист и повернулся к наставнику. – Погостишь у нас, пока не найдём виновника?

– Отчего бы не погостить. Тем более когда ученица рядом. – Колдун кивнул и вдруг схватил меня узловатыми пальцами за щеку.

– Молодец, девочка, что не перепугалась и не растерялась, – потрепал он меня, как щенка, и поковылял к воротам.

* * *

Вот уже две недели, как Вран переехал к нам, дома творилось настоящее безумие. Нрав у гостя оказался тяжёлым, он поучал всех и

сразу, начиная с Кощея и заканчивая Лель, с которой у него настоящая война завязалась. Дошло до того, что яблонька отказалась делиться плодами, пока в доме живёт Вран: то червивый подсунет, то с гнильцой, то такой кислый, что есть невозможно!

– Умудрилась себе на голову фамильяра вырастить, – ворчал Вран, но от молодильного яблочка, даже самого мелкого, не отказывался.

Я выслушивала жалобы со всех сторон – выслушать проще, чем спорить. К тому же Вран не только ворчал, но и учил. В последние дни я пыталась сплести ветки в лесенку. Колдовство давалось с трудом, ступеньки выходили через раз, и мастер называл меня бестолочью. Если бы не поддержка Василисы и Финиста, я бы бросила! Но сестра рассказала по секрету, что в Колдовской Башне учились управлять растениями только со второго года обучения.

И как хорошо, что купчиха свою знакомую сиротку прислала! Чем-то Малуша мне Варю напомнила: бойкая, говорливая, но место своё знающая. На мужа моего не заглядывалась – у неё свой был, кузнец. Дай только поговорить, весь день о нём рассказывать будет! И готовила она хорошо, и прибираться помогала. Приходила Малуша каждый день до полудня, и вместе мы всю работу переделать успевали. Вот и сейчас – достала обед из печи и в горницу отнесла, где все мужчины за столом собрались.

Расставив миски с наваристым мясным бульоном, я пристроилась рядом с мужем, не вмешиваясь в разговор. На этот раз толковали о чернокнижных обрядах. Кощей с Враном спорили до хрипоты, каких животных можно в них использовать. Тема для застолья и так-то не подходила, а они ещё без всякого стеснения говорили о способах разделки туш. Впрочем, за последние дни я попривыкла, и их разговор не убавил желания поесть.

Василиса, сидящая рядом, тоже в разговор не вмешивалась и выглядела какой-то особенно задумчивой. Вздыхала незаметно, тербила подол платья – до этого всё в штанах охотничьих приходила, а тут вдруг принарядилась. К чему, кстати?

– Выйдем в сад? – шёпотом позвала я за собой сестрицу.

Василиса будто этого и ждала. Последовала за мной, а как мы наедине остались, снова в себя ушла. Мучило её что-то, терзало, а сказать никак не решалась. Я тоже маялась, не зная с чего начать. Догадывалась, что её тревожит: да как не догадаться, когда в нашем

доме щёки румянцем лихорадочным расцветают, а глаза блестят. Сестрицу я любила и мужа любила тоже, и вычеркнуть никого из своей жизни не могла. Умом понимала, что, если Финисту будет с ней хорошо, – отпущу обоих. Василиса умная, красивая и смешливая, что ещё нужно для счастья? Но одно дело понять, а другое – принять, когда в груди разрывается от боли.

– Что случилось, Ладушка? О чём ты поговорить хотела? Обидел тебя кто? Или, может, я тётушкой скоро стану? – не выдержала молчания Василиса, улыбнувшись чуть наигранно. Она тоже чувствовала, что у меня неладно на душе.

– Не обо мне речь. Ты же влюбилась! – Я посмотрела на сестрицу с отчаянной решимостью, а она... Она в ответ густо покраснела, и моё сердце заныло, будто его гвоздём проткнули.

– Так заметно? – тихо спросила Василиса и потупилась. Потом взяла меня за руки и заговорила быстро-быстро, словно боялась, что я не захочу слушать. – Я знаю, что он мне не пара. Он такой сильный колдун и старше намного, а я пигалица зелёная. Ну, скажи, о чём ему со мной говорить? Я ему только и талдычу про свою учёбу, а сама, как безумная, книжки ночами напролёт читаю! Меня уже в Башне знаешь как прозвали за тягу к знаниям? Премудрая! – Она всхлипнула и прижалась ко мне лбом, пока я припоминала, когда это Василиса с Финистом подолгу говорила. Вроде не было такого. Да и разница в возрасте у них немногим больше нашего будет. – А давеча, представляешь, я поскользнулась. У самой Башни кто-то воду разлил. Упала бы, да он меня подхватил, к себе прижал. Сердце и затрепетало, как птичка пойманная. У тебя ведь с Финистом так же было?

– Было, – медленно произнесла я, и из мозаики сложилась совсем другая картинка. Вчера, как и обычно в последнее время, до Башни сестрицу провожал свёкор. – Он ведь тебе в отцы годится! – не выдержала я, а румянец на щеках сестры стал ещё гуще.

– Люб мне Кощей, – призналась она едва слышно. – Осуждаешь?

И глаза грустные-прегрустные. Да разве имею я право судить да рядить, кого любить ей?

– Нет конечно. А то, что Кощей седой, – не бойся. Колдуны долго живут.

– Знаю, – тут же заулыбалась сестрица. Вот правда, кому я это рассказываю?

Той ночью я почти не спала: Василисины слова не шли из головы. Я душой болела за влюблённую сестрицу, хоть и знала, что Кощей никогда её не обидит. Но вот полюбит ли?..

Я весь вечер за ними наблюдала: кто как посмотрел, кто что сказал. Сложно было понять, как свёкор относится к Василисе. Может, с высоты прожитых лет он видел её неловкие попытки его очаровать, но изображал, что не замечает. А может, не совсем всё безнадёжно, раз до сих пор не дал ей от ворот поворот. Вдруг сложится? Было бы здорово!

Я перевернулась на бок, и тут меня как холодной водой окатило. А ведь не только признание обеспокоило меня в словах Василисы!

– Что-то болит, Ладушка? – сонно пробормотал Финист, прижимая меня к себе.

– Нет, спи. Спи. – Я прижала его ладонь к груди, чувствуя, как колотится сердце. А потом опустила руку себе на живот.

Женские дни должны были начаться неделю назад, но до сих пор не пришли. Со всей этой суматохой, с колдовством, замужеством и переездом я о них забыла, но сейчас... Возможно ли, что внутри меня зародилась новая жизнь?

Губы сами растянулись в улыбке. То, чего я раньше боялась до дрожи, вдруг стало радостным и желанным. Ребёнок. Второй ребёнок в нашей семье. Интересно, как Алёша воспримет появление братика или сестрички?

Я хихикнула в плечо Финисту, радуясь, словно маленькая, а затем вспомнила, как сама поначалу ревновала маму и отца к Василисе – и напугалась. Вдруг Алёша тоже взревнует? Решит, что мы его бросим? Как объяснить, что я уже привязалась к нему, как к родному, и буду любить так же, как других своих детей?..

Перевернулась на спину, глядя на мерцающий колдовскими звёздами потолок. За две недели непрерывной учёбы я стала управлять даром намного лучше, но Финист всё ещё устраивал маленькие чудеса каждый вечер, безжалостно тратя запас сил. Думаю, он делал это просто чтобы порадовать меня, и звёздное небо в покоях стало нашим чудом.

Мысли плавно перетекли на собственную силу. Что с ней делать? Не повредят ли мои занятия здоровью малыша? Такие выбросы вряд ли благостно на нём отразятся. Неужели придётся всё бросить на полпути? Надо бы осторожно расспросить Врана, что мне можно, а что — нет.

Вот ведь незадача! Казалось бы, радуйся, но столько вопросов и сомнений сразу! Сообщать Финисту о возможном отцовстве я не торопилась. Пока сама не уверюсь, буду молчать. Да и боязно, обрадуется ли он? Всё-таки его сестра умерла при родах...

Заснула я лишь под утро, и снилась мне девочка с яркими, как небо, голубыми глазами, бегающая по лугу за Алёшей. Венок из ромашек сбился на золотых волосах, ладошки позеленели от сочной травы, а потом Финист поймал её и подбросил в воздух, и девочка счастливо засмеялась.

— Отец!..

— Отец, проснись!

Я не сразу поняла, что это не продолжение сна, а Алёша, стоящий у нашей кровати в ночной рубашке до пят. Он прижимал к себе любимого тряпичного воина, спросонья тёр глаза и смотрел на нас в испуганном недоумении.

— Алёша, что случилось? — Финист бодро сел на постели, будто и не спал.

— В моей опочивальне кто-то есть, — прошептал Алёша, и меня затрясло. Мальчик не был выдумщиком, и если он говорил, то так оно и было.

Финист тоже поверил безоговорочно.

— Сидите здесь, оба. Я посмотрю, — нахмурился он, натянул штаны и забрал лежащий на столе кинжал в ножнах.

Глупо, но люди куда больше боялись блеска холодной стали, чем разгневанного колдуна, способного испепелить на месте.

— Расскажи пока, что это за храбрый воин тебя охраняет? — спросила я, чтобы отвлечь мальчика. Меня бы кто отвлёк!

Минуты тянулись, как мёд. Алёша рассказывал о кукольном воине, которого подарила ему подружка-соседка — маленькая мастерица по тканям. Целую историю его подвигов выдумал! Мы подобрались к сражению с жужжащим комариным царём, когда вернулся Финист в сопровождении Кощея и Врана. К тому времени я

уже накинута домашнее платье, а Алёша окончательно успокоился. А вот мои руки от волнения были холоднее льда.

– Ну что там?

– Всё в порядке, – бросил свёкор. – Внучек, не хочешь переночевать сегодня в покоях настоящего колдуна?

– У тебя, дедушка? А можно? – Алёша тотчас соскочил с постели, но воина не забыл. Обернулся на меня – я кивнула, чтобы шёл, не сомневался.

– Спокойной ночи, ма... – сонно зевнул он, и мне показалось, что он хотел назвать меня матушкой. Но может, показалось? «Ладушка» и «матушка» звучат похоже.

Мы остались втроем, и я зябко поёжилась, потеряв босые пятки друг о друга. Финист был мрачен и скорее растерян, чем зол. Я дотронулась до его руки.

– Расскажешь?

– Неприятное недоразумение, – нехотя признался он.

– Недоразумение? – хохотнул-раскаркался Вран. – Поступи так моя дочь, я выпорол бы её без разговоров!

– Дочь? Так в опочивальню забралась девушка?

– И ты её хорошо знаешь, – подтвердил Финист, а затем обнял меня за плечи и вздохнул как-то совсем безрадостно. – Идём. Вам будет о чём поговорить.

В Алёшину опочивальню я зашла с нехорошим предчувствием, гадая, кого из знакомых принесла нелёгкая. Склонённый силуэт с заведёнными за спину руками узнала не сразу: защита дома плотно спеленала чужачку, когда та пыталась залезть в окно. Но вот выглянула луна, высеребрила светлые волосы, тонкие черты лица, чуть вздёрнутый носик...

– Алёнушка! – ахнула я, бросаясь к сестрице. Стоило до неё дотронуться, как сдерживающие путы упали, и она оказалась у меня на руках. – Что ты здесь делаешь? Зачем полезла в окно?

– Думаю, это та странная девица, что давеча расспрашивала соседку, где окна молодого хозяина, – усмехнулся Вран, и щёки Алёнушки вспыхнули как маки. – Про Алёшу она не знала и думала наведаться в гости к Финисту. Экая озорница!

– Это правда? – требовательно спросила я сестру.

Алёнушка сверкнула глазами, но промолчала. Даже оправдаться не попыталась!

Раздался знакомый грохот в калитку: пожаловал ещё один гость.

— Свят, скорее всего, — тоскливо вздохнул Финист и пошёл открывать.

Муж не ошибся. Поднявшийся с ним старший сыскарь выглядел так, словно его только что выдернули из постели: со всклокоченной бородой, покрасневшими глазами и очень, очень усталый.

— Недоброй ночи, — буркнул он.

В усталости сыскаря ничего удивительного не было: на его долю выпало и с убийством заклинательницы разбираться, и с разрушением башни Врана. А к своей работе Свят подходил со всей ответственностью: он даже с Михеем умудрился переговорить! Михей, правда, отбрехался, что из башни ушёл до её разрушения, что знать о том ничего не знает, но уж больно гладко у него всё складывалось.

О своих умозаклечениях сыскарь, правда, умолчал, зато на каждую клеть в доме навесил заклинаний, уведомляющих его о незваных гостях. Так что появление Святослава после сестрицы было ожидаемо. Он оглядел нас всех, коротко поклонился мне, едва глянув на Врана, — не впервые я их неприязнь друг к дружке заметила! — затем остановил взгляд на Алёнушке.

— Я так понимаю, это и есть твоя свояченица. Как тебя зовут, девица? — сурово спросил он сжавшуюся под его взглядом сестрицу.

Кажется, до неё стало доходить, что влезать под утро в чужой дом — не лучшая затея.

— Алёна Митрофановна, — пискнула она едва слышно. — Я сестра Ладушки. Младшая...

— И зачем ты полезла в окно, хозяйкина сестрица?

— Я... я... — Пухлые губы задрожали, на глазах выступили слёзы. Дома это обычно срабатывало безотказно, заплачет — и все проказы прощаются.

Сыскарь поморщился и провёл рукой по лицу, будто снимая липкую паутину.

— Ещё одна попытка чарования, и толковать мы будем в менее уютном месте, — предупредил он.

Краснота Алёнушкиных щёк сменилась бледностью. Похоже, она прекрасно понимала, что колдовала, но делала это по наитию.

– Она не намеренно, – не выдержав, вступилась я за сестру. – Нас не учили использовать свою силу.

– Вас? – услышал оговорку сыскарь, и я прокляла свой длинный язык.

– Я хотела удивить Ладу и перепутала окна, – наконец пришла в себя сестрица и умоляюще сжала мою ладонь: поддержи, мол.

– Мы с моей свадьбы не виделись, а раньше никогда надолго не расставались. Вот Алёнушка и прибежала ко мне сразу, как приехала. – Я погладила её по руке, надеясь, что слова прозвучали искренне. Не хотела сор из избы выносить. Сестрицу поругать я и без Святослава могу.

– Тогда настройте защиту дома на вашу родственницу, чтобы не дёргать меня по пустякам. А тебе, Алёна Митрофановна, мой совет – никогда не чаруй перед сыскарями. Отвратительно выглядит, – раздражённо попросил он и ушёл, оставив нас разбираться с неожиданной гостьей.

* * *

Я налила Алёне и себе горячего чая с мёдом и ромашкой, исподтишка разглядывая сестрицу. Почему у неё такой несуразный вид? Вроде щёчки подрумянила, брови подвела, косу лентой шёлковой перевила. Да и платье новёхонькое: льняное, небесно-голубого цвета, с вышивкой на груди. Но на ладонях грязь, подол позеленел от травы. Хотя чего тут изумляться? Она ведь перелезала через забор и по яблоне карабкалась к окну. Хорошо, Лель её не скинула – не иначе как почувствовала, что в нас одна кровь течёт.

– Так что ты тут делаешь?

– В гости зашла, говорю же, – пробурчала Алёнушка, на скамье в углу примостившись. – А пироги у тебя есть?

– С вишней, вчерашний. – Я положила кусок пирога на тарелку и села напротив. – Ты не уходи от ответа.

– Да я как есть сказала! Батюшка тревожился о тебе, вот и собрался в столицу. А я вместе с ним приехала.

– Батюшка тут?

– И матушка, и твоя любимая Варя, – поморщилась сестрица.

Она дружбу со служанкой не признавала, но что мне за дело до её одобрения? На душе так радостно стало: и что батюшка меня не забыл, и что подружку детства скоро увижу. Столько всего мне рассказать хотелось!

– Что же они не зашли?

– Только вчера приехали. Батюшка-то сразу собрался заглянуть, без приглашения. Сказал, проверю, мол, как на самом деле дочь поживает. Но матушка не позволила. Говорит, раз в столице, то нечего вести себя, как деревенский увалень. Вот пришлёт письмо с просьбой о встрече, а там вы решите, когда гостей встречать будете.

– Ну что за глупость удумали! Заходили бы сразу. – Я всплеснула руками.

– Ага, вот я зашла, и что? – обиженно воскликнула сестрица.

Я хотела было возразить, что через окно в гости не ходят, но Алёнушка и слова вставить не дала, сразу спросила:

– А чей это был ребёнок? Младший брат Финиста?

– Сын. Наш.

Я вскинула голову, с вызовом глядя на сестру. Пусть только попробует сказать что-то супротив Алёши! Но сестрица о нём промолчала, вместо этого задала другой вопрос:

– Тот грубый мужик – сыскарь, да? Он упомянул о защите дома. Что с ней делать будешь? Вдруг я захочу ещё прийти?

– Алёна, обычно люди стучатся в дверь, а не ломаются в окна.

Я крутила в руках ложку, с тревогой представляя, что сестрица могла залезть и к нам в опочивальню тоже, а ведь мы... не спали полночи, любились, да Финист к тому же засыпал без одежды. А ещё любил класть руки на самые неподходящие (или подходящие, тут уж как посмотреть!) места, отчего я порой просыпалась с задранной до шеи подолом.

– И вообще, врываться в покои молодых непристойно, – добавила я, смущаясь собственных мыслей.

– Хочешь сказать, вы спите вместе? – фыркнула сестрица, когда же я не опровергла слова, она вытаращила глаза. – Правда? Ты и Финист?!

Кажется, она искренне не понимала, как такое возможно.

– Мы женаты. Матушка и батюшка тоже делят опочивальню, – пожала я плечами.

Своей нежностью и лаской Финист убедил меня, что я любима, но Алёнушка снова пробудила сомнения.

– Ну, ты сравнила!

Сестрица явно собиралась сказать что-то ещё, но вдруг замолчала. Я же почувствовала тёплые руки на своих плечах и повернула голову, позволяя мужу поцеловать себя в щеку.

– Алёша уснул у отца.

Финист присел рядом и отпил из моей чашки. Встать за другой он не позволил, да и ни к чему, нам одной хватало. Его горячие ладони переместились мне на живот – муж не стеснялся обнимать меня при Алёнушке. Интересно, что он слышал из нашего разговора? Судя по тому, как нарочито доказывал, что любит, – многое.

– Не сочти за резкость, Алёна Митрофановна, – холодно сказал он, – для моей жены ты всегда желанная гостья, но в следующий раз пользуйся дверью.

Алёна вздрогнула, как от пощёчины. «Для моей жены». Будто сам Финист не рад её видеть.

– С кем ты приехала? Где остановились?

– С родителями, на постоялом дворе «Белая берёза», – с обидой ответила она, хотя обижаться ей стоило только на себя.

– Тогда с утра я съезжу к ним, предупрежу, что ты у нас. Гостевые покои заняты, но можешь вздремнуть у Алёши. Ты там уже побывала сегодня, – предложил Финист и резко поднялся, потянув меня за собой. – Чай вы, как вижу, допили, а договорите после. Ладе нужен хороший сон, в последнее время она сильно устаёт.

Алёнушка, похоже, не верила, что муж может взять и увести меня прочь, но я не собиралась с ним спорить. Тем более что внутри словно чёртик поселился – хотелось показать сестрице, что Финист мой. Слова шептуна, что она хотела залезть в его опочивальню, не давали мне покоя.

Я обняла мужа, спрятав лицо на груди. Не отдам. Пусть я не красавица, но с лица воды не пить. И любит он меня такую, какая есть.

– Ты идёшь? Мы проводим тебя до опочивальни, – бросил Финист через плечо, и Алёнушке ничего не оставалось, как последовать за нами.

Глава 7

Утром мы с мужем взяли Пенку с Ветром и поехали на постоянный двор. Не терпелось увидеть батюшку. Раньше мы не расставались надолго, дольше недели он в отъездах не бывал, а тут почти месяц минул. Первой я повстречала Варю – та привыкла вставать на ранней зорьке и сейчас не сдержалась, выскочила за ограду в большой город. А может, подарок мужу прикупить решила, кто знает. Я заметила её издалека и, соскочив с Пенки, бросилась навстречу, совсем забыв о том, что и сама замужем и должна вести себя чинно. Финист только посмеивался, глядя на нас.

– Лада, да ты никак похудела? И волосы теперь заплетаете иначе, совсем по-взрослому. А платье тебе как идёт! – восторженно воскликнула Варя.

Для встречи с родителями я намеренно надела новое тёмно-зелёное платье, а сидело оно на мне лучше прежних. Благодаря занятиям с мастером я скинула десяток фунтов: лишившись башни, Вран быстро нашёл ей замену – высокий склон на окраине города, – и гонял меня по нему нещадно. Несколько раз, немного в стороне, я встречала молодых колдунов, которые тоже бежали. Мы молча кивали, если замечали друг друга, а дальше вновь бежали вверх-вниз по склону. Конечно, худышкой я не стала, но второй подбородок ушёл, и теперь я была просто пухленькой, а не толстой, как раньше.

– Полно, Варя, лучше расскажи, какие новости, – остановила я её хвалебные речи.

– Тю, да какие новости? У нас всё по-старому. Только учителя танцев отправили восвояси, да Митька ушёл жить в деревню к племяннице тётки Фроси.

Она украдкой посмотрела на стоящего поодаль Финиста и понизила голос. Муж отошёл к конюшне, чтобы я могла поболтать в своё удовольствие.

– Вернулся Митька совсем разбитым, – прошептала Варя, пока мы шли по двору. – Без слёз не взглянешь, девки его утешить пытались, да всё без толку. Признался, видать, что тебя любит?

– Признался. – Я тоже бросила взгляд на Финиста. Готова спорить, что он прекрасно слышал наш разговор. Иначе отчего появилась знакомая складочка над бровями?

– В общем, помаялся он с недельку да запил. Надирался так, что Митрофан Степанович как-то раз самолично его высек. Потом тётка Фрося вмешалась, написала племяннице в деревню, та лет пять назад мужа схоронила да с дитём малым на руках осталась. В общем, к ней Митьку и отправили, вроде как помочь сарай поставить, а на деле... Не пропадать же парню? Эта вдовушка дурь-то из него повыбила. Тётка Фрося говорит, что к осени свадьбу сыграют, или она свою племянницу не знает! Может, и лучше Митьке там будет, – вздохнула Варя, а затем тряхнула головой. – Да что я на тебя тоску нагоняю? Пойдём лучше внутрь, поговоришь с Митрофаном Степановичем. Он после вашей свадьбы всё переживал, всё боялся, что с мужем тебе плохо будет. А тебя, как вижу, муж любит?

– На руках носит, – призналась я и сунула Варе заранее заготовленный мешочек с подарками. – Держи, тут тебе гостинец да тётке Фросе. Пусть не забывает меня. Жаль, что она с вами не приехала.

– Скажешь тоже! Чтобы она всю столицу с ног на голову перевернула? Хотя жаль, конечно, что она такой красоты не увидит. Я вот точно никогда раньше таких чудес не встречала! – Варя шустро прикрепила мешочек к поясу и закрыла передником. Я улыбнулась – надеюсь, ей придется по нраву бусы из янтаря. Вран говорил, что янтарь болезни гонит прочь, а Варе, судя по округлившемуся животу, болеть нельзя.

– Ой, вот же бедовая моя головушка! Я и не спросила, откуда ты узнала, что мы приехали?

– Алёнушка к нам ночью наведалься, вот и рассказала. Только ты не болтай об этом, мачехе и батюшке я сама скажу, а то осерчают сильно.

– Ох ты ж, дела какие! – запричитала Варя, но достаточно тихо, чтобы слышала только я. О проказах сестрицы она знала не понаслышке, частенько сама становилась жертвой её шуточек, но никогда не наушничала и не жаловалась. – Как Алёнушка? В порядке?

– Спит как младенец.

Перед уходом я заглянула к сестрице – та спала сладким сном, прикорнув на краешке кровати. Похоже, и вправду умаялась, добираясь до нас.

– Ну и славно. Я как чуяла, что она натворит чего-то, следила за ней весь вечер. Но чтобы ночью умчаться? А если бы её схватил кто? – сетовала Варя.

Тут она, конечно, права была. Алёнушка рисковала честью и жизнью ради своей прихоти, и спускать этого я не собиралась. Нас с родителями ожидал долгий и серьёзный разговор, но сначала я просто хотела обнять их после долгой разлуки.

* * *

Батюшка проснулся с первыми петухами и сейчас чинно завтракал, усевшись за деревянным столом. Видеть его с ножом и вилкой, аккуратно отрезающим от куска прожаренной говядины маленькие кусочки, было необычно. Дома батюшка не стеснялся кушать так, как нравится, и мог рукой куриную ножку ухватить, если проголодался.

– Оладушка? – загрохотал он на весь зал и вскочил со скамьи, едва не опрокинув её. Благо народу было немного, и поднятый им шум не привлёк особого внимания. Я подлетела к отцу, обняла – не думала, что так соскучилась! – Что-то ты похудела... Плохо кушаешь? Или не кормят тебя? – Он с беспокойством охлопал мои бока, а я захихикала: щекотно.

– Что ты, батюшка! Я же сама хозяйка – что захочу, то приготовлю! – улыбнулась я, отпуская отца, и отступила к подошедшему Финисту, взяв того за руку. Муж волновался: покусывал нижнюю губу и тер старый шрам на подбородке.

– Здравствуй, Митрофан Степанович! – поклонился он.

– Здравствуй и ты, Финист Кошечевич. Думал к вам в гости пожаловать, а вы сами явились. Небось, с помощью ваших колдовских штук прознали, что мы в городе?

Я всё же не удержалась и фыркнула. Знал бы батюшка, что колдуны вовсе не всемогущи, а за их всезнайством скрывается большой труд.

– Нет, Митрофан Степанович. К нам на рассвете зашла Алёна, рассказала, что вы приехали, – выдал Финист заранее подготовленную речь, но даже этого хватило, чтобы отец сел на лавку, возмущённо хватая ртом воздух.

– Ну, егоза! Выдеру и запру на месяц в светлице, будет знать, как удирать без спросу! – возмутился батюшка, стукнув кулаком по столу. Похоже, без моего присмотра Алёнушка совсем распоясалась, раз он так разгневался из-за одной её провинности.

– А где матушка? – постаралась я его отвлечь: не на постоянном же дворе о семейных делах речь вести.

– Спит ещё, устала. Дорога долгая была.

Отец махнул нам на скамью напротив, мол, не стойте над душой, присаживайтесь. Мы сели, и Финист заказал две кружки кваса. Жара с самого утра была невыносимая.

Вскоре подавальщица принесла заказ и томно посмотрела на Финиста. Тот кинул ей монетку, но на выставленные в глубоком вырезе прелести внимания не обратил, положив руку мне на талию, и девушка поспешно удалилась. Я же глотнула кваса, холодного и пенного.

– Добирались мы три дня на перекладных. Сначала карета сломалась, затем лошадь испугалась и понесла – кучер еле справился, – поделился батюшка, возвращаясь к своей тарелке. Правда, скорее размазывал остатки еды по тарелке, чем ел.

– Что ж вы не предупредили? Я бы встретил, – посетовал Финист.

– Затем и не предупредил, что сам хотел убедиться... – Батюшка прищурился и умолк, догадавшись, что продолжение вроде «хорошо ли моей дочери в новом доме живётся» прозвучит грубо. – Нравится тебе в городе, Оладушка? – сменил он тему.

– Как же тут не понравится?! Поначалу всё чудно было: фонари, которые сами собой светят, дома, каменные и большие, про царский дворец и говорить нечего! И люди здесь всё время торопятся, бегут куда-то – жизнь в поместье намного спокойнее. Но как-то по душе мне эта суматоха. – Я переплела пальцы с пальцами Финиста. – Да и семья моя теперь тут.

– Семья, говоришь. – Батюшка кашлянул и как-то странно на нас посмотрел. – По этому поводу... Станные слухи бродят. Будто у тебя, Финист Кошечевич, сын есть.

– Есть. – Муж стойко выдержал взгляд тестя, но так сильно сжал мою руку, что я поняла, насколько его встревожил вопрос. – Алёша.

– И сколько ему лет?

– Почти шесть.

– А жена бывшая где?

– Её никогда не было. Алёша мой племянник и воспитанник, но для меня давно стал родным сыном. Я думаю, что как мой тесть, вы должны знать правду, но другим об этом лучше не рассказывать.

Недовольство во взгляде батюшки сменилось уважением.

– Почему? – спросил он.

– Его родной отец – царевич Сирин.

– Вот как, значит...

Больше он вопросов не задавал.

– Уверена, батюшка, он тебе понравится! – Я взяла отца за руку: надо же, раньше и не замечала, какая она у него большая и мозолистая. – Алёша умеет читать и ездить на лошади, разбирается в математике, географии и истории. А ещё, – я помедлила, и отец купился, вслушиваясь в мои слова, – Алёша, как и ты, любит вишнёвый пирог!

Батюшка усмехнулся в пышные усы:

– Кто же его не любит? А ты никак не случайно про пирог вспомнила?

– Конечно. Мы хотели пригласить вас на ужин. Придёте с матушкой? Окажете нам большую честь!

– Отчего же не прийти? Только сначала дела в городе закончу, а после – к вам заглянем.

Финист кивнул и объяснил, где находится наш дом. Правда, колдунов в столице было немного, и многие горожане знали, где мы живём, но батюшка предпочитал искать сам, нежели спрашивать.

– Ты уж присмотри за Алёнушкой сегодня. Она хоть и взбалмошная, но всё-таки твоя младшая сестрица, – попросил он напоследок, и я пообещала.

Вот уж точно, кровь – не водица.

У самой калитки Финиста подловила уже знакомая соседка – та самая купчиха, что делилась вишней и помогла мне найти прислугу. Вчера у неё пропал любимый пёс – Толстяк, служивший верой и правдой почти пять лет, – и она попросила помочь в поисках. Добродушный пёс обязанности свои выполнял хорошо: залезшего во двор вора так напугал, что тот перемахнул через забор, забыв про приставленную туда лестницу. Соседский сын убивался по мохнатому другу, и купчиха даже готова была заплатить, но о том, чтобы брать деньги с добрых знакомцев, речи не шло. А вот историю исчезновения узнать стоило.

Пока Финист выпрашивал подробности, я зашла домой и застала настоящую склоку. Алёнушка пыталась уйти, но Кощей спутал её колдовством, не давая подняться с лавки. В дверях стояла Малуша, грозно уперев руки в боки – мол, даже если от колдовства освободишься, не пройдёшь. А сестрица бранилась такими словами, что наши конюхи позавидовали бы! Недолго думая, я шлёпнула её по губам, чтобы не сквернословила, и Алёнушка замолчала, уставившись на меня круглыми глазами.

– Ты меня ударила? – удивилась она, прижимая руку ко рту. У неё выступили слёзы, но я знала, что ей не больно, шлёпнула-то я легонько.

– Выдрать тебя мало за твои причуды, – в сердцах ответила я и повернулась к Кощею. – Вы уж извините, она хорошая, просто неразумная.

Схватив сестрицу за руку, я потащила её в покои, на этот раз гостевые. Алёнушка не сопротивлялась.

– А ты изменилась, – заявила она, едва мы переступили порог.

– Ты тоже. Раньше не оскорбляла старших.

– Пфф, подумаешь! Зачем он ко мне полез? Не Кощеево это дело, куда я иду. И прислуга такая же, как Варя, наглая не в меру. Кто ей позволил меня останавливать?

Сестрица плюхнулась на сундук, скрестила руки на груди. Ни дать ни взять оскорблённая добродетель.

– Ты так думаешь? А случись что с тобой, кому отвечать?

– Да что со мной случится?!

– Хочешь знать что? – Я сама не заметила, как перешла на вкрадчивый шёпот, как у Врана, и наклонилась к ней. Провела рукой

по плечу, сжала: захочет – не вырвется. – Недавно на городской площади убили заклинательницу огня. Она тоже больше фокусами баловалась, чем колдовала, но убийцу и этого оказалось довольно. Её хоронили в закрытом гробу, потому что чем мучительнее смерть, тем больше колдовских сил можно украсть. А ведь у тебя тоже есть колдовская сила...

Алёнушка побледнела и отшатнулась.

– Откуда ты вообще столько знаешь?

– Оттуда, что у меня муж – колдун. И свёкор тоже, – рассердилась я. Хотела добавить, что я сама шептунья, но вовремя придержала язык. Чем меньше народу об этом знает, тем лучше, а Алёнушка может выболтать кому угодно и что угодно. – Матушка с батюшкой придут к вечеру, попросили присмотреть за тобой. Хочешь – пойдём со мной в городской сад. Но одна ты по столице гулять не будешь.

– Ха! Раз так, я вообще могу из дома не выходить. С этого места не встану, так и знай. – Она сложила руки на груди и отвернулась. Вот уж точно, нравом она добрее не стала.

– Хочешь побыть одна – мешать не буду. Если что, найдёшь меня внизу.

Оставив сестрицу, я отправилась к Алёше. Наступало время наших занятий, и отменять их из-за причуд сестры я не собиралась. Мальчик ждал меня в кресле отца, с серьёзным видом читая книгу. В последнее время с десяти до полудня у Финиста была выездная работа, и мы с Алёшей занимали его кабинет. Мальчику нравилось сидеть на стуле Финиста и чувствовать себя большим, он даже сосредотачивался лучше. Заметив это, я договорилась с мужем, чтобы не выгонял нас из кабинета в это время.

– Та злая тётенька не ушла? – спросил Алёша с детской непосредственностью, оторвавшись от книги.

– Нет, не ушла. И эта тётенька моя сестра, как Василиса. Она вовсе не злая, просто немного сумасбродная. Василиса же тебе нравится?

– Тётя Вася – добрая. – Мальчик покачал головой, явно не соглашаясь со мной насчёт Алёнушки. – А эта Алёна – нет.

– Нехорошо так говорить, – нахмурилась я. Обычно Алёша не упорствовал в своих суждениях, понимая, что взрослые знают больше. – Почему ты называешь её злой?

Алёша покраснел и промолчал.

– Алёша?

Он не ответил и вместо этого показал мне книгу.

– Я не понимаю, что это значит. Можешь объяснить?

Вздыхнув, я присела рядом. Вытягивать из него ответы я не собиралась: захочет – сам поведает. Главное, чтобы сестрице в лицо не сказал, что она злая, а то обиды будет на всю жизнь.

– Ты всё же попробуй подружиться с Алёнушкой. Хорошо? – попросила я Алёшу.

Он промолчал, а я присела рядом, пододвигая книгу, и в следующий час мы изучали географию островов.

* * *

Позанимавшись, Алёша умчался к соседям успокаивать друга, потерявшего собаку, а я собралась на знакомый холм: гости гостями, а тренировки у мастера никто не отменял. По пути заглянула к Алёнушке. Она всё ещё дулась и никуда идти не хотела, и я предупредила, что отлучусь ненадолго.

Вран был мрачнее тучи.

– Переиначивая известную поговорку, с такой сестрицей и врагов не надо, – проворчал он, привычно гоняя меня по склону.

Сегодня он решил разнообразить занятие, и теперь следом за мной бегал огненный кот. Если я не успевала или останавливалась передохнуть, кот ласково тёрся о мои ноги. И всё бы ничего, если бы он не был из чистого пламени! Так что прыти прибавлял, да ещё какой! Пару раз, оказавшись рядом с мастером, я порывалась было спросить Врана о ребёнке – что делать, если я понесла? – но каждый раз такое смущение охватывало, что и слова вымолвить не могла. Вот и бегала, от самой себя убегая.

– Так, хватит пока, отдохни.

Огненный кот растворился дымком, и я без сил опустилась на траву, пытаясь отдышаться. Вран наколдовал мне воды. Кружку я выпила с жадностью, осушила бы и вторую, да не было.

– Ну-ка, попробуй вырастить стену.

Руки привычно выплели замысловатый узор заклинания, и рядом со мной поднялась густая трава.

– Отлично. Теперь преврати её в лезвия.

Я уже говорила, что Вран не давал передышки? В его понятии отдых от бега означал отработку заклинаний. Я стиснула зубы, пытаюсь вспомнить, как правильно делать пассы. С лезвиями было сложнее: нужно заострить траву, сделать её толще и крепче. Кому-то это показалось бы ерундой, но такие лезвия легко пробивали кожаную броню.

– Ты рассеянна, – заметил мастер, когда вместо длинных, острых лезвий получились спирали. – Из-за сестры?

– Я всё думаю, как она забралась в дом? Алёнушка девочка домашняя, по деревьям лазить не приучена. Может, ей помог кто?

– Спросил я у твоей яблоньки. Лель сказала, что Алёнушка была одна. Да и кому это нужно?.. – Он призадумался, и в это время к нам по пригорку поднялся запыхавшийся мальчишка. Протянул Врану письмо. Тот прочитал бегло, поднялся: – Идём! – позвал он меня, даже не глядя, пошла я или нет.

Мы плутали по незнакомым переулкам, а потом оказались у невысокого каменного здания, ничем не примечательного на вид.

– Мне подождать снаружи?

Мастер не впервые таскал меня с собой по делам, но к большинству знакомых не водил, просил дожидаться его на улице.

– Нет, так ты больше внимания привлечёшь. – Вран покачал головой, и мы зашли внутрь.

Увидев столько служивых в одном месте, я растерялась. Никак это сыскное управление? Все такие суровые, с бумагами носятся, о чём-то толкуют между собой.

Вран, похоже, тут не первый раз бывал.

– Святослав Вранович на месте? – спросил он у ближайшего стража, и тот кивнул.

– У себя. Только у него перерыв.

– Ничего, меня он примет.

Вран с кряхтением поднялся на второй этаж, я за ним. Открыв дверь в кабинет старшего сыскаря, мы увидели любопытную картину. Святослав отжимался от пола на одной руке, другую отведя за спину и

плотно прижав, при этом читал вслух сонеты знаменитого в столице стихоплёта. Рубашка валялась на скамье, на спине бугрились мышцы.

– Поняла, какие должны быть тренировки? – усмехнулся Вран. Святослав вздрогнул и одним движением перетёк в стоячее положение. – Да не дёргайся ты так. И штаны подтяни – тут барышня, между прочим.

Пока Святослав собирался с ответом, шептун зашёл в кабинет и беспардонно заглянул в лежащие на столе бумаги.

– Хм, воровство и грабёж, это всё не то...

– Прекрати там копать. – Святослав накинул рубашку и с неудовольствием посмотрел на колдуна. Когда же тот отошёл от стола, смахнул все бумаги в ящик и закрыл на ключ.

– Можно подумать, ты там непотребства какие прячешь, – противно захихикал старик. – Сам же меня позвал. Значит, ещё одно нападение случилось?

– Прошлой ночью, – мрачно подтвердил Святослав.

– И что, так же глухо?

– Могу труп показать. Хочешь? – огрызнулся сыскарь.

– А давай, веди! – ухватился Вран за идею. – А ты чего стоишь, быстро за нами! – окликнул он меня.

Мы зашли в холодное помещение, где на столе лежал труп, а запах стоял такой, что меня едва не стошнило. Зато понятно стало, почему Финист не рассказывал мне подробности убийств, хотя по его оговоркам и так было ясно, что колдуны погибли не быстро и не безболезненно. Но одно дело слышать, а другое – видеть собственными глазами. В изуродованном теле трудно было узнать человека, и комок подкатывал к горлу.

– Уверен, что ей стоит быть здесь? – уточнил Святослав.

Вран бросил на меня беглый взгляд, убедился, что я не лишусь чувств, и продолжил осматривать. Меня передёрнуло, когда он повернул труп, и внутренности едва не вывалились наружу.

– Вы когда его нашли?

– Под утро. Один пьяница возвращался из кабака и заметил в куче мусора.

– Меньше полусуток назад, значит. – Вран провёл над телом руками. – Принеси мне кружку воды, – приказал он сыскарю.

К моему удивлению, Святослав послушался. Когда он ушёл, Вран кинул мне маленький мешочек, остро пахнувший мятой, а сам закатал рукава.

– Лада, ты как, держишься?

– Да, – пискнула я, боясь сглазить, но Врана мой ответ устроил. – Что с этим делать?

– Рассыпь вокруг стола.

Я едва выполнила требование, как вернулся Святослав с кружкой воды. Вран закинул в неё щепотку трав из другого мешочка. Запах я узнала сразу – сон-трава.

– Так, ты не мешайся и лучше закрой дверь с другой стороны, – наказал он Святославу. – А ты садись рядом. Одному мне его не удержать, а расспросить надобно.

– Начальники за такое по голове не погладят, – буркнул Святослав, но дверь закрыл, оставшись, правда, в помещении вместе с нами.

– Можно подумать, ты никогда не поступал по-своему. В меня ж пошёл, – прищурился Вран.

– Пошёл бы в тебя, давно вас одних бросил, – огрызнулся Свят, и впервые на моей памяти в глазах старика отразилось искреннее сожаление.

– Ладно, нечего языками молоть, к делу. Лада, положи руки мертвецу на лоб.

Касаться покойника было жутко, но я это сделала, хоть и содрогаясь от омерзения.

– Да не укусит он тебя! – фыркнул Вран и сунул руку в развороченную грудь, туда, где раньше билось сердце.

Вонь усилилась, смешавшись с запахом мяты, и я поняла, что больше никогда не полюблю мятный аромат.

Вран глотнул отвар, но некоторое время ничего не происходило. Затем глаза колдуна закрылись, он задышал медленнее, погружаясь в сон-дурман. Сейчас мастер находится в Нави и ищет там блуждающую душу убитого. Наконец рядом с телом разлилось слабое свечение, и появилась призрачная фигура.

– Руки не отпускай, – прошептал мне Святослав.

Он резко отодвинул Врана от трупа, затем вытащил из-за пояса флакончик и насильно влил старику в рот несколько капель

незнакомому мне зелья. Вран закашлялся и открыл глаза.

– Зачем это было? Я бы сам вернулся, – проворчал он, но, увидев туманную фигуру, отложил разбирательства на потом. – Ты помнишь, кто ты? – спросил он духа.

Тот медленно кивнул, глядя на своё тело, словно до сих пор не верил, что мёртв.

– Ты знаешь, кто тебя убил?

На этот раз ответ был отрицательным. Что ж, иначе было бы слишком просто.

– Это был мужчина? – не сдавался Вран.

Кивок. Увы, говорить призрак не мог, так что вопросы приходилось задавать чётко.

– Молодой?

Неопределённое пожатие плеч. Ясно, лица убийца он не видел или попросту не успел рассмотреть. В тот же миг в мои ладони словно раскалённые спицы воткнули. Так сильно жгло, что я охнула, но не отвела руки. Заметив это, Вран прекратил гадать и спросил:

– Ты можешь показать что-то, что поможет отыскать убийца?

Начавший мерцать призрак несколько раз дёрнул себя за ухо.

– У него есть серьга? – догадался Святослав.

Дух кивнул – и разлетелся туманным облаком. Боль в руках мгновенно исчезла, зато накатила слабость. Не поддержи меня Вран, я рухнула бы на труп, несмотря на собственное отвращение.

– У него есть серьга, – повторил Вран, глядя на сыскаря.

– Это не подтверждение, – покачал головой Святослав, вздохнув. – Но повод присмотреться.

– И это уже немало.

Шептун положил ладонь мне на плечо, и тёплая волна наполнила меня силой, опьяняя. Интересно, Финист ощущает то же самое, когда рядом со мной? Если да, то стоит обнимать его почаще.

* * *

Тучи сгущались. Давненько не было дождя, а он пришёлся бы кстати, напоил бы сухую землю. Городская пыль стояла плотной

стеной, и становилось трудно дышать. Только здесь, на холмах, можно было вдохнуть полной грудью, не боясь, что от пыли запершит в горле.

– Думаете, это Михей?

– Какая разница, что я думаю, – махнул рукой Вран. – Всё, чего я хочу, – прекратить убийства. А для этого надо знать, кого опасаться.

– Но ведь...

– Ничего Святослав не сделает. Даже если найдёт доказательства – их уничтожат, не дав просочиться в свет. Представляешь, какой это будет удар по царству?

Вран говорил свободно, не боясь, что нас подслушают. И правда, сидя на вершине холма, мы видели окрестности как на ладони. Я любила это место – за его простор, за мягкую траву, ластящуюся к рукам. За то редкое время, когда могла колдовать, не боясь собственной силы – просто потому, что ломать на этом холме нечего.

– Зачем тогда дразнить гусей? – спросила я, одновременно выращивая по заданию Врана небольшой куст акации. Не рассчитав, старик передал мне слишком много сил, и я теперь буквально лучилась чарами. Пока силу не заметили другие колдуны, стоило поскорее сбросить излишки. – Ведь если это верховный колдун, вряд ли ему понравится, что под него копают.

– Шептун для убийца в любом случае лакомый кусочек. Пусть лучше он охотится за мной, чем за вами, – признался Вран.

Я замерла с открытым ртом. Вот уж чего не ожидала от мастера, так это самоотверженности. Пока глазела на шептуна, кустик почувствовал свободу и пышно расцвёл. Я отдёргнула руки от зазеленевших листьев.

– Ты ведь не думаешь, что меня так просто поймать? – спросил Вран, и на месте мастера предстал ворон. Затем колдун снова обратился в старика, и я поняла, как он оказывался на вершине башни раньше меня.

– А как научиться такому? – разволновалась я, загадывая, кем бы могла стать. Однако упорно вспоминался глухарь, а превращаться в толстую птицу мне не больно-то хотелось.

– На это требуются годы тренировок, – ответил Вран. – Но учиться можно начать сейчас. Ну а когда меня не станет, справишься у мужа – он подскажет.

– Знаете что, мастер? Вы такую ерунду не говорите. Почему вас не станет? Мы всегда рядом будем! – Я укоризненно покачала головой, но шептун выглядел каким-то потерянным и в то же время умиротворённым. Особенно остро ощутила, насколько он стар. – Ну ма-астер!

– Весь настрой помирать сбила, – проворчал Вран, сморгнув и вновь превратившись во вредного старика. – Не тараторь. Услышал я тебя. Лучше учись, пока есть время.

И я училась. Закрывала глаза, представляя, что у меня выросли крылья, что я свободна и готова взлететь, потому что ну как жить без полёта? Без этого бескрайнего синего неба, в которое так и хочется упасть?

Училась, пока не почувствовала – она бьётся внутри. Крохотная – пока не птичка – искорка. Я забеспокоилась, пытаюсь вспомнить птиц, которых знала. Нет, сокол слишком силён для меня, а голубка слишком нежна. Для ласточки я недостаточно стремительна, а для чайки – не нахальна. Птичьи образы мелькали перед глазами, и на мгновение мне показалось, что я слышала хлопанье крыльев за спиной... А потом вдруг увидела её! С пепельно-белым оперением и круглой головой, с пронзительными чёрными глазами и крючковатым клювом. Я протянула руку, чтобы погладить, – и очнулась.

– Рано, – сказал мастер.

В тот же миг на меня навалилась усталость. Болело всё тело, будто я и правда была покрыта перьями, и их выдернули у меня по одному.

– Запомнила ощущение? Выполняй это упражнение дважды в день, но не переусердствуй. Пока тебе рано превращаться. Птица прилетит сама, когда ты будешь готова.

– А если нет? – уточнила я. Искорка тлела внутри почти неощутимо, и я боялась лишиться её навсегда.

– Кому загадано летать, тот взлетит. – Вран посмотрел на нависшие над холмом и городом тучи. – Идём домой, птенец, пока не начался дождь.

К вечеру погода разбушевалась не на шутку. Дождь лил как из ведра, превратив узкие улицы в настоящие реки. Порывы ветра сгибали деревья чуть не до земли, и я всерьёз забеспокоилась о Лель – каково ей в такую непогоду? Оказалось, замечательно. Лель хохотала и, раскинув руки, кружилась под дождём. Далеко от своей яблоньки она уйти не могла, и мне казалось, будто не ноги касаются земли, а корни. Танец завораживал.

– Иди в дом. – Финист обнял меня, однако не уводил с крыльца. Я понимала мужа – дома было столько народу, что даже поговорить негде. – Я отправил колдовского вестника твоим родителям, чтобы переждали грозу на постоялом дворе. Лучше завтра свидитесь.

– Да уж, в такой ливень им не стоит выходить из дому, – согласилась я, увидев, как у бегущей через дорогу торговки унесло пёстрый платок.

– Вот так ураган! – Алёша, неслышно подобравшийся сзади, схватился одной рукой за мой подол, а другой за штанину отца. Ветер тут же встрепал его волосы. – А можно...

– Нет! – одновременно воскликнули мы с мужем и рассмеялись.

Финист присел на корточки рядом с сыном.

– Мы не вредничаем. Но я боюсь, что тебя унесёт.

– Как ту девочку из сказки? – наивно уточнил Алёша, а я улыбнулась, увидев, что муж непонимающе хмурится. Похоже, не только Алёше стоило рассказывать сказки.

– Ага. Помнишь, её унесло вместе с домиком и собакой? – ответила я вместо Финиста.

– А у меня нет собаки, – вздохнул Алёша, ненавязчиво напоминая о своём желании. Я чувствовала, что скоро Финист сдастся и позволит ему завести пса. – Отец, ты ведь найдёшь Толстяка?

– Конечно. Но ты же не гонишь меня искать его в такую погоду? – притворно испугался муж.

Алёша принял его испуг за чистую монету и покачал головой.

– Я надеюсь, что Толстяк успел где-то спрятаться. Ураган лучше переждать в тепле.

– Это ведь не первый ураган в его жизни. Уверена, что он спрятался и ждёт, когда гроза минует, – предположила я, ненавязчиво подталкивая своих мужчин в дом. Бросила последний взгляд на

веселящуюся яблоньку и на всякий случай закрыла дверь. А то с Алёнушки станется и в такую погоду пойти погулять.

Сестрица с самого обеда ни с кем не разговаривала и ничего не делала. Сидела в покоях, как я её и оставила. Разве что повышивала от скуки, найдя моё заброшенное рукоделие. Впрочем, от ужина она отказываться не стала, но за столом подчёркнуто ни на кого не обращала внимания. Поела, встала и вернулась в опочивальню, не вымолвив ни слова благодарности. Пожалуй, ей бы это сошло с рук – я попросту не хотела ругаться, – но за столом был Вран...

– Ну-ка сядь! – властный окрик заставил Алёнушку шлёпнуться обратно на стул. Я подозревала, что не только окрик – Вран привычно использовал колдовство. – Куда пошла? Или тебя не учили обхождению за столом?

– А что, мне вам в рот смотреть? – съязвила сестрица.

– Умные люди могут поддержать беседу. Раз самой рассказать нечего, спросила бы, как день прошёл, не устали ли, чем надо помочь. А если такого не можешь, то вон, – мастер указал ей на блюдо с пирогами, – съешь кусок, тогда не надо будет в рот заглядывать!

– Чтобы я растолстела, как Лада? – фыркнула Алёнушка, но пирог взяла.

Спорить с колдуном она побоялась, особенно увидев у своих ног двух огненных мышек. Позорно вскочить на стул сестрице помешала гордость, но в конце концов от посрамления её спас громкий стук в калитку.

Одновременно за окном сверкнула молния и запоздало откликнулся гром.

Поздним посетителем оказался Борей Радимирович, рыжебородый мужчина лет сорока, добротен, но по-простому одетый. У него была небольшая ткацкая мастерская неподалёку от нашего дома, лучшая в столице. А уж какие там плели кружева – взгляд не оторвать! Жаль, цены кусались. Я всё ещё раздумывала, покупать или поискать дешевле.

К колдунам Борей прежде не обращался, предпочитая справляться с невзгодами своими силами, так что его появление не сулило ничего хорошего. В глазах мужчины плескался страх.

– Спасите Милу, умоляю! Что хотите просите, но спасите! – восклицал он, вытирая скупые слёзы.

Не сразу, но мы добились от него связного рассказа. Мила была его младшей дочерью, помогала в мастерской. Я её знала – это она подарила Алёше куклу-воина. Ей едва исполнилось семь, но в девочке уже проснулся колдовской дар. Борей не отправил её обучаться рукоделию, как старших сестёр, а начал готовить к учёбе в Колдовской Башне. Мила росла послушной, силой не баловалась, разве что завела небольшой садик у дома, где выращивала диковинные цветы. Соседи завидовали, а Борей нарадоваться не мог на смышлённую дочку.

– Лучше бы я не разрешал ей заводить этот сад! – взвыл мужчина, но собрался и продолжил рассказ.

Сегодня Мила пошла проверить, как цветы, укрыть их от непогоды. Она очень боялась, что дождь побьёт готовые распуститься бутоны. Сказала, что выйдет ненадолго – и пропала. Борей нашёл только её красную туфельку возле дома. Поблизости никого не было, и он обежал улицы, но и там дочь не обнаружил. Тогда-то и вспомнил о колдунах, и обратился за помощью, пока поздно не стало.

«Если уже не поздно», – прочитала я в глазах Врана. Что тут говорить, мне тоже сразу убийца колдунов вспомнился. Стала ли Мила его жертвой? Лель говорила, что у предыдущего хозяина каждое последующее убийство требовало большей подготовки. Если и сейчас так же, то время у нас ещё есть, пусть и немного.

– Что-нибудь из вещей дочери у вас с собой? – бросил Финист, и мужчина поспешно протянул ему замотанную в плащ туфельку.

При виде детской вещички защемило сердце. Неужели убийцу чуждо всё человеческое, раз он не погнушался напасть на ребёнка? Я вспомнила холодные глаза Михея, его презрительный голос... Мог ли этот человек хладнокровно убивать?

Пока я размышляла, муж чаровал, стоя на крыльце, и всё, чем я могла помочь, обнять его, передавая часть силы. Колдовской ветер Финиста вплёлся в обычный и разнёсся по городу. Он заглядывал во дворы и подворотни, выискивая владелицу туфельки. Поначалу ничего не происходило, а затем муж выдохнул:

– Нашёл.

Это слово зазвенело, как спущенная с тетивы стрела. Все засуетились. Вран проверил, на месте ли его травы, Финист на всякий случай взял второй кинжал, сунув его за голенище сапога, а Кощей

схватил узловатый посох с алым шаром в навершии. Таким и огреть по голове можно, если заколдовать не получится.

Я притащила плащи с капюшонами: пусть на улице тепло, но мокнуть под сильным дождём не стоит, так и заболеть недолго.

Пока я помогала другим собираться, Вран схватил меня за руку.

– Что стоишь? Живо одевайся и за нами!

Финист с неохотой кивнул, соглашаясь с бывшим наставником – ему вполне могла понадобиться моя сила. Собралась я быстро. Разве что платье сняла да надела мужнины штаны и рубаху, проскользнув мимо застывшей в дверях сестрицы. Срамно было – жуть. Штаны облепили мои пышные бёдра, но не думать же сейчас о приличиях – сначала надо спасти девочку.

Алёнушка открыла было рот, на меня глядя – и закрыла. Будто почувствовала, что не до разговоров.

Муж если и оценил мой костюм, тоже ничего не сказал. Приладил к моему поясу очередной нож: короткий, но острый, в кожаных ножнах.

– Всё взяли? Ничего не забыли?

На сборы ушло всего ничего, но ждавший на улице Борей от нетерпения был готов сорваться с места, да и мы тоже боялись опоздать.

– Побудь дома с Алёшей и никуда не уходи. Поняла? – велела я Алёнушке.

Похоже, она не верила, что все бросятся в такую непогоду из дома лишь потому, что попросили спасти соседского ребёнка. Да уж, на сестрицу надежды нет.

Я обняла Алёшу и на ушко попросила его присмотреть за моей непутёвой сестрицей, а затем накинула плащ и бросилась следом за мужчинами.

Поисковое заклинание привело нас к докам, к старому амбару, закрытому на тяжёлый замок. Судя по уходящей внутрь ниточке колдовства, для кого-то запор не был преградой. С трудом удержав рвущегося к амбару Борей, Финист переглянулся с отцом, и они одновременно ударили по двери порывом ветра.

Дверь не просто открылась – её выбило, и как раз вовремя. Грохот отвлёк склонившегося над распростёртой девочкой убийца. Тот обернулся, но его лицо было закрыто белой длинноносой маской – не

узнать. Уходя от направленной на него огненной плети, он вмиг отпрыгнул в сторону. Вран недовольно цокнул языком и атаковал уже осторожнее.

Воздух искрил от колдовства. Не будь это так страшно, я бы замерла с открытым ртом, любуясь зрелищем, но приходилось прятаться, подбираясь к лежащей посередине девочке так, чтобы ни меня, ни Борея не зацепило заклинаниями. Хорошо, что здесь лежали тюки, за которыми можно было укрыться.

Похититель оказался силён. Я знала, что Финист один из лучших колдунов столицы, да и Кощя с Враном ценили за умение использовать заклинания. Однако убивец умудрялся избегать всех атак, да ещё и сам отвечал. Правда, на остальное времени у него уже не оставалось: Борей пробрался к лежащей на земле дочери и оттащил её в угол. Мила поскуливала от страха и беспрерывно всхлипывала. Её тело было в крови, многочисленные порезы кровоточили. Не сразу я догадалась, что те тонкие царапины – это длинная надпись на незнакомом мне языке, идущая от шеи до самых лодыжек. Что за ужасы пришлось пережить этому ребёнку? Я метнулась к девочке, проверяя, нет ли более опасных ран.

На первый взгляд всё выглядело хорошо – дышала Мила без хрипов, и я, задрав тонкую её рубашку, не нашла на теле иных повреждений, кроме кровавой надписи. Почти успокоилась, но тут заметила вокруг шеи ребёнка чёрную петлю. Она тянулась от Милы к похитителю, пульсировала, как живая, переливаясь золотистыми искрами. Да он же тянет из неё силу! И не только колдовство, а жизнь! Девочка бледнела на глазах, а я безуспешно пыталась оборвать поводок. Пальцы проскальзывали сквозь колдовскую нить, словно её и не было, а Мила уже задыхалась. Неудивительно. Убивец выматывался, защищаясь от нападений, и подпитывался силой жертвы. Он мог выпить её досуха, как упырь!

Решение пришло по наитию. Вспомнив лезвия из травы, я бросила на землю немного семян из кармана и представила, как они прорастают, как острая трава режет колдовские путы.

Это должно было помочь – и помогло. Поводок оборвался, а убивец, лишившийся потока силы, в изумлении остановился. Мгновения хватило, чтобы огненная плеть Врана его достала. Убивец взвыл; остро запахло палёной плотью.

– Болваны! Вы что натворили?! Теперь поплатитесь за это, – прошипел он, держась за обожжённую руку, затем сделал простой пасс, выбрасывая силу.

Это как ударить со всего маху, я тоже так умела. Тут-то и стало ясно, почему убивец выбрал доки – он владел силой воды. Послышался грохот, и на сарай обрушился водяной столб, смыв нас в разные стороны. Но кое-какая польза в этом потопе была – с колдуна слетела маска, и я разглядела лицо. К счастью, меня он не увидел: в этот миг мимо проплыл один из вырванных водой тюков, и я спряталась за ним прежде, чем верховный колдун огляделся.

Вран был прав. Но зачем Михею кровавый обряд? У него и так самый высокий пост, какой может быть!

Заметив неподалёку отчаянно барахтающихся Борея с девочкой, я поспешила к ним. Если Мила так важна, убивец мог схватить её снова. Но опасалась я напрасно. Вода схлынула так же быстро, как и пришла, и можно было с точностью сказать, что в амбаре на одного человека стало меньше. Михей сбежал.

* * *

Как мы ни уговаривали Борея заночевать у нас, мужчина не согласился. Похоже, после случившегося он вообще собирался забыть о колдовстве. Вран смотрел на него с сожалением, понимая, что с дочерью-колдуньей у него это не получится. Дар нельзя приглушить. Как бы ни старался отец, рано или поздно сила дочери вырвется на свободу, и необученной колдунье справиться с ней будет непросто.

Я подумала, что, если получится, буду навещать девочку и наблюдать за ней хотя бы издалека. Буду рядом, когда понадобится помощь. Основам можно и самостоятельно научиться, если есть хорошая книга под рукой и человек, готовый разъяснить трудности. Правда, оставалась надежда, что со временем страх у Борея пройдёт, и он позволит дочери колдовать... если она сама захочет.

Впрочем, совсем отказываться от услуг колдунов Борей не спешил: пригласил нас в дом и упросил навесить охранных заклинаний. Мы и сами об этом подумали – плохо, если убивец решит вернуться и закончить начатое.

Защитой занялись Кощей и Финист, а я в это время под приглядом Врана лечила Милу. Было так дико видеть измученного ребёнка среди игрушек, цветов и белых кружев!

Обычный колдун давно выдохся бы напрочь, я же просто ощущала сильную усталость, но продолжала терпеливо сводить с тела девочки чернокнижные надписи. Сеточка шрамов всё равно осталась – чёрное колдовство плохо поддавалось лечению. Как сказал Вран: чудо, что Мила осталась жива.

Пока я лечила, девочка уснула беспокойным сном. Борей бдёл неподалёку, не решаясь оставить её одну, но даже он задремал на лавке, уронив голову на руки. Закончила я ближе к утру, незадолго до первых петухов. Наклонилась и поцеловала Милу в висок, пожелав скорейшего выздоровления. Не знаю, услышала она меня или сказало лечение, но дыхание стало спокойнее.

– Устала? – из всех колдунов в доме Борей оставался Финист.

Вран, убедившись, что я поняла суть лечения, ушёл к Святу, а Кощей к Колдовской Башне – доложить о случившемся.

– Немного.

Я прильнула к широкой груди Финиста, готовая уснуть стоя. Голова казалась такой лёгкой, будто не осталось ни единой мысли, а руки и ноги как свинцом налились.

– Борей Радимирович, мы уходим, – окликнул дремлющего мужчину Финист.

Тот потёр глаза, уставившись сначала на мирно спящую дочь, а после – на нас.

– Да, конечно. Погодите, я сейчас деньги принесу. – Он захлопал по поясу в поисках кошелька, который наверняка сорвало во время потопа. Вон, верёвочки болтались.

– Не нужно, – ответил Финист. – Жизнь ребёнка бесценна, я не буду брать за такое плату.

– Но что я тогда могу для вас сделать? Чем отплатить?

– Не запрещайте ей колдовать, – вырвалось у меня, и Финист ободряюще сжал мою ладонь. – Не колдовство виновато в том, что случилось.

– Если бы у неё не было этих сил!..

– А если бы сил не было у Лады, вашу дочь никто бы не спас, – тихо произнёс Финист, и Борей замолчал, обдумывая его слова. – Мы

пойдём, не надо провожать. – Муж кивнул, понимая, что сейчас Борею лучше побыть рядом с дочерью и хорошенько подумать обо всём.

Только выйдя из дома ткача, я ощутила озноб – запоздалый отклик на пережитое и на страх. Я шла, и меня колотило так, что стучали зубы. Финист развернулся, остановившись прямо посередине дороги, и привлёк меня к себе.

– Ну тише, родная, тише, всё хорошо.

Он гладил мои волосы, успокаивая, и сковывающий душу страх начал отпускать. Я глубоко вздохнула, сбрасывая остатки наваждения.

– Смотри, – шепнул муж, разворачивая меня на восток, где ещё недавно бушевал ураган и небо было затянуто грозowymi тучами. А сейчас... Непогода улеглась, и первые лучи солнца тонкими полосками осветили небо.

Глава 8

В это утро мы любили друг друга так, что начисто забыли и об Алёнушке, сидевшей в кухне, и о Вране, который наверняка слышал наши стоны, и даже об Алёше, мечтавшем о горячих блинах с мёдом. То ли мой страх заразил Финиста, то ли он сам испугался потерять кого-то из близких, но целовал он меня так, словно завтра – конец света. Я тонула в его ласках, возносилась на вершину, и сила была чистым потоком, таким сильным, что дрожали стёкла.

– Кровать-то не сломали? – прищурился Вран, когда мы около полудня вышли из опочивальни.

Кощей, вернувшийся из Колдовской Башни вместе с Василисой, уже покормил Алёшу, а сама Вася взяла на себя заботы о сестрице. В отличие от меня, она младшенькой спуску не давала, и жили они всегда как кошка с собакой. Зато и пакостить при Василисе Алёнушка побаивалась, вот и сейчас послушно отправилась полоть сорняки. Наш сад до того зарос, что не стоило опасаться, что сестрица чего лишнее выдернет. Если честно, там можно было хоть всё повывёртывать. А уж Лель себя в обиду не даст.

– Что нового? – поинтересовался Финист, сжеживая зевоту в кулак и притворяясь, будто не услышал Врана.

– Тебе послание из дворца. Я не читал. – Кощей кивнул на тоненький свиток на столе.

Финист развернул его в полном молчании, пробежался взглядом.

– Михей, – глухо произнёс муж, протягивая письмо подошедшему Кощею.

Тот прочитал и как-то разом осунулся, зашарил рукой, ища опору. Василиса незаметно оказалась рядом, позволяя опереться на свою руку.

– Мы не можем отпустить туда Алёшу, – качнул Кощей головой.

– Отпустить куда? – с нарастающим беспокойством уточнила я. В груди неприятно кольнуло.

– Во дворец, – подтвердил мои опасения Финист. – Это пожелание царевича. Пока – всего лишь встреча. А заодно он не прочь познакомиться с тобой.

– Что? – Я отшатнулась. Не хотела отпускать Алёшу туда, где бродит этот сумасшедший верховный колдун, но ещё больше не хотела знакомиться с его высочеством Сирином. – Зачем?

– Ты воспитываешь Алёшу. Он хочет убедиться, что ты подходишь.

– А ему что за дело? – вмешалась Василиса.

Я и забыла, что она не знает правду об Алёше. Впрочем, Кощей тут же просветил, и сестра удивилась не меньше, чем я, когда узнала. Правда, по иной причине.

– Сирин же болен! – нахмурилась она.

Вран с Кощеем переглянулись.

– А ты откуда знаешь?

– Так видно. Мы неделю назад с наставником ходили во дворец, нас представляли его высочеству. Знахари сразу заметили, что он не в порядке. Я потом расспрашивала – говорят, он с детства слабенький и часто болеет.

– Ты во дворце такое не ляпни, – посоветовал Вран.

Кощей добавил:

– И не вздумай его жалеть. Моя дочь пожалела...

Он вздохнул, погружаясь в воспоминания, и повёл рассказ.

Настасье исполнилось шестнадцать, когда она впервые пришла во дворец. Ей всё было интересно, везде она пыталась сунуть свой нос. Кощей едва успевал её одёргивать, чтобы чего не испортила и не разбила. Настасья обладала очень сильным даром земли, а все колдуны этого первоэлемента – прирождённые знахари. Царевич болел, встать с постели не мог, и Кощей решил, что его дочь, будучи сильной колдуньей, сможет изгнать хворь. Как он потом пожалел о своей доброте!

Молодые люди быстро нашли общий язык. Бойкая Настасья не боялась высказать царевичу правду в глаза и требовала неукоснительно соблюдать назначенный ею распорядок дня. И чудо случилось, лечение помогло. Сирин пошёл на поправку, смог сам вставать и гулять по саду. Он всё больше времени проводил со своей спасительницей, как частенько называл Настасью, пока однажды Кощей не застал их самозабвенно целующимися на лужайке в саду.

Конечно, Сирину он ничего не мог высказать, но Настасье дома досталось сполна. Да так, что дочь убежала, сказав напоследок, что

отец ничего не понимает, а царевич её любит! А через месяц вернулась – зарёванная, опустошённая... и ждущая Алёшу.

– Он не принял её? – шепнула Василиса, которую рассказ пробрал до дрожи.

– Он не мог жениться на обычной колдунье, а Настасья не хотела оставаться любовницей, – пояснил Вран, потому что Кощей уже не мог говорить. Рассказ о дочери дался ему нелегко.

– Выходит, царевич снова заболел?

– И ищет способ выздороветь. Любой способ, – многозначительно добавил Вран, и я вздрогнула, догадавшись, что кроется за его словами.

* * *

– Идти во дворец в своём обличье Ладе нельзя, – заявил мастер, тоже изучив послание царевича. – Но послушаться повеления не получится.

– Так за чем же дело стало? Поколдуем немного...

– Михей снимет морок щелчком пальцев. Да и царевич сам не промах, – перебил Финиста бывший наставник. – Нет, тут надо тоньше.

– Что ты предлагаешь?

– Отведём Ладу к одной моей знакомой. Она в таких делах знает толк: может превратить лягушку в царевну и, заметь, без капли колдовства!

От его слов у меня по спине поползли неприятные мурашки. Вспомнились белила мачехи и Варя, безуспешно пытающаяся сделать из меня девицу-красу.

– А ещё нужно другое платье, новомодное, – подтвердил опасения Вран и окинул внимательным взглядом мою фигуру. – И утянуть бы талию. Лада, конечно, схуднула, но не так, чтобы Михей её не признал.

– Я могу зайти к портному, – вызвалась Василиса, с сочувствием посмотрев на меня. Она знала, как я ненавижу примерки. – Но разве не опасно соглашаться на встречу?

– Если не придём, будет хуже. Тогда к нам и со стражей заявиться могут, – пояснил Финист, привлекая меня к себе: почувствовал, что я

испугалась. Не за себя, за Алёшу. Пусть я не хотела идти к царевичу, но отпускать ребёнка одного боялась куда больше. – Подтверждений вины Михея у нас нет, зато в его руках настоящая власть. Лучше притворимся, что готовы плясать под его дудку, а потом нанести удар.

– А если сказать, что Лада и Алёша приболели? – не сдавалась сестрица. – Простудились?

– В летнюю жару? – с сомнением уточнил Вран.

– К тому же с Михея станется прийти проведать, – поморщился Кощей. – А пускать его в дом ещё опаснее: здесь всё силой шептунов пропиталось. Дворец же напитан колдовством многих, поди разбери, где колдун, где шептун, а где и вовсе обычный человек.

– Ясно. – Василиса задумчиво потеревала браслетик у себя на руке. Симпатичный такой, из рыжего янтаря, с солнышком по центру. Я раньше его у сестрицы не видела. – Тогда переодевание? Только разве можно сделать так, что человека не узнать будет? Ведь Михей с Ладой несколько раз встречались!

– Поверь, ты сама её не узнаешь, когда увидишь, – с усмешкой пообещал Вран.

От его каркающего смеха мне снова стало не по себе.

* * *

Мы думали, что у нас будет парочка денёчков для подготовки, но их не оказалось. Вскоре в калитку постучал гонец от его высочества с известием, что тот ожидает нас к вечеру. То ли Сирий терпением не славился, то ли Михей хотел проверить, далеко ли мы готовы зайти в своём расследовании.

Алёша с равнодушием отнёсся к тому, что надо идти во дворец. С дедушкой он там и раньше бывал, ничего пугающего не встретил, а как вести себя в обществе, давно выучил. Правда, его попросили, чтобы не удивлялся, когда меня в ином обличье увидит. На что Алёша, наслушавшись от меня сказок о чудесных преобразованиях, кивнул с умным видом.

А вот я боялась. Не привыкла врать людям и уж тем более выдавать себя за другого человека. И пусть играла я Ладу

Митрофановну, да не ту! А ведь к нам помимо прочего вечером мачеха с батюшкой зайти обещались!

– Придётся им перетерпеть твой новый облик, – заявил Вран, когда я предложила сначала родителей встретить. – Царевич ждать не будет, а перевоплощение требует времени.

Мастер подхватил меня под локоть и потянул за собой в город. Я даже попрощаться с мужем не успела.

Улица, на которую пришли, была мне незнакома. Широкая, с мощными каменными домами и яркими цветниками, на удивление тихая, она тянулась поодаль от дворца и торговой площади. Здесь стояло множество карет, но без гербов, и дамы, выходящие из них, скрывали лицо за накидками или веерами.

– Подожди здесь. – Вран остановился у одного из домов и зашёл внутрь.

Я огляделась и присела рядом с колодцем. От долгой ходьбы отекали ноги, а сколько ещё предстояло идти, не знала.

– Дай мне напиться, девица! – окликнул меня знакомый голос.

Аж холодком потянуло... Да что ж это такое? Неподальёку на вороном коне с неизменным надменным взглядом сидел Михей. Он же меня сейчас узнает! А если в колодец выкинет? Или заколдует? Хоть подхватывай подол и беги, но я окаменела от страха.

– Ты оглохла, что ли? – Михей подъехал ближе. – Налей воды!

Так, топить вроде не собирается. Я послушно зачерпнула воды в бадью и протянула ему. Прохладная водица на жаре – самое то, и Михей, сделав несколько больших глотков, остальное вылил на себя.

– Кажется, я тебя где-то уже видел, – вернув мне бадью, заметил колдун, и я с облегчением поняла, что обман пока не раскрыт. Он не знает, что я – жена Финиста. А значит, стоит и дальше притворяться недалёкой служанкой.

– Так вы запомнили, господин? – воскликнула я, всплеснув руками, как это делала тётка Фрося при виде набедокурившего на кухне кота. – Я у господина Врана прибираюсь. Прибиралась, то бишь, покуда башня цела была. Я же, господин, вышла тогда на улицу, а она возьми да рухни. Вся уборка насмарку! – Голос задрожал от обиды, и я по наитию доверительным шёпотом добавила: – А господин Вран мне тогда так и не заплатил.

– Вот как, – хмыкнул Михей, и я подумала, что он вообще пропустил мой рассказ мимо ушей. Но, как оказалось, нет. – А сейчас ты где спину гнёшь?

– Да где только не работаю! Там полы помою, тут постираю, здесь обед приготовлю. – Я тяжело вздохнула и потерела кончик косы, не решаясь поднять взгляд.

– Посмотри на меня, – приказал Михей.

Вот тут я испугалась. Говорят же, что глаза – зеркало души. Кто знает, что он там прочтёт? Сердце отплясывало сумасшедший танец, в позвоночник словно сотни игл впились, но я заставляла себя поднять голову и посмотреть на Михея с восторгом и преклонением. Кажется, мой взгляд ему польстил. Я даже подумала, не перестаралась ли, потому что колдун спешился и подошёл ближе. Беззастенчиво схватил меня за подбородок, поворачивая лицо вправо-влево.

– Ты не походила на простую служанку, когда выгоняла меня из Кощеева дома.

– Чёрт попутал, господин! – Я рухнула на колени, не обращая внимания на пыль под ногами и шепотки за спиной и думая, что лучше опозорюсь, чем умру. – Мне наказали никого не пускать, а я так перепугалась, когда господина Кощея замертво принесли, сама не ведала, что творила.

– Да я ведь не ругаю тебя, глупышка! – Кажется, мой испуг развеселил Михея. – Раз уж ты вхожа в дом Кощея, не поможешь ли мне в одном щекотливом деле? Я хорошо заплачу, если согласишься.

– Что вы, господин, я девушка приличная, мне такое предлагать не надо, – поспешно вскочив, открестилась я.

Михей расхохотался.

– Ты не так поняла. В последнее время Кощей плохо спит, вот я и думал ему одну травку дать, чтобы спал покрепче. Да только больно он упрям, никого не слушает. Ты сунь ему цветочек под перину, как постель расстилать будешь, ладненько? Сколько ты в день зарабатываешь? Получишь двойную оплату, если всё верно сделаешь.

Он отсчитал из своего кошелька пять монет и подал мне их вместе с мешочком, остро пахнущим мятой. Но никакая мята не могла перебить сладковатый аромат сон-травы.

– Не подведи, девушка. – Колдун потрепал меня по щеке, затем снова вскочил на коня и уехал прочь.

Я без сил опустилась на краешек колодца, теребя завязки мешочка и думая, с какой лёгкостью Михей мог сделать из простого человека убийца.

* * *

– До тебя не докричишься. О чём задумалась?

Вопрос Врана заставил меня подпрыгнуть и испуганно ойкнуть, но ответить я не успела. В разговор вмешалась статная женщина, подошедшая вместе с ним. На вид ей сложно было дать больше сорока лет. Пышные русые кудри игривыми локонами выбивались из причёски, и одета она была явно не по погоде – в строгое платье с высоким воротником, наглухо застёгнутое. Однако неудобств на жаре незнакомка не испытывала – я не заметила ни капельки пота на слегка припудренном красивом лице.

– погоди. Похоже, её что-то напугало. – Ладонь в тонкой перчатке коснулась моей щеки. – Я права?

Быстро взглянула на мастера, не зная, что ответить. Понятия не имела, как себя вести и что можно рассказать.

– Кажется, я догадываюсь что, – продолжила она и наклонилась ко мне. Повела носом, словно почуяла сквозь плотно завязанный мешочек аромат сон-травы. Неужели тоже знает о свойствах цветка? – Кто дал его тебе, девочка? – подтвердила она мои мысли, ловко выхватив кошель с травами у меня из рук.

– Тот, кто не должен узнать Ладу в новом облике, – догадался Вран. – Справишься? – с сомнением уточнил он у незнакомки.

Та перебросила ему кошель, а сама изящно опустилась рядом со мной и взяла за руку, внимательно рассматривая пальцы. Затем, словно невзначай, коснулась косы.

– Хороший материал, – довольно ответила она, сильным, совсем не женским движением поднимая меня и подталкивая к двухэтажному каменному дому. – Чистая кожа, аккуратные руки, крепкие волосы. Я возьмусь за работу. – Она посмотрела на солнце, что-то прикидывая в уме. – К вечеру будет готово.

– Тогда оставляю её на тебя.

Вран, удовлетворённый, поковылял прочь, а я осталась с незнакомкой наедине.

– Не бойся, – правильно истолковала она мой тоскливый вид и обняла за плечи. – Я тебя не съем. Мы просто немного поправим внешность. Ну ладно, много, – рассмеялась она, поймав мой недоверчивый взгляд. – Зато верховный колдун тебя точно не узнает.

– А откуда вы знаете, что это был он?

Незнакомка ответила таинственной улыбкой и, наклонившись ко мне, произнесла уже совсем другим, густым мужским голосом:

– Потому что от тебя пахнет его силой.

Наверное, на моём лице отразилось изумление, но мы уже были в доме, и дверь с противным скрипом захлопнулась за спиной, отрезая путь к отступлению.

Женщина ответила совсем неженственной улыбкой, показывая слишком крупные для обычного человека зубы. В полутьме блеснули жёлтые глаза, и я наконец поняла, что вижу перед собой оборотня. Впору бы кричать и убегать, но после встречи с водяным и Лель я стала меньше бояться нечисти. Не нежить ведь, а разумная тварь, всегда можно договориться.

– Отличная личина, не так ли? – мило улыбнулась незнакомка, и голос снова стал мягким. – Тебе легче, когда я общаюсь с тобой так?

– Предпочту узнать настоящую личность.

Я была повторно вознаграждена широкой улыбкой.

– Смелая малышка. Неудивительно, что Вран взял тебя в ученицы.

На этот раз оборотень вроде говорил своим голосом, и теперь я уже не сомневалась, что передо мной мужчина. Но как он умудрялся так спокойно переходить с одного образа на другой?

– А Вран знает...

– Что я оборотень? Или что я мужчина? На оба вопроса ответ «да». Можешь называть меня Хортом.

Он поманил меня за собой и привёл в огромную светлицу. Часть её была огорожена ширмой, а другую половину стены занимало зеркало. Настоящее, без изъянов и искажений. Неслыханная роскошь!

Хорт усадил меня на удобный стул как раз напротив зеркала, а затем ловким движением подцепил бант на ленте и распустил косу. Я вспыхнула – раньше лишь Финист касался моих волос да Варя, и чужое прикосновение казалось зазорным и неприятным.

– Не волнуйся, я не сделаю ничего плохого, – заметив мой испуг, пообещал Хорт. – Однажды Вран помог мне избежать смерти, и я возвращаю долг. Изменяю тебя до неузнаваемости. Поверь, никто лучше оборотней не смыслит в перевоплощениях. – Он подкинул на ладони два совершенно одинаковых на первый взгляд флакона. – А теперь скажи, какой хочешь стать – рыженькой или чёрненькой?

* * *

Наблюдать за преобразованием оказалось интересно, Хорт был мастером своего дела. Сначала он собирал какие-то баночки, краски, затем отправил меня за ширму – мыться. Там уже стояла большая бадья с душистой водой. Вода, конечно, остыла, но я нежиться и не собиралась. Просидев положенное время, вылезла из бадьи и едва не вскрикнула от неожиданности – некогда загорелая на солнце кожа стала белоснежной, как фарфор.

– Ну вот, другое дело.

Хорт зашёл за ширму, ничуть не смущаясь моей наготы. Когда я взвизгнула, пытаясь прикрыться, предупредил, что стесняться нечего – я для него материал, из которого надо слепить... А вот что слепить, предстояло решить вместе.

Сначала Хорт настаивал на бойкой южной девушке. В чём-то я была с ним согласна – весёлая неугомонная южанка отличалась от меня разительно. Но в том-то и заключался подвох. Недостаточно сменить внешность и голос (о последнем Хорт тоже позаботится, дав выпить эликсир), надо и вести себя сообразно. Потому в конце концов мы выбрали образ хладнокровной девы севера. Северянки славились суровым нравом и немногословностью, так что буду молчать – никого не удивлю.

Русую косу Хорт перекрасил в чёрный цвет, подвёл брови и глаза, вычернил басмой золотистые ресницы. Взглянув в зеркало, я себя не узнала и прижала к губам ладошку, но вовсе не от восторга. В зеркале отражалась незнакомая бездушная гордячка. Хорт умудрился так подчеркнуть черты моего лица, что улыбка выглядела презрительной гримасой.

– Нравится? – поинтересовался оборотень, явно гордясь своей работой.

– Нет. – Я искренне надеялась, что краска с волос смывается быстро. Будь девушка в зеркале хоть трижды красавицей – она не я.

– Впервые кто-то так отзывался о моей работе. – Хорт обиженно поджал губы, а потом рассмеялся, осознав, что я не со зла. – Ты забавная. Интересно, что скажет Финист?

Мне тоже было любопытно, как ему понравится моё преображение, и немного страшно. Может, это глупо, но мне хотелось, чтобы он любил меня такую, какая есть, а не созданную умелым мастером.

Финист пришёл к вечеру вместе с Враном и принёс купленную Василисой одежду.

– Ох, же... Раскудрит твою через коромысло! – выругался наставник, выпучив на меня глаза.

Я невольно хихикнула и поклонилась, как учила мачеха. Финист ругаться не стал.

– Лада, это правда ты?

– Сомневаешься? – Голосок был низкий, проникновенный, совсем не похожий на мой.

Вран прислонился к стене, пытаясь за кашлем скрыть смех, а Финист нахмурился. Похоже, посчитал, что его разыгрывают. Пришлось закатывать рукав и показывать браслет.

– Теперь веришь?

Вместо ответа Финист повернулся к Хорту.

– Я надеюсь, это смывается?

Шептун, больше не сдерживаясь, расхохотался в голос.

– Ты проиграл мне десять монет, Хорт, – отсмеявшись, сказал мастер. – Видишь, этим двоим не нужна красивая личина. Они видят и ценят то, что внутри.

Оборотень кивнул.

– За такое и двадцать не жалко отдать.

Он подтолкнул меня к мужу, и я оказалась в его объятиях. Заботливый и тревожный взгляд Финиста словно спрашивал: ты в порядке? Больше ничего не случилось, пока меня не было? Я догадалась, что Вран поведал ему о встрече с верховным колдуном.

– Всё хорошо. – Я пожала его ладонь, и Финист прикоснулся к моим выкрашенным волосам.

– Я тебя любую любить буду, – пообещал он, целуя мою макушку.

Хорт смущённо прокашлялся на наши нежности, а Вран привычно хмыкнул.

– Хватит ворковать, голубки. Время не ждёт! – поторопил он, и Финист сунул мне в руки свёрток с одеждой.

Переоделась я быстро, правда, с платьем вышла заминка – затянуть хитроумную шнуровку в одиночку я не могла. К счастью, Финист вовремя об этом вспомнил и зашёл за ширму, чтобы помочь.

– Вот, теперь другое дело, – окинул меня довольным взглядом Вран и, словно фокусник, достал крохотные, нежно-голубые, под тон платья, замшевые туфли на каблук.

Я с тоской переобулась в изящную обувь. Кто вообще придумал эти дурацкие торжественные приёмы?

* * *

Всегда думала, что буду трепетать, вступая во дворец. Ждала, что сердце счастливо ёкнет в груди, а взгляд запомнит каждую мелочь. Я столько читала о залах и башенках, которые десятилетиями строили и украшали лучшие мастера, так хотела однажды их увидеть! Но сейчас мысли занимали не цветные витражи, не резная лепнина на колоннах и не чудесные картины. Я держала за руку Алёшу и мечтала об одном – чтобы наш обман не раскрыли, и никто не почувствовал силы шептунов.

Алёша вёл себя тихо. Не знаю, чем его напутствовал Кощей, но мальчик не выказал ни капли удивления, когда меня увидел. Только сказал, что раньше я красивее была, и вообще, раз я его мама, то волосы должны быть светлыми.

У меня от его слов перехватило дыхание, и ответить я не смогла. Просто обняла его крепко-крепко, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. Никто никогда не отнимет у меня это зеленоглазое и курносое чудо!

Так мы и зашли во дворец, крепко держась за руки. Маленькая семья.

Финист во дворце был частым гостем, а потому и провожающих до палат царевича нам не выделили. И всё же, пока шли, я вся издёргалась, да и Финист выглядел не лучше. Жилка у виска нервно дрожала.

– Царевич Сирий ждёт вас, – отвечивал стражник, отступая от дверей.

По сравнению с пышным убранством дворца палаты его высочества выглядели довольно просто. Полка с книгами – у нас и то их больше было, пусть и не в таких роскошных обложках, – пушистый ковёр на полу, приглушённое освещение. Несколько стульев вдоль стены. Большой глобус, весь истыканный значками. Рядом с окном – стол, заваленный бумагами, за которым в широком кресле сидел молодой, болезненного вида мужчина.

Теперь-то я поняла, почему в последние годы пошла мода на пудру и белоснежные парики – царевич был ужасно бледен. Мне даже подумалось сначала, что у него седые волосы, но, приглядевшись, я увидела, что ошиблась. Они просто были очень светлые, почти белые, а глаза – прозрачно-льדיстые, отчего казалось, что радужек у царевича нет вовсе, только чёрные точки зрачков.

Я поклонилась и опустила голову.

– Полноте, посмотрите на меня. Наконец-то мы с вами встретились, – слабо улыбнулся царевич и, как мне показалось, довольно искренне. Поднялся с кресла, на мгновение пошатнувшись.

Тут же от стены отделилась тень, которую я поначалу не заметила. Верховный колдун, чёрт его побери!

– Я в порядке, Михей, – осадил его царевич. – Поздравляю с законным браком. Представишь мне свою супругу, Финист?

– Разумеется. – Финист назвал моё имя, и я в очередной раз поклонилась, сохраняя на лице невозмутимость.

Царевич поморщился. Похоже, ему эти церемонии порядком наскучили.

– Вы приехали с Севера? – поинтересовался он.

– Нет, я родилась и выросла неподалёку от столицы. Но мои предки оттуда, – ответила я непривычно низким голосом.

Мы с мужем сразу решили, что говорить будем правду, лишь немного перетасовывая события. Так меньше вероятность, что поймут на лжи.

– Вы удивительно похожи на северянку, – заметил Сирин, задержавшись взглядом на моём лице. – И совершенно не похожи на свою сестру.

Моё лицо не дрогнуло.

– Отец говорит, во мне проснулась кровь его предков, – тихо ответствовала я.

Батюшка и правда так говорил, только не о внешности, а об упрямстве, но я предпочла не уточнять.

Сирин на моё замечание слегка кивнул и перевёл взгляд на Алёшу.

– Ты вырос за прошедший год.

Он подошёл к мальчику, изучая его, как диковинку. Я почувствовала, как ладонь Алёши сжалась, и едва слышно шепнула, что всё будет хорошо. По-моему, мальчик очень хотел спрятаться за мою юбку.

– Сколько ему? Семь?

– Скоро исполнится шесть, – скрипнул зубами Финист.

У меня внутри тоже поднялась волна гнева: царевич даже не помнит, сколько лет его сыну!

– Надеюсь, ты хорошо учишься? – Он снова наклонился к Алёше и сам же себе ответил: – Конечно, хорошо. Я слышал о твоих успехах. Хочешь перебраться во дворец?

Прозвучало вполне миролюбиво, но Алёша отшатнулся, вцепившись в меня мёртвой хваткой, и в глазах Сирина промелькнул холод. Нет, он вовсе не по доброте хотел забрать Алёшу.

Внутри что-то оборвалось, и я прижала ребёнка к себе. Финист тоже подобрался.

– Шучу. Он ещё мал для дворцовых козней. Вот через пару лет – запросто, – протянул Сирин и потрепал Алёшу по голове. – Я надеюсь, твоя жена его не разбалует, Финист.

– Вы же знаете, как сурово воспитывают детей северяне, – пожал плечами муж.

Сирин усмехнулся:

– Это точно. Вырастет маленький воин.

Они ещё немного поговорили ни о чём. Любезные вопросы о жизни, советы по учёбе Алёши, приглашение на колдовскую службу во дворец. От последнего Финист отказался, и мне почудилось, что Михай вздохнул с облегчением.

Царевич закончил беседу пожеланием встретиться с нами снова (то был учтивый способ попрощаться) и показал, что аудиенция окончена.

Покинув палаты Сирина, я прижала руку к груди. Неужели нас и впрямь позвали только ради знакомства? Неужели всё обошлось?

Увы, догнавший нас в коридоре Михей доказал, что я ошиблась.

– Подожди, Финист! – окликнул он мужа.

Мы остановились и повернулись к колдуну. Михей шёл к нам быстрым шагом, впившись взглядом мне в лицо. Неужели даже после всех ухищрений Хорта он меня узнал? Я постаралась сохранить равнодушное выражение.

– Что-то ещё? Мы торопимся, к Ладе сегодня приехали родители. – Финист взял меня под руку, давая понять, что долго разговаривать не намерен.

– Вот насчёт этого я и хотел поговорить! – обрадовался Михей, вконец нас огорошив. Его обаятельная улыбка, должная настраивать на благодушный лад, наоборот пугала. – Утром я читал протокол городской стражи и увидел, что к вам в гости приехала сестра Лады, одарённая силой. Я настаиваю, чтобы она прошла обучение в Колдовской Башне. Надеюсь, вы помните, что у нас в царстве каждый колдун на счету?

– Помним, как иначе, – Финист едва заметно сжал мою ладонь, чтобы я не вмешивалась в разговор. – Но Алёна очень слабая колдунья.

– Судя по донесению, чарование ей даётся легко, – усмехнулся Михей. – К тому же умение и труд всё перетрут, разве не так любит говорить твой бывший наставник? В любом случае я хочу на неё взглянуть. Следующий набор в Башню через месяц, пусть девушка погостит у вас подольше и приходит опробоваться.

То была не просьба – приказ, хоть и сказанный со всей любезностью. Оставить Алёнушку у нас дома на целый месяц! Целый месяц капризов, уговоров и происков!

Я не сдержала вздох разочарования. Из-за собственной глупости сестрица стала очередной неприятностью и дополнительным поводом верховного колдуна. Пусть мы не всегда ладили с Алёнушкой, но она моя младшая, хоть и непутёвая сестра, и за её безопасность я многим готова поступиться.

– Хорошо, – сквозь зубы согласился Финист. – Теперь мы можем идти?

– Конечно, больше вас не задерживаю. – Михей улыбнулся, едва заметно склонив голову.

Финист ответил ему полупоклоном.

Во дворе нас ждала наёмная карета, благополучно доставившая до самого дома, и это было едва ли не самое хорошее, что случилось за вечер. Потому что идти через полгорода в жутко неудобных туфлях, одолженных Враном, у меня не было сил.

– Подожди, – придержал меня Финист, когда карета остановилась у дома. – Твои родители сейчас у нас, не думаю, что стоит пугать их таким видом.

– Умеешь же ты одарить девушку похвалой!

Впрочем, поворчать мне не дали. Финист сгрёб меня в охапку и поцеловал, не стесняясь Алёши.

– Я наложу морок. – Финист что-то нашептал, вытворяя хитрые пассы руками.

Кожу закололо, а волосы на голове зашевелились, словно кто-то невидимый запустил в них ловкие пальчики.

– Неприятные ощущения придётся потерпеть, – извинился муж, и я, перекинув косу через плечо, увидела вместо чёрной краски родной русский цвет.

– Увы, это всего на пару часов. Краску всё равно потом смывать, – разрушил мои надежды Финист и вылез из кареты. Затем помог выйти мне и снял Алёшу прежде, чем тот решился спрыгнуть со ступеньки.

– А что с голосом делать? – вспомнила я.

Финист, чертыхнувшись, сунул мне в руки тёмный непрозрачный флакончик.

– Хорт сказал выпить, когда всё закончится.

Я поспешно откупорила пузырёк и глотнула. Горло, до сих пор неприятно сжатое, сразу отпустило, будто я выпила горячего молока с мёдом. Попробовала что-нибудь сказать, и с радостью услышала свои обычные нотки.

– Ой, голос вернулся! – радостно воскликнул Алёша.

– Только голос? – удивилась я.

Алёша собрался что-то рассказать, но Финист подтолкнул его к дому.

– Наш сын видит сквозь морок, – пояснил муж, когда ребёнок убежал вперёд. – Это особенность рода, что-то наподобие сторожевых чар, чтобы никто под чужим видом к царю и близко не подобрался.

– Вот почему Вран был против чар!

– И это тоже. А ещё ты непроизвольно стала бы поддерживать их своей силой. Тогда Михей мог почуять шептунью.

Я остановилась у крыльца.

– Мне страшно за Алёшу. Ты видел, как царевич смотрел на него? Алёша зачем-то ему нужен.

– Сирин болен. И у меня есть два соображения: либо он рассматривает Алёшу как наследника, и тогда заявит об отцовстве в ближайшее время...

– Либо?..

– Он хочет использовать его в обряде, – упавшим голосом договорил Финист.

Я увидела в его глазах отчаянную тоску.

– Не бойся, вместе мы защитим сына, – пообещала я, и мы зашли в дом, отбросив дурные мысли.

Глава 9

Отдохнуть в семейном кругу не получилось. В горнице висела напряжённая тишина, еда осталась почти нетронутой, хотя до ухода к Хорту я приготовила праздничный ужин.

Сидящий за столом батюшка выглядел сердитым: спина прямая, будто кол проглотил, руки стиснуты в кулаки. Мне показалось, что он едва сдерживает гнев.

Напротив отца сидел мужчина и сжимал Василисину руку. Поначалу я его не признала, а присмотревшись, громко охнула: Кощей без бороды помолодел лет на десять!

– Вечер добрый, – сказала я и вошла в горницу.

Мачеха глянула на меня с одобрением: никак оценила мой наряд, и то, что я чуточку похудела. В отличие от отца, она рассерженной не выглядела. Удивлённой, не более.

– Да кому как, – скрипнул зубами батюшка. – Что же ты, Лада, не написала, что Василиса нашла себе жениха?

– Жениха? – Я уставилась на сестру.

Та смущённо кивнула, теребя янтарный браслетик. Так вот от кого подарок! Вспомнилось, что при долгих ухаживаниях невесте сначала дарили браслет с камнями в знак серьёзных намерений, а в день свадьбы меняли на обручальный.

– Я попросил у Митрофана Степановича разрешения ухаживать за Василисой, – пояснил Кощей в ответ на мой удивлённый взгляд.

– Да разве девка бестолковая может сама решать, за кого замуж выйдет?! – батюшка не сдержался и грохнул кулаком по столу. – Я не для того её растил и отпускал в Колдовскую Башню, чтобы она за старика шла!

– Батюшка, – осторожно начала Василиса.

– Замолчи! – рявкнул отец.

Если он думал, что это сработает, то ошибся. Василиса несколько лет прожила вдали от дома, в столице, и новая жизнь научила её самостоятельности. Такие учителя, как Вран, закаляли характер.

– И не подумаю! – Василиса напоказ переплела свои пальцы с Кощеевыми. Тот вздрогнул, но руку не убрал. – Девкой бестолковой я

до Колдовской Башни была. А теперь сама колдунья. Ты говорил, что я могу выбирать. Я выбрала.

– Старика, – тихо фыркнула с другого конца стола Алёнушка.

Я тут же поняла, кто настропалил батюшку против Кощея. Алёнушка невзлюбила его с первой встречи. Не знаю, во что мог перерасти их спор, но тут в разговор вмешалась мачеха:

– Муженёк дорогой, к чему эти склоки? – Она положила ладонь на плечо отца, успокаивая. – Василиса не отрочица, взрослая уже, пусть сами и порешают. К тому же с нами останется Алёнушка, найдём ей хорошего мужа, дождёмся внуков...

– Вообще-то как раз об этом я и хотела поговорить. – Я кашлянула, переводя удар на себя. Лучше сказать сразу, чем оттягивать. – У Алёны есть колдовской дар, и верховный колдун настоял, чтобы она училась в Башне.

На несколько мгновений тишина снова стала оглушительной, а затем все загалдели разом, заспорили, перебивая друг друга. Алёнушка радовалась и чуть ли в ладоши не хлопала от восторга – как же, ведь её ждала жизнь в столице!

Отец ругался, мачеха причитала, а Василиса прожигала меня обиженным взглядом. В чём-то я её понимала – если Алёнушка пойдёт учиться, Василисе придётся за ней приглядывать. А значит, прощай спокойная жизнь!

Перекричать родственников не получалось. Я уж подумывала сбежать, переждать, пока все успокоятся, потянула за собой Финиста, но тут в горнице полыхнуло: на стол заползла огненная ящерица, и спор вмиг утих. Вран отозвал фамильяра и, прокашлявшись, сказал:

– Отбор в Колдовскую Башню только в начале осени. Почему не подождать его исхода, прежде чем страхи наводить? Около половины желающих колдовать обычно отсеивается. Колдунов в стране, конечно, мало, но не так, чтобы учить бездарей.

– Я не бездарь! – пискнула Алёнушка, но, поймав обещающий розги взгляд матери, умолкла.

– Отец, а вы уже закончили ругаться? Кушать хочется.

Вопрос Алёши заставил взрослых устыдиться.

– И правда, давайте поедим, – улыбнулся Финист.

– Война войной, а обед по расписанию, – вспомнил Алёша цитату из недавно прочитанной книжки.

Батюшка изумлённо взглянул на него и расхохотался.

– Внук у меня, оказывается, умница!

Остальные тоже разулыбались, и я выдохнула. Кажется, семейный ужин не обернулся бедой, и это замечательно.

* * *

Следующая неделя выдалась такой хлопотливой, что я напрочь забыла о Михее с его кознями. Родители вернулись в поместье, Алёнушка осталась у нас, а Кощей уехал в Колдовскую Башню, освободив для неё покои. Я подозревала, что свёкор поступил так не ради Алёнушки, а ради Василисы, чтобы быть рядом и защищать.

Его отъезд пришёлся кстати: Финист пустил слух, что Кощей слёг с тяжёлой болезнью, и этим мы обезопасили меня перед Михеем. Краску с волос я смыла, вернувшись к прежнему облику, разве что была бледнее обычного, но жаркое солнце быстро это исправило. Так что при случайной встрече с верховным колдуном я могла смело сказать, что выполнила его указание насчёт сон-травы.

Вран начал отстраивать свою башню, беззастенчиво привлекая меня как бесплатную работницу и в то же время сетуя, что две необученные колдуньи в одном доме – это для него слишком. Я выматывалась, возвращалась домой усталая и злая от его постоянных насмешек, но всё-таки терпела не зря. «Птица» внутри всё чаще просыпалась и хлопала крыльями, а колдовство давалось намного легче, чем раньше.

Жизнь была ключом, и некогда было тревожиться, что Михей снова нападёт.

Бедая пришла откуда не ждали. Неожиданно стала чахнуть Лель. Я пыталась выпросить её, что случилось, но яблонька вздыхала и понуро шевелила листочками. Понять, что именно с ней приключилось, она и сама не могла, но чувствовала себя плохо. Муж разводил руками – у него фамильяра не было, и он не знал, как лечить их хвори. Вран тоже с подобным не сталкивался. Но я руки опускать не собиралась. Раз не помогает сила, найдётся иное решение!

Я отправилась на городскую площадь, где раньше видела лавку травницы. Вдруг её владелица поможет? К тому же была и ещё одна

причина для посещения: женские дни так и не пришли. Рассказать об этом мужу даже мысли не было – если подозрения подтвердятся, Финист перестанет брать меня с собой в опасные предприятия. А я хотела быть рядом с ним, и неважно, насколько это рискованно.

Толкнула дверь в лавку – мелодично звякнул колокольчик, – и зашла внутрь. Там веяло прохладой и вкусно пахло травами. Небольшие сушёные пучки были развешены по углам, собранные в мешочки и подписанные травы лежали на прилавке, седовласая полненькая хозяйка что-то молола в ступе, не обращая на меня внимания.

– Не стой столбом, лучше подай мне ковш, да поживее, – не оборачиваясь, велела она. Я выполнила сказанное, не задумываясь. Только потом поняла почему: Вран говорил так же. – Хорошо, теперь потолки в ступе, пока я не закину листья.

Старушка готовила диковинную мазь, то и дело требуя от меня каких-то мелочей. То стебель порезать, то лепестки оборвать. Несмотря на приказной тон, помогала я в охотку и с интересом. Похоже, готовить такое снадобье в одиночку и правда было бы трудно.

Наконец травница закончила и переложившая получившуюся мазь в деревянную коробочку. Затем схватила мою руку и на мгновение прикрыла глаза.

– А ты неглупая девчонка. Колдовство сразу чувствуется. – Она довольно улыбнулась и отпустила меня. – И как, сильно Вран гоняет?

– Вы его знаете?

– Мне ли не знать.

Травница коснулась рукой брачного браслета с причудливым узором. На нём раскинул крылья ворон – я вспомнила, что видела у колдуна на двери такой же символ. Открыла рот, удивлённо хлопая глазами. Получается, у Врана есть жена, о которой он никогда не рассказывал!

– Догадалась? Я же говорю, неглупая. – Она уселась на лавку и громко крикнула: – Тришка, а ну-ка закрой дверь! У нас перерыв!

Из подсобки выскочила рыжеволосая конопатая девчонка, подбежала к дверям и закрыла их на щеколду.

– А это...

– Нет, это не моя внучка. Так, приёммыш. Подобрала её однажды, с тех пор прижилась. Помогает мне по мелочи. Глядишь, и вырастет

достойная замена.

Тришка, слушая старуху вполуха, бойко расставила на узком деревянном столике в углу самовар и две чашки. Вытащила сушки и выложила на блюде два маленьких кусочка сахара. Затем так же быстро умчалась обратно в подсобку.

– Ты присаживайся, в ногах правды нет, – позвала меня за стол травница и налила горячего ароматного чаю.

Запах шёл одуряющий. Никогда такого вкусного не пробовала. И сушки были сладкие, с маком.

– Ну давай, рассказывай, что тебя тревожит, – потребовала травница, когда мы допили чай.

Я и рассказала.

– Яблонька твоя чахнет, говоришь? И соседский пёс недавно пропал? Слышала я об одном обряде, который может духа-помощника погубить, даже такого сильного.

Старуха в задумчивости крутила в руках чашку с остатками чайных листьев на дне. Признаться, я думала, что она хочет погадать на чайнках, но на моё предположение она закашлялась и рассмеялась. Пусть и была травницей, но колдовством почти не владела.

– Надо проверить, не зарыта ли под корнями собачья кость, – посоветовала старуха и, порывшись у себя по полкам, дала мне мешочек с набором трав. – Если найдёшь, руками кость не бери, перчатки надень. А место то травами присыпь, они злое колдовство разрушат.

Я с благодарностью приняла совет и травы. Плату за травы старуха взяла, но лишнюю «случайную» монетку вернула.

– Захочешь отплатить за совет – заходи в лавку, поможешь с растениями. Тебя травы хорошо слушаются, а я ведь их не только собираю, но и выращиваю. А что со вторым вопросом? Вижу, не одна у тебя печаль.

– Не печаль, напротив, – смутилась я и, краснея всё больше, рассказала о своих мыслях о будущем ребёнке.

Старуха усмехнулась.

– Сразу видно, что тебя Вран учит. Он, паршивец, любит болтать о чём не надо, а вот по делу – умолчит. Сила колдовская – она как ребёнок. Её выносить надо. Вот и женское твоё начало на время

закрылось, покуда сила растёт. Не бойся, не ждёшь ты малыша. Можете пока с мужем беззаботно любиться!

Я снова покраснела от её слов, хотя, казалось бы, куда уж сильнее? Облегчение смешалось с огорчением. Всё-таки я мечтала о детях, а вышло, что это не жизнь народилась, а сила моя откликнулась на ласку мужа.

– А... сколько обычно она растёт?

– У всех по-разному. – Старуха качнула головой. – Кому-то и месяца хватает, а другие годы тратят, чтобы взрастить. Но ты ещё молодая, так что не волнуйся, успеешь с детками понянчиться.

Я кивнула. И впрямь, когда мне с малышом колдовством заниматься? Я сейчас и за Алёшей-то едва успеваю следить, а там и вовсе не до обучения будет.

– Ну, ступай. Беспокойно нынче в городе, лучше не бродить затемно, – поторопила травница.

И правда, солнце за окошком уже садилось.

Вышла я из лавки – и не увидела, как старуха опрокинула чайники на блюде и, посмотрев на получившийся узор, тяжело вздохнула.

* * *

Лель стояла понурая, склонив ветки едва ли не до земли. Листья пожухли, а наливные яблоки сморщились и попадали на землю. Я позвала яблоньку, но в ответ раздался лишь тихий стон. Обняла, но она не шелохнулась. Отчаявшись достучаться до неё, я присела на корточки, ощупала землю вокруг. Если кость зарыли, то должны были остаться следы. Хотя что-то – ведь творить злодеяние надо было быстро, чтобы ни мы, ни Лель не заметили!

По другую сторону от яблони, ближе к соседскому забору, была примята трава и взрыхлена земля! Не мешкая, я схватила лопату, раскопала подозрительное место и увидела в чернозёме розовато-белую кость. Была ли это кость дружелюбного Толстяка или кого другого, я не знала, но последовала совету травницы и осторожно вытащила останки, а после посыпала осквернённую землю из мешочка. Кости сожгла, пожелав тому, кому они принадлежали, покоиться с миром.

За этим занятием меня и застал муж и обнял за плечи. Колдовской ветерок помог пеплу развеяться, а я всхлипнула, осознавая, что кто-то убил живое существо, чтобы погубить Лель. Но зачем? И кто это мог быть? Вряд ли Михей – он понятия не имел, что я – колдунья.

– Лада... Ладушка... – тихо прошелестела яблоня, и я повернулась к ней. Лицо Лель проявилось на стволе: блеклое, полупрозрачное.

– Как ты? – Я обняла дерево, отдавая часть силы, но ветки оттолкнули меня прочь.

– Торопись, Ладушка... Беги! Я не успела... Не остановила! Не смогла! – Её листья шелестели, и в этом шёпоте сквозило такое отчаяние, что я испугалась.

– О чём ты говоришь?

И тут по коре покатился сок. Как настоящие слёзы.

– Он забрал их! Михей забрал Алёну и Алёшу, – ответил вместо яблоньки Вран, чуть ли не вывалившись из дома. Избитый до полусмерти, шептун едва держался на ногах.

Я бросилась к мастеру, а Финист, побледнев, вскинул руки. Его ветер забушевал вокруг, выискивая, куда отправился Михей.

Никогда ещё мне не было так страшно, даже когда русалка тащила меня на дно. Даже когда мы вытаскивали с того света Марфу или спасали Милу. Куда идти, что делать? Беспомощность сковывала похлеще цепей. Всё, что мне оставалось, в беспокойстве метаться от пострадавшего Врана к мужу. Ветер Финиста пронёсся по всему городу, но Михей будто сквозь землю провалился! А вместе с ним и наши родные.

– Есть одно место, где они могут быть, – пробормотал Финист, закончив колдовать.

Тут в калитку постучали, и такой знакомый обыденный звук заставил меня подскочить на месте. Я бросилась открывать. На пороге стоял Святослав Вранович, хмурый, с разбитой скулой и в помятом мундире.

– Что случилось? – с порога спросил он.

– Алёшу похитили. Вместе с Алёной, – ответил Финист. – Как ты догадался?

– Почувствовал чужую силу и рванул к вам. Точнее, хотел рвануть, но на выходе меня поджидали два головореза. Парни ими занялись, думаю, к вечеру будем знать, кто их нанял.

– Вечером будет поздно.

У Святослава заходили желваки, затем он отвёл глаза.

– Ты же знаешь, это нарушение полномочий.

Финист рванул к нему и схватил за грудки.

– Мне плевать! Там мой сын! И колдовство его не находит. В городе есть только одно место, куда не проникает мой ветер.

– Если ты ошибся, нам обоим несдобровать.

Я видела, что сыскарь колеблется. Несмотря на дружбу, подставляться под удар он не хотел. Но и преступников оставлять безнаказанными не собирался.

– Поверь, лучше бы я ошибся. Правда понравится тебе ещё меньше. Ты поможешь?

Святослав вдумчиво посмотрел на Финиста и кивнул.

– Да. Идём.

– Куда? – Я подскочила к мужу, ухватившись за его ладонь. Из их разговора я поняла лишь то, что Финист знает, где похититель.

– В дворцовые подземелья. Это единственное место, защищённое от моей силы. Плиты, которыми выложены стены, сдерживают колдовство. Даже на обычный огонёк тратится столько, что колдуна после этого шатает. Но у Михея есть оберег, позволяющий избежать их воздействия.

– Его серьга! – воскликнула я. Судя по кислому лицу Святослава, попала в точку.

– Чего мы ждем? Надо идти.

Я развернулась к выходу, но Финист поймал меня за руку и прижал к себе.

– Ты не пойдёшь.

– Но...

– Святослав, оставь нас, пожалуйста. – Муж дождался, пока сыскарь отойдёт, и взял моё лицо в ладони. – Ладушка, послушай, пожалуйста. Это очень опасно, и я не хочу, чтобы ты рисковала собой. Я не могу потерять тебя. Ты должна жить во что бы то ни стало. Ты и Алёша, вы самое дорогое, что у меня есть. Моя душа, моё сердце. Если с вами что-то случится...

– А если что-то случится с тобой? Как мне жить после этого? – Я вцепилась в его рубашку, словно боялась, что Финист может исчезнуть. – И Алёша мне как родной! И ещё там Алёнушка...

– Тихо, тихо. – Он остановил меня прикосновением пальца к губам, а потом легонько поцеловал в лоб. – Я знаю. Спасу их обоих, обещаю. А ты можешь помочь здесь. Иди в Колдовскую Башню, предупреди отца и Василису. Нужны свидетели, чтобы обвинить Михея. Иначе нам никто не поверит.

– Я поняла. – Внутри меня разрастался тугой комок. Я боялась отпускать Финиста одного, но никому ничего не сказать было бы слишком глупо.

Когда муж ушёл, я прижала руку к губам, сдерживая рвущиеся наружу рыдания. До боли прикусила ладонь, понимая, что ему некогда возвращаться и успокаивать жену. Нет, никаких слёз, надо скорее попасть в Башню!

Я поймала первую попавшуюся повозку, попросив кучера поспешить. И в самую Башню проскочила мимо опеших колдунов, помчалась по коридору, на ходу вспоминая, что рассказывала Василиса о залах. Где же её искать? Так торопилась, что не разбирала дороги и влетела в завернувшего из-за угла мужчину. Торопливо извинившись и подняв глаза, встретила взглядом с оторопевшим Михеем.

– Снова ты?! – воскликнул колдун, прижимая к себе чудом не упавшую от столкновения коробку, в которой что-то звякнуло.

«Жаль, что не упала, – отстранённо подумала я, – на грохот мог кто-нибудь прибежать».

– Добрый вечер, господин, – поклонилась я, отчасти потому что ноги подкашивались, отчасти из желания напомнить, что я глупая служанка, не заслуживающая его внимания.

Вместо ответа колдун грубо схватил меня за руку и потащил за собой по коридору. Как назло, по пути никто не попался. Вымерли все, что ли?

– Куда вы меня ведёте? – Я постаралась, чтобы в голосе звучали страх и подобострастие. Запрятала собственную силу подальше, надеясь, что в стенах Башни, пропитанных колдовством, он её не почувствует.

– Я не верю в судьбу. Но когда жизнь так часто сталкивает с кем-то, это заставляет задуматься.

Колени предательски задрожали. Видимо, мой испуг был замечен, потому что колдун смягчился.

– Ты ладишь с детьми?

– Что?

– Слышал, что новая работница у Кощея поладила с его внуком, и сразу подумал про тебя. Ты сможешь присмотреть за ребёнком?

– За вашим?

Михей криво ухмыльнулся.

– Нет. Но не волнуйся, ты его знаешь.

Мы дошли до лестницы и стали спускаться. Постепенно светлые проходы Башни, выложенные из белого камня, сменились серыми полутёмными помещениями, идти по которым стало намного сложнее. Тускло горели факелы, отражая пугающие тени. То здесь, то там под ногами попадался мусор, по стенам стекали капельки влаги, а запах стоял такой, что хотелось хорошенько прокашляться. А ещё лучше – не дышать.

– Ах, да, ты хорошо справилась со своей задачей.

Я едва успела поймать кинутую монетку. Михей отпустил мою руку, но я понимала, что бежать бесполезно, и шла за ним.

– Ты ведь не обычная служанка, да?

– О чём вы? – Голос дрогнул, но, похоже, Михей предполагал подобный ответ.

– Да брось, ты прислуживала в доме у двух колдунов. И на поясе у тебя мешочек из лавки травницы. Уверен, ты знала о свойствах сон-травы...

Он не обернулся, но я почувствовала, как волосы у меня встают дыбом. Надо было что-то придумать, ответить, пока не стало поздно, пока Михей не прибил меня в этих катакомбах.

– Я его ненавидела! Мерзкий старик! Он заслужил это! – выпалила я, стараясь выплеснуть в слова всю злость, на которую была способна. Оставалось надеяться, что Михей поверит. Не хотелось умирать с ложью на устах. Да и вообще умирать не хотелось.

– Откуда такая ненависть? – со спокойным любопытством спросил Михей, чуть скосив на меня взгляд.

Я сделала вид, что смутилась.

– Мне нравился Финист. А Кощей был против. Высмеивал меня...

Договорить я не успела. Михей рассмеялся, приложив ладонь ко лбу.

– Любовь! Так вот в чём дело! Все вы бабы – дуры, когда дело касается любви. Я уж подумал, что ты меня за нос водила, а сама

колдунья.

– Да какая из меня колдунья? – натянуто засмеялась я вместе с ним.

– И то правда. Будь ты колдунья, этот камушек выпил бы из тебя все силы.

Он, словно лаская, провёл рукой по едва заметному алому узору, идущему вдоль стен. Не обратил бы моё внимание, я не заметила бы. Зато поняла, что мы идём в нужное место. Плохо, что предупредить Кощея я не успела... А Башня, выходит, с самим дворцом катакомбами связана?

Мимо прошмыгнула крыса, и я дёрнулась от неожиданности.

– Не бойся, не укусит. – Михей замахнулся на крысу, но та сбежала в какую-то щель. – Хорошо, что ты не колдунья. Жаль терять такую полезную помощницу! Будешь и дальше помогать, научу некоторым уловкам. И от мужа избавлю нежеланного, – он кивнул на браслет, – раз уж тебе другой полюбился.

Это же насколько ему одиноко, что он со служанкой так словоохотлив?

Ответить колдуну я не успела. Он будто прислушался к чему-то, а затем встряхнул руки, и по сторонам разлетелись капли воды.

– Они здесь. Идём скорее, нехорошо заставлять гостей ждать, – недобро усмехнулся Михей.

Едва войдя в залу, я поняла, что ловушка захлопнулась. Тяжёлая металлическая решётка отделяла Финиста и Святослава от помещения, куда мы зашли. Сыскарь ругался, в кровь разбил кулаки о железные прутья, а на мужа было страшно смотреть: бледный, измождённый. Камень подземелья вытянул из него почти все силы.

В тёмном углу скрючился Алёша, обхватив себя руками, и отчаянно дрожал. Он не плакал, тихо всхлипывал на одной ноте. А на полу без сознания раскинула руки-ноги Алёнушка, и царевич вырезал на девичьей коже чернокнижные знаки. Сестра не шевелилась, не стонала. Едва заметно вздымалась грудь. Всё-таки для обряда Алёнушка нужна была живой.

– Принёс? – закончив с очередным знаком, царевич повернулся к Михею. Тот показал коробку и поставил её на стол. – Хорошо. Столько времени потеряли из-за того, что эта дура разбила накопители! – Сирин злобно взглянул на Алёнушку, уже успевшую им чем-то насолить. – А это кто? – указал он на меня окровавленным ножом. – Ещё одна колдунья?

– Нет, моя новая помощница. Поклонись, живо! – Михей вытолкнул меня вперёд, и Сирин уставился с прищуром. Я мазнула косой по полу, пряча лицо.

– Такое ощущение, что я её где-то видел.

– Она умудряется попадаться в самых неожиданных местах, – хохотнул Михей. – Иди, девушка, успокой мальчишку. Да не вздумай болтать!

Следуя его указанию, я подошла к Алёше и обняла его. Ребёнок вцепился в меня. Хорошо, догадался не выдать и только судорожно дышал сквозь сжатые зубы.

– Наконец-то он заткнулся. Голова от его нытья заболела, – довольный наступившей тишиной царевич снова повернулся с ножом к Алёнушке.

Сила внутри меня опасно забурлила. Нет, не могла я так просто наблюдать за этим!

– Отпусти Алёну, с неё силы – крохи. Возьми меня! – стукнул по решётке Финист, привлекая к себе внимание.

– До тебя ещё дойдёт очередь. Сначала закуска, потом основное блюдо, – ответил вместо царевича Михей, вытаскивая из коробки камень, напоминающие камень на его серье. – Тебе интересно, что это? – заметив мой взгляд, спросил он.

Я торопливо кивнула: если царевич и Михей отвлекутся на разговоры, я выгадаю немного времени.

– Накопитель. Хранить чужую силу очень сложно, но с помощью него можно держать её при себе. Наполненный силой, камень становится хрупким. Когда закончился свой запас, достаточно раздавить его – и всё! Запас полон! – Михей покрутил камень в руках. – С такой слабачки, как та девица на полу, силы едва ли хватит, чтобы заполнить половину. А вот с него, – он кивнул на Финиста, – с него можно собрать гораздо больше.

– Но ведь он сейчас бессилен, – не поняла я. – Вы сами говорили, что камни здесь вытягивают колдовство!

– Настоящая сила глубже. Она, как кровь, течёт внутри. Ведь даже если колдун истратит всю силу, он не перестанет быть колдуном. – Михей хитро посмотрел на меня. – А ты никак за него волнуешься?

– Да как не волноваться! Я же не дурочка, слышала об убийствах в городе, – пробормотала я, с мольбой уставившись на Михея. – Может, дадите с ним попрощаться? Мы же не целовались ни разу. – Я сделала вид, что смущаюсь, и уставилась на носки своих башмачков.

В этот миг царевич покачнулся, схватившись рукой за грудь, и закашлялся. Алая кровь оросила белую рубаху, и Михей подскочил к нему, отводя от Алёнушки и помогая опуститься на низкую скамью у стены.

– Подождите, ваше высочество, сейчас вам станет легче. – Он положил ладони ему на лоб, и потоки силы, свиваясь голубыми спиралями, устремились к царевичу. – Я доделаю всё сам, отдохните немного.

– Д-дай!

– Хорошо.

Колдун резанул себя по руке, и царевич впился в рану губами, вытягивая силу вместе с кровью. Жуть какая! Слышала я про упырей, но чтобы вживую увидеть!..

– Так я могу... – повторила я.

– Делай что хочешь! – рявкнул Михей.

Лечение явно давалось ему с трудом. Вот для чего им шептун был нужен – Алёша мог подпитывать Сирина годами. И что дальше? Они собирались держать его здесь на цепи?

Прошептав сыну, что всё будет хорошо, я на подгибающихся ногах подошла к Финисту и встала напротив. Нас всё ещё отделяла решётка, но я схватила его протянутую руку.

«Что ты здесь делаешь?» – читала я отчаянный вопрос в его глазах.

Вместо ответа потянулась к нему, к его губам, отчаянно желая передать через поцелуй всю силу, что у меня накопилась. Я отдавала себя без остатка, рушила наложенные камнем барьеры, сметая их на своём пути, словно тех никогда и не было.

– Что такое? – недоумённо оглянулся Михей, зажимая окровавленную кисть.

Тут решётку вырвало из земли, отбросило в сторону. Железные прутья с таким грохотом ударились о каменный пол, что уши заложило.

Ветер Финиста и вода Михея вступили в схватку. Верховный колдун сил не жалел, но муж ему ни в чём не уступал. И всё растерянней делался Михей: не верил он, не понимал, как такое возможно. Финист должен был без сил лежать на полу, а не разбрасываться ветром направо и налево.

– Откуда в тебе столько силы?! – взревел верховный колдун, резко сложив ладони, отчего струя воды обратилась в стену. Затем посмотрел на меня, и его взгляд стал понимающим и каким-то... хищным, что ли? Передавая силу Финисту, я перестала сдерживаться, и вокруг меня бушевали целые потоки. – Так ты шептунья! – Михей даже на мгновение прикрыл глаза и втянул носом воздух, не скрывая, что наслаждается ароматом силы. – Это всё меняет. Я отпущу всех, если ты останешься здесь.

Финист задвинул меня за спину.

– По-моему, ты сейчас не можешь указывать, – заметил он.

– Ты так думаешь? – Михей одной рукой сдёрнул серьгу и сломал камень, выпуская скопленную там силу.

Мужа отбросило к стене мощным потоком воды. Святослава, который пытался незаметно обойти Михея со спины, подкинуло к потолку и так же резко отпустило – я была готова поклясться, что услышала хруст костей при падении. Больше сыскарь не двигался. Меня тоже зацепило волной, я захлебнулась, а когда попробовала выплыть, оказалось, что вокруг меня сжимается плотный кокон, не давая пошевелиться. Воздуха не хватало, я в ужасе забила ладонями по воде, но в этот миг Михей отпустил кокон.

Упав на пол, я судорожно пыталась отдышаться и откашляться.

– Не бойся, тебя я не убью. Ты для другого сгодишься.

Михей приблизился и присел на пол рядом со мной, проводя рукой по мокрым волосам. От его прикосновения и улыбки затрясло. Затем он резко схватил меня за волосы и впился в губы долгим, грубым поцелуем, от которого едва не стошнило. Показалось, что из

меня не только силы забирают, но и что-то гораздо более важное. Да чтоб тебя! Я дёрнулась и укусила его за губу.

– Дура! Была бы со мной, бед не знала бы. – От сильной оплеухи я повалилась на пол, а Михей вытер окровавленную губу и повернулся к лежащей на полу Алёнушке. – Ну что, сама займёшь её место, или мне сначала из сестрицы твоей силу выкачать, Лада Митрофановна? – впервые обратился он ко мне по имени.

Взгляд его переметнулся на Алёшу – мальчик подскочил к Финисту, пытаясь привести того в чувство. Муж был жив, я чувствовала, как теплится мой брачный браслет, но в сознание не приходил.

– Хотя сначала я могу попробовать и с мальчишкой... Может, тогда ты станешь посговорчивей?

– Нет! – Я вскочила и заслонила обоих. – Что мне надо делать?

– Вот это другой разговор! – Михей довольно грубо оттолкнул к стене Алёнушку.

Та откатилась по полу, как тряпичная кукла, но я заметила, что на самом деле сестра уже очнулась, просто не подала виду. Это вселило в меня слабую надежду. Вредная, даже озлобленная сестрица была зато хитрой и изворотливой. Я надеялась на её умение выходить сухой из воды.

– Ложись! – Михей указал рукой на освободившееся место, и я легла на жёсткий холодный пол.

– Знаешь, если ты выживешь, мы можем стать друзьями. Близкими друзьями. – Михей наклонился надо мной, проведя рукой от щеки к вырезу платья, и приступ тошноты повторился. – Неплохо бы забрать у тебя немного силы до обряда.

Он потянул за шнуровку, но Сирий снова закашлялся, и верховный колдун с сожалением отстранился.

– Не медли! – прохрипел царевич, и Михей тут же начал расставлять вокруг меня камень.

– Знаешь, в чём прелесть шептунов? – Он разрезал ножом моё запястье. Боль была почти неощутима, но страх захлестнул с головой. – Большую часть подготовки можно опустить. Не нужно сосредотачивать силы в одном месте – у вас их и так с избытком.

Кровь потекла в едва заметные желобки на полу, а Михей что-то зашептал, заставляя древнее колдовство пробудиться. К порезам будто

присосалась пиявка, но сила уходила не слишком заметно. Склонив голову на бок, я наблюдала, как тонкие её ручейки стелются по полу, сгущаясь у камней, как бесцветный горный хрусталь приобретает насыщенный кровавый цвет.

– Получается! – самодовольно заметил Михей, дождавшись, пока один из камней наполнится силой. Вытащил накопитель и тут же заменил новым, а заполненный передал царевичу.

Тот схватил его дрожащими руками и крепко сжал. Неестественная бледность отступила, на щеках появился румянец, а прерывистое дыхание выровнялось. Опустошённый накопитель отлетел в сторону.

– Как вы себя чувствуете? – с волнением спросил Михей, и Сирин улыбнулся, как объевшийся сметаны кот.

– Восхитительно! – Он требовательно протянул руку. – Дай ещё.

– Вы же знаете, сразу много нельзя, – мягко возразил Михей.

Царевич выбранился и оттолкнул его. Приблизился, нетерпеливо наблюдая, как наполняется силой следующий камень.

– Ты можешь это ускорить? – потребовал он.

– Это опасно.

– Пусть! – руки Сирина дрожали. – У нас есть ещё мальчишка и два колдуна, так что на твои опыты хватит! Я хочу её силу. Целиком. Сейчас!

– Зачем же торопиться?

– Мне сделать всё самому? – Царевич развернулся, схватил со стола нож и двинулся ко мне.

Он выглядел сумасшедшим. Он и был сумасшедшим, раз по его поручению убили столько людей.

– Ваше высочество!

– Не вмешивайся! – бросил он сквозь зубы и с силой ударил ножом по моей руке.

Это уже не был осторожный разрез: кровь хлынула рекой, и сила из тонкого ручейка превратилась в полноводный поток. Михей невозмутимо сменил заполненные силой камни пустыми. Сирин прикипел ко мне алчным взглядом, затем слизнул кровь с пальцев, схватил мою руку и с утробным урчанием присосался к ней, как упырь.

Дико, больно, страшно! В голове вдруг всплыли слова Врана:

«У обычных колдунов, в отличие от нас, колодец для силы не бездонный. Кинь туда больше – и пойдёт сила веселиться в крови. А коли много её – бум! – и нет колдуна!»

Кажется, я поняла, что должна сделать.

Хотел сил – получи сполна! С ненавистью глядя на Сирина, я направила всю свою силу наружу, передавая мощным потоком. Блаженное выражение на лице царевича сменилось растерянностью, недоумением, а затем ужасом.

– Это тебе за тех, кто погиб по твоей прихоти. Лопни! – выдохнула я, схватив его за руку и удерживая. Он пытался отстраниться, оттолкнуть меня, но я держала крепко.

Только бы не вмешался Михей!

– Дрянь!

Удар ножа по руке заставил меня разжать хватку. В глазах Сирина я прочитала приговор: он не собирался оставлять меня в живых. Слишком напугался того, что могло произойти, слишком напугался силы, ему неподвластной. Сирин снова занёс нож, но вдруг с криком выронил его из руки – рукоятка раскалилась.

– Не трожь мою сестру!

Бледная от недостатка сил Алёнушка сложила руки в самый простенький знак для вызова огня. Никак читала мой трактат для начинающих колдунов. Её шатало – здешние стены и правда выпивали досуха. Удивительно, что у неё вообще получилось это простенькое колдовство!

– Что ты стоишь?! – перепуганный Сирин обернулся к верховному колдуну и оторопел: Михей не мог ему помочь. Он бесформенным мешком валялся на полу, а рядом с ним с тяжёлым подсвечником в руке стоял Святослав.

– Сдавайтесь, ваше высочество, – сказал сыскарь, не решаясь, впрочем, ударить царевича. Но и отпускать его он тоже не собирался, перегородив проход.

До меня донеслись голоса и топот – в подземелье бежали люди, и, узнав голос Кощея, я выдохнула с облегчением.

Сирин, однако, и не думал сдаваться так просто. Я не поняла, когда Алёша оказался возле него – то ли он бежал ко мне, то ли Сирин дёрнулся в его сторону, но царевич схватил мальчика и выставил перед собой как щит.

– Ещё шаг, и я сверну ему шею, – предупредил он, начиная медленно отступать. Попутно схватил со стола несколько наполненных камней, бросив себе в поясной кошель. – Вели своим людям меня пропустить.

Ворвалась охрана. Вышколенные годами службы стражи остановились по одному жесту Святослава. Я видела – сыскарь колебался и готов был пожертвовать жизнью Алёши, если потребуется.

Сирин пятился к выходу. Шаг. Ещё шаг.

Мальчик глянул на меня и разжал кулак – на пол упало яблоневое семечко.

– Давай, мама!

А я медлить не стала. Прижала ладонь к полу, представляя, как из земли вырастает тонкое деревце, пуская корни на пути царевича.

Сирин споткнулся, нелепо взмахнув руками, и упал. Но прежде чем его схватили, негромко хрустнули раздавленные накопители. Чистая сила взметнулась в воздух, вливаясь в ближайший доступный для неё сосуд, уже и так наполненный до краёв.

Раздался крик, громкий хлопок...

И всё стихло.

* * *

Помню, как обняла подбежавшего ко мне Алёшу, как, хромя, подошёл Финист и что-то успокаивающе говорил. А затем – туман. Силы, поддерживающие меня, схлынули, и я провалилась в пугающую тревожную темноту. Изредка слышала чужие голоса, но едва их понимала. Вроде бы меня похвалил Вран, а может, то было в бреду. С такой гордостью наставник никогда обо мне не говаривал.

Из всей сумятицы образов и снов, только один запомнился хорошо.

Алёнушка пришла очень тихо, присела на краешек кровати и поведала, что натворила по глупости и незнанию. Оказалось, что Михей встретил её в городе ещё в день приезда и убедил, что я околдовала Финиста. Что силы, которые поддерживают моё чёрное колдовство, скрываются в растущей в саду яблоне. Он даже кости собачьи ей передал, пообещав, что это отведёт от дома беду. Михей до

последнего думал, что Лель – дух-помощник Финиста. Когда Алёнушка поняла, что натворила, было уже поздно. И она сполна заплатила за свою глупость – шрамами на теле, и гораздо более глубокими – в душе.

Она долго винилась, не ожидая от меня ответа, а затем так же тихо ушла.

Когда я очнулась по-настоящему, то на скамье в наших покоях спал муж, а под боком – Алёша. Стоило мне пошевелиться, как Финист открыл глаза и оказался рядом.

– Как ты?

Он взял мою ладонь, и я слабо улыбнулась. Чувствовала я себя нормально, если не считать ноющей боли в израненных руках.

– Хорошо. – Я улыбнулась ему, чтобы поверил – всё взаправду хорошо. – А ты?

– Вран передал мне немного сил. Всё-таки катакомбы – дрянное место. Там из меня будто душу вынули.

– Из меня тоже...

Я вздрогнула, и Финист переплёл наши пальцы, даря умиротворение и чувство защищённости.

– Что с Сирином и Михеем?

– Михея ждёт суд и, наверное, смертная казнь...

– А царевич?

– Всем сказали, что он скончался после тяжёлой затяжной болезни.

– А на самом деле? – уточнила я шёпотом.

Алёша крепко спал, и я боялась разбудить его нашими разговорами.

– Лопнул от избытка силы. Даже тела не осталось. Завтра будут хоронить в пустом гробу. Зато со всеми почестями.

– Он их не заслужил.

Я вспомнила заклинательницу огня, ставшую невольной жертвой, призрак мужчины в сыскном управлении, вспомнила страх в глазах Милы...

– Он мёртв, и это главное, – прервал Финист страшные воспоминания, а затем поправил подушку, на которой я лежала, и, ловко перебравшись через меня, лёг позади, обняв за талию. –

Отдохни немного. Теперь всё будет хорошо, – пообещал он, выдыхая слова мне в шею.

В этот раз я нисколько не сомневалась, что он прав.

Несколько лет спустя

Башня колдуна возвышалась над городом мрачной чёрной скалой. Из-за остроконечного шпиля с сидящим на нём чугунным вороном она казалась ещё выше. В узких бойницах можно было разглядеть винтовую лестницу, а буйные кусты шиповника окружали его природной оградой. Шипы словно бы говорили желающим навестить старого шептуна: а ну-ка, попробуй, пройди!

Однако кое-кто проходить умудрялся. Из верхнего окна полыхнул пламень, следом раздалась ворчливая ругань, а потом звонкий девичий голос принялся что-то бойко доказывать. Огонь снова вспыхнул, но уже не такой яркий.

Я улыбнулась, а Финист фыркнул:

– Кажется, Вран нашёл себе ученицу под стать.

– Нрав у них обоих не мёд, – по привычке заступилась я за младшую сестрицу.

С тех пор, как её не взяли в Колдовскую Башню, Алёнушка училась дни напролёт, чтобы в следующем году обязательно утереть всем нос.

– Может, ну его, это приглашение? Пусть отец сам занесёт. – Финист с сомнением посмотрел на содрогающуюся от колдовства башню, но я качнула головой.

– Василиса обидится. Я обещала, что передам приглашение на их свадьбу лично в руки.

– И почему моя жена такая добрая? – Финист притянул меня к себе, ласково целуя в нос, и я улыбнулась.

– Наперегонки? – предложила я, показывая на верхнее окно башни. – Победитель получает поцелуй.

– Беспроигрышное состязание, – рассмеялся муж, и в тот же миг ввысь вспорхнул пёстрый сокол.

– Эй, так нечестно! – закричала я в ответ и пушистой сипухой взлетела следом.

Эпилог

Вторую неделю в столице стояла невыносимая жара. Мостовая нагрелась так, что камни обжигали сквозь кожу сапог. То здесь, то там вспыхивали пожары: горело сено, солома, лес. Дым от лесных пожарищ пришёл в город, завесив улицы плотным едким туманом.

Алёша предпочёл бы отсидеться в сыском управлении, но Святослав выпер его патрулировать улицы. А раз уж всё равно пришлось дышать дымом, то пять вёрст не круг: почему бы не заскочить к бывшей соседке-цветочнице? На годовщину свадьбы родителей он просто обязан преподнести матушке букет. Вон те пионы выглядят отлично: пышные, насыщенно-розовые. Или лучше пёстрые гиацинты?

– Ты ведь не высматриваешь, что украсть? – окликнул Алёшу звонкий голос, и он отпрыгнул от изгороди, торопливо обернувшись.

Мила – хозяйка сада и его подруга детства – смотрела с напускной строгостью, но глаза смеялись. Это он удачно зашёл. Мог бы и без толку у калитки простоять! Судя по тяжёлой корзине с овощами в руках, подруга только вернулась с рынка.

– Вообще-то я хотел купить цветы. Так что украду немного твоего времени, – не остался в долгу Алёша.

Мила кивнула – мол, заходи, – бедром толкая калитку.

А ведь хороша плутовка! Или ему голову напекло на солнцепёке?

Алёша взгляда не мог отвести. Густую чёрную копну Мила собрала лентой, оголив шею, да и платье выбрала лёгкое, голубое, с тоненьким пояском. Видать, неслучайно матушка у него спрашивала, люб ли ему кто. Как чуяла, что у него такие мысли зародятся.

– Идёшь на свидание? – не удержался он от вопроса.

Мила бросила раздосадованный взгляд через плечо.

– Если бы. Не поверишь, купцы решили прямо перед царскими именинами собрание устроить. Думают, я сбегу на площадь танцевать, а они промеж собой порешают, у кого ткани закупать и кому за сколько сбывать. Размечтались! Не для того меня отец за старшую оставил, чтоб я по гулянкам вместо работы бегала. Вот я и решила – заявлюсь в таком виде, чтоб им стыдно стало, какую красоту роздыха лишают!

Алёша кивнул. Он знал, что Борей, её отец, уже полгода как уехал из Ярограда по торговым делам, надеясь открыть лавки в небольших городах. Вся работа по дому упала на плечи Милы, но девушка не жаловалась. В отличие от сестёр, ткать она не любила, зато отличалась удивительной деловой хваткой. Так что обрадованные отъездом отца жадные перекупщики ушли ни с чем – девушка продолжала работать спокойно и обстоятельно, постепенно приобретая вес среди торговцев. Ну а то, что её цветочное дело развивалось, добавляло значимости словам.

Мила болтала, не забывая касаться кончиками пальцев тянувшиеся к ней растения. Капелька силы там, капелька тут... Колдовство помогало саду выдерживать угнетающую жару. Друзья шли по утоптанной тропинке вдоль колокольчиков и ромашек, и цветы приветливо качали головками, источая дивный аромат.

– Подожди, я корзину в дом занесу, а там расскажешь, как дела и кому букет. Не случайно ж ты о свиданиях заговорил, – подмигнула подруга и скрылась в доме, оставив после себя сладкий цветочный запах. Вернулась она быстро, он даже заскучать не успел. Заодно вынесла кусок вишнёвого пирога и кружку кваса, которую он опустошил за миг. – Давненько ты не заглядывал. Всё работаешь?

Наедине Мила позволяла себе многое. Сесть вот так запросто на землю под раскидистый ясень, вытянуть ноги, скинув туфельки, распустить ворот. Шрамы выгорели на солнце и у ключиц на загорелой коже проступали особенно ярко. Мила не смущалась оставленной на ней в детстве чернокнижной надписи. За годы отучилась.

– Работы много. Я ведь новичок, полгода на службе. Так что отдыхать не дают, – с аппетитом поедая пирог, признался Алёша, устроившись рядом под сенью дерева. Он тоже скинул кафтан и закатал рукава – сыскная форма была обязательной и очень уж душной.

– Слышала от Лады, что ты недавно опасного преступника поймал.

– Ты матушку слушай больше! У неё любой, кто нож в руках держать умеет, опаснее некуда. Обычный вор был. Таскал с собой колдовской амулет, глаза отводящий, вот стражникам и не удавалось его схватить. А для меня-то колдовство – пшик один!.. – Травинка в его руках вспыхнула и развеялась, и Алёша запустил пальцы в короткие

волосы. – Слушай, я ведь к тебе из-за матушки и зашёл. У них с отцом годовщина свадьбы, хочу цветы подарить...

– Ну вот! А я уж решила, ты себе зазнобу завёл, – разочарованно протянула Мила, но тотчас вскочила на ноги, так и оставив туфельки под деревом. – Хотя Лада Митрофановна, конечно, поважнее будет. Идём, подберём самый лучший букет! – Она схватила его за руку и повела по саду, показывая распустившиеся цветы.

– Что насчёт фрезий? Посмотри, какие нежные, идеально подходят для свадебного букета. Или соберём вместе лаванду и ромашки? – Она склонила два цветка друг к другу, показывая, как они будут смотреться в букете.

Алёша тоже посмотрел, хотя куда больше доверял мнению Милы. А когда она выпрямилась, вдруг понял, что подруга ему по плечо. Надо же, он и не замечал, насколько вымахал по сравнению с ней.

– Выбери на свой вкус.

– Ну уж нет. Твой подарок, твой и выбор. – Она обошла и подтолкнула его к палисаднику. – Но посоветовать могу.

Маленькие ладони упёрлись ему в спину, и Алёша рассмеялся её попытке сдвинуть его с места.

– Ладно-ладно, я понял. Тогда...

А это оказалось куда интереснее, чем он думал. И его неловкие попытки превратить букет в веник (чем больше цветов, тем лучше!), и то, как один колосок может добавить завершающий штрих.

– Держи. – Мила протянула ему букет из ромашек и колокольчиков, с золотистой пшеницей. – Передавай мои поздравления родителям.

– Может, вечером зайдёшь? Матушка тебе рада будет, – с надеждой спросил Алёша: уж больно не хотелось расставаться, не наговорились ещё.

– Вряд ли с собрания успею, – вздохнула Мила. – Но, если не устанешь, можно на танцы пойти. Вечером-то на площади повеселей будет! – Она блеснула белозубой улыбкой. – Сходим?

– Кто ж такую красавицу одну отпустит? – Алёша подмигнул и шутиливо закружил её у калитки.

Оба расхохотались, нос защекотал аромат фиалок, а Мила вдруг оказалась так близко, что у него дыхание перехватило. Так и застыли напротив друг друга, а затем отпрянули с непривычной неловкостью.

Вот же! А ещё вчера, казалось, они на лугу лежали и облака разглядывали! Нет, это точно ему голову напекло, что он в лучшей подруге девушку разглядел.

– Ну, до вечера тогда? – Смущённо улыбаясь и злясь на самого себя за эту неловкость, Алёша вышел за калитку.

* * *

В сыскное управление он влетел в окно. Надеялся обогнать начальника, да не тут-то было: старший сыскарь, Святослав Вранович, уже был на месте и просматривал последний отчёт.

– Припозднился ты, Алёша Финистович. – Не отрываясь от бумаг, он покачал головой.

Его ретивости никто не удивлялся – злые языки поговаривали, что Святослав женат на работе. Зато преступлений в столице меньше стало, и страже доверять начали. К тому же на то они и злые языки, чтобы трепать напраслину: женским вниманием Святослав обделён не был, хоть семьёй обзаводиться не торопился. Даже тётушка, Алёнушка, сыскаря окрутить не смогла – роман между ними вышел огненным, как и чары колдуньи, но коротким.

– Года не прошло, как на службу заступил, а вечно опаздываешь.

– Извини.

Алёша знал Святослава сизмальства: отцы были дружны, сыскарь у них дома частенько гостил. Так и хотелось его дядей назвать! Но – не положено. Алёша наклонился над столом, разглядывая разложенные бумаги.

– Что-то новенькое?

– Как раз для новичка дело, – кивнул тот. – В доках сгорела какая-то развалюха. Вроде дом заброшен был, хозяина не нашли, но разобраться стоит. Сходи, посмотри, поспрашивай, что к чему.

– Что, прямо сейчас?

Возвращаться на улицу было настоящей пыткой.

– А ты собрался здесь до вечера прохлаждаться, бумажки с места на место перекладывать? – Святослав удивлённо глянул на него и махнул рукой. – Иди, пока солнце высоко. А то народ по кабакам

разойдётся, будем байки месяц собирать! Ну, что непонятно? Выполняй!

– Так точно, господин старший сыскарь!

Алёша подошёл к окну, ударился о пол и седым луном взлетел на подоконник.

– Хватит выделяться, а то быстро охлажу. – Святослав шутливо пригрозил ему кружкой с водой.

Алёша, возмущённо квекнув, полетел к докам. Будучи птицей, подслушать болтовню проще, да и идти по городу по солнцепёку не хотелось. Но что это за дурацкое дело – сгоревший дом?! По такой погоде трухлявые деревяшки частенько вспыхивают. Почему же к настоящим делам Алёшу до сих пор не подпускают? Даже вора, о котором Мила слышала, он поймал случайно – оказался в нужное время в нужном месте. А так и правда, всё бумажки да бумажки – скука, а не работа!

Полетав между рыбаками, Алёша примостился среди бочек, сделав вид, что оглядывается в поисках крыс. На птицу рыбаки внимания не обращали, разговаривали между собой и переплетали сети, так что Алёша слышал всё из первых уст.

– ...видал я, как горело. Полыхнуло до первой мачты! Хорошо, на наш сарай не перекинулось, а то можно было бы с сетями попрощаться, – рассказывал один из рыбаков, в соломенной шляпе.

Сидящий напротив него старик с трубкой выпустил облачко дыма.

– Солнце в этом году так и жарит...

– Тю, солнце! Небось Лютый уснул с трубкой на топчане, вот и сгорело всё.

– А он сам? – лениво уточнил старик.

– Сбежал. Он же домик за гроши снимал. Век не расплатится.

– А жена моя говорит, что это колдовство виновато, – вступил в разговор третий рыбак, с рыжей бородой-лопатой. Со своими сетями он давно покончил, но уходить не торопился. – Она у меня баба учёная, целый год в Колдовской Башне отучилась!

На него тут же набросились остальные.

– Да на кой колдунам этакая развалюха? – на разные лады загомонили рыбаки.

– Мало ли на кой. – Рыжий принял таинственный вид, поглядывая на товарищей с едва заметным превосходством. –

Помните, когда-то тут один чернокнижник непотребства творил? Может, сызнова начал?

– Э, нет. Того колдуна казнили давно... – Старик покачал трубкой.

– Ну не колдун, так упырь какой! Лютый ведь охотником был, вот нежить за ним и пришла. Мстить, – не сдавался рыжебородый, которому идея с колдовством явно пришлась по вкусу.

– Упыри огня боятся, – снова возразил старик.

– Ну не упырь, так ведьма!

– Может, и ведьма, – неожиданно согласился тот, что в соломенной шляпе. – Помните, давеча девка чернявая бродила тут, что-то высматривала, про корабли торговые выпрашивала? Где ж это видано, чтобы девка торговлей промышляла! Как пить дать – ведьма! – Рыбак с сетями покосился на пустынную улицу, словно опасался, что обсуждаемая ведьма сейчас появится по одному его слову.

– Ну ты загнул! Где ж это видано, чтобы баба так колдовала! – хохотнул старик.

Слушать их дальше было бесполезно. Алёша вспорхнул с бочек и подлетел к обгорелому остову дома. Луню рядом с пожарищем делать было нечего. Найдя угол потемнее да поукрытнее, Алёша снова обернулся добрым молодцем и прошёлся по пожарищу, заглядывая под балки, растаскивая завалы. Судя по услышанному, не такой и нежилой дом был: вон, в стороне пищаль лежит, копотью покрыта, а в печи явно кашеварили. Нет, тут осмотреться стоит. Вдруг найдутся следы обычного поджога? Те же словоохотливые рыбаки могли знакомцу подгадить, неспроста говорят, что зависть – смертный грех!

Пока попадался только пепел, дымящееся и почерневшее дерево, разломанные бочки да сгоревший до углей сущик. Алёша уже собирался уйти, когда услышал тихий всхлип и стук: будто кто-то ударил по дереву. Снова. И снова! Он развернулся и бегом бросился разгребать доски. Нет, ему не послышалось: стук раздавался снизу, из подпола, а до подпола добраться надо!

– Эй, парень, ты что творишь? – заметил его проходящий мимо рыбак, а Алёша с трудом оттащил упавшую балку в сторону.

– Помогай, там кого-то завалило, – только и выдохнул он.

Прохожий, разом отбросив дела, кинулся помогать. Вдвоём пошло быстрее, затем ещё несколько человек подтянулись.

– Эй, вы там живы? – крикнул Алёша, когда дверка в подпол впервые показалась из-за завала.

В ответ пискнули тихо и тоненько, без слов, но постучали громко. Вопросы, кто и почему оказался под завалами, были лишние. Сейчас главное – спасти.

Разобрали завалы меньше чем за час. Откинули тяжёлую крышку – и кто-то выбранился, а другие рассмеялись. В подполе, на верёвке, сидели, прижавшись, два грязных волчонка, чёрный и белый. А вот глаза – ясные, почти янтарные, смотрели с испугом. Чёрный волчонок был весь в крови и зарычал, когда Алёша наклонился, чтобы его достать.

– Ну-ну, не балуй, – нахмурился колдун, но торопиться не стал, сначала протянул руку. Волчонок обнюхал её и только после этого позволил к себе прикоснуться.

Алёша вытащил их по очереди, а стоило отвернуться, как они снова прижались друг к другу.

– Вот так находка, – присвистнул первый бросившийся на помощь рыбак и тотчас нахмурился. – Тут охотник жил, Лютый. Наверное, он их и поймал.

Волчата тихонько поскуливали на одной ноте.

– И куда их девать?

– Отвезу в управление, там разберёмся, – решил Алёша и, попросив рыбака присмотреть за волчатами, пошёл ловить какую-нибудь свободную колымагу.

* * *

Увы, в управлении волчат оставить не разрешили. Спасибо хоть покормили: они с жадностью вылакали по миске куриного бульона, будто до этого голодали несколько дней, и теперь с любопытством осматривали приёмную. Толкались мордами в шкафы, заглядывали под стол...

– Лучше бы ты с бумажками разбирался, – выдохнул Святослав, когда увидел, кого притащил Алёша. – Что с ними теперь делать? В лес выпустить?

Сыскарь лукавил – хоть и ворчал, а с волчатами возился больше других, даже отправил кого-то из парней прикупить молока.

– Пока у себя придерживу. Давно собаку хотел завести, а тут целых два волка, на выбор, – ответил Алёша, наблюдая за играющими в приёмной найдёнышами. – Главное, отцу не говори, – тотчас добавил он.

Отец собак не любил, а волков и подавно. По молодости ему довелось с оборотнем сразиться, на лице до сих пор шрам бледнел. Эти вон тоже... Странные волчата, тихие очень. Но в людей не оборачивались и вели себя по-звериному, а как иначе волков от оборотней отличить, Алёша не знал.

– Найти бы этого Лютого да расспросить, что он с ними сделал и как они в подполе очутились. – Святослав бросил недовольный взгляд на лежащую на столе верёвку. У чёрного волчонка даже шерсть на шее повылезла, так она его сдавливала. – Но волчата теперь – твоя забота. Лучше скажи, сгоревший дом – это не случайность?

– Не случайность, там колдун поработал. Вспыхнуло сразу в нескольких местах. Похоже, колдовства у поджигателя было предостаточно, а вот опыта мало – с сырой силой работал. – Алёша одним глотком осушил кружку с водой, тут же наполнив её ещё раз.

На месте пожара побывало немало людей и натоптали там так, что следов не отыщешь. Но у колдовства свой след был, и его Алёша почуял. Не настолько сильный, чтобы по нему виновника найти, но он запомнил.

– Предлагаешь собирать ребят? – сразу напрягся Святослав.

– Зачем? Только испугнём. Я поброжу вечером по городу, может, замечу чего. И про Лютого поспрашиваю, вдруг он колдуна этого знает?

– Много ты в праздник заметишь, – проворчал старший сыскарь. – Скорее, окончательно нюх отобьёшь. Колдовством все, кому не лень, баловаться будут! Кто своими силами, кто артефактами купленными.

– Вдруг повезёт? – упрямо возразил Алёша.

Святослав махнул рукой. Хочет, пусть ищет.

Уговорить волчат покинуть тёплый облюбованный кабинет, где кормили и разрешали играть, было непросто. Чёрный найдёныш зарычал, едва Алёша достал поводок, а белый так и вовсе забился под стол, глядя оттуда круглыми глазищами.

– Да не обижу я вас! Но до дома далеко, а без поводка нас в колымажку не пустят. Я не уверен, что даже с ним пустят! – с досадой воскликнул Алёша и обернулся на застывшего в дверях Святослава, с усмешкой наблюдающего за его попытками найти к зверью подход: – Дядя, они меня не слушают!

– А должны? – Тот приподнял брови. – И я просил не называть меня дядей на работе, – укоризненно добавил он.

– Святослав Вранович, помоги, бога ради!

Старший сыскарь отлип от косяка. Присел на корточки, протянув руку с куском сыра ладонью вверх. Чёрный волк долго-долго смотрел, затем нерешительно подошёл и сыр сцапал. Широко облизнулся.

– Будешь хорошим мальчиком, дам ещё, – предупредил Святослав, показывая второй кусочек. На этот раз положил на пол.

Волк тотчас принялся за трапезу, а Алёша и сам не заметил, когда сыскарь вытянул широкий кожаный ремень и закрепил на шее волка. Не туго закрепил, скорее обозначая, чем по-настоящему удерживая. Волчонок покосился, но рычать не стал. Только ткнулся мордой в руку – мол, дай ещё сыра. И с третьим куском успокоился.

– Теперь сестрёнка. – Святослав протянул руку с сыром ко второму найдёнышу, не забывая трепать черныша за ушами.

– Это волчица?

– Ага, красавица. Редкий окрас. Как подрастёт, все волки её будут, – ухмыльнулся сыскарь, терпеливо дожидаясь, пока волчица решит подойти. С ней было сложнее. Наверное, не подтолкни её брат носом, она так и не выбралась бы из-под стола.

Кучер на волчат посмотрел с испугом и затребовал двойную плату, но Алёша и тройную был готов заплатить, лишь бы подвезли. К родителям нельзя, отец волков в доме не примет. Ну да Алёша там и не живёт. С недавнего времени он съехал в пустующий дом деда Митрофана. Тот в Ярограде бывал редко, но дом приобрёл, чтобы не навязываться каждый раз к дочери, и внуку разрешил гостить там сколько душе угодно.

– Вот, здесь вы и будете жить, – заявил Алёша, впустив волчат в горницу.

Те тут же разбежались по углам, разнюхивая и разглядывая. Ну, пусть обживаются. Оставив волков знакомиться с домом, Алёша налил в миску молока, положил немного каши с мясом – сам вчера кашеварил, отличная получилась, без комочков и не жирная.

Молоко волчатам понравилось. Каша – не очень. А чёрный волчонок и вовсе стал нарочито тыкаться носом ему в руки – мол, у другого человека был вкусный сыр, а твой где?

– Будет вам сыр, – пообещал Алёша, делая себе мысленную пометку, что купить на ярмарке. – А пока ведите себя хорошо, не шалите. Буду к ночи, – наказал он пушистым гостям, взял собранный с утра букет и вышел из дома: негоже на званный ужин опаздывать.

Матушка ждала гостей. Принарядилась, косу алой лентой переплела. Но главным украшением была улыбка – тёплая, добрая, от которой на сердце светлее становилось. Красива была Лада Митрофановна, что двадцать лет назад, что сейчас. Хоть и морщинки у глаз высыпали.

Вручил Алёша букет, и сам тотчас в объятиях матушки оказался.

– Заходил бы ты почаще, Алёшенька. Мне тебя видеть – других подарков и не надо, – призналась она, а сама к столу его повела. Вдруг как в одиночку он поест хорошо не сподобится? А тут тебе и капустный пирог, и щука запечёная, и утка в молодильных яблоках.

Букет почётное место посреди стола занял. Не успел Алёша сесть, как Кощей с Василисой явились. Расцеловались сёстры в обе щёки.

– Ваня вам пожелания наилучшие передаёт и сожалеет, что к празднику не успеет. Вран его с собой в лес на неделю увёл, воздухом свежим подышать, поохотиться. Наврал с три короба, что жар-птицу там отыщет. Не вернулись ещё, – развела руками Василиса.

Алёша тихо фыркнул. Двоюродный брат его хоть и премудрый был, а такой дурак иногда!..

Вскоро и отец спустился, с Дариной на руках. Сестрёнка как Алёшу увидела, тотчас захныкала, чтобы на пол поставили, и топ-топ-топ – к старшему брату на колени перебралась. Маленькое пушистое солнышко. Сколько родители с её волосами не возились, а они всё в разные стороны золотым снопом разлетались. Хотя Алёше так даже нравилось.

Следом за младшенькой и Ясиня из Колдовской Башни пожаловала. Зашла в дом, с достоинством отцу и матери поклонилась. У них с Алёшей семь лет разница была, и сестрица совсем взрослой стала, заневестилась. Да только сколько ни воспитывай, а нрав у неё всё равно оставался неугомонный – под нарядный сарафан сестрица сапоги охотничьи надела. Все заметили, но вслух никто ничего не сказал.

Хороши были семейные посиделки, с шутками, прибаутками да беседами душевными. И не вино терпкое ударило в голову, а смех искренний и чистый. Дарина так развеселилась, что крутилась на его коленях, как вьюн. Смеялась заливисто. А затем вдруг раз – и все свечи в комнате ярким пламенем вспыхнули. Отец рукой повёл, пламя приглушая, да свечи вдвое укоротиться успели.

– Эдак скоро новые покупать придётся, – заметила Василиса.

– Третий раз за месяц, – призналась матушка. – Дарина всё никак с силой не совладает.

– Мелкая ещё потому что, – буркнула Ясиня.

– А не помнишь, как сама в её возрасте баловалась? – вступился за младшую сестрицу Алёша. – Так же колдовала, только вместо огня – лужи. Будто в пруду поселились, так и думал, что квакать начнём.

– Не было такого! – вспыхнула Ясиня.

– Было-было.

Они немного поспорили, повспоминали, но всё больше приходилось говорить шёпотом. Дарина начала клевать носом, а затем уснула. Устала после колдовства.

– Давай мне, уложу. – Кощей с улыбкой забрал внучку у Алёши, взял её на руки, погладил по голове, а Василиса, наклонившись, оставила на её лбу поцелуй. – Сильная колдунья будет!

– Сильная... – эхом повторил Алёша.

Если его трёхлетняя сестра одной силой мысли зажгла свечи в доме, то на что способен взрослый необученный колдун?

* * *

От родителей Алёша вышел в растрёпанных чувствах. Он был уверен, что нащупал верную ниточку. И как сразу не подумал, что

чистой силой чаще всего неопытные колдуны пользуются?

Вот бы поспрашивать на воротах, не приезжали ли молодые колдуны в город. Глядишь, и найдётся поджигатель! А нет, так тот рано или поздно себя сам выдаст – сила колдовская наружу прорывается, если не умеешь её сдерживать.

Однако сейчас Алёша спешил не к воротам, не в управление и даже не домой к волчатам, а к цветочному саду. Взволнованно отёр руки о штаны, остановившись у калитки. Освободилась? Придёт ли? От волнения кружилась голова и сердце колотилось в груди, будто он залез к соседям воровать малину.

– Ждёшь кого-то, добрый молодец? – раздалось от изгороди, и Мила показалась из-за неё с большой корзиной цветов в руках. В алом платье, с двумя тугими косами, она и сама напоминала яркий цветок. И даже шрамы в вечернем свете выглядели таинственной вязью, изящной и в чём-то красивой.

– Уже дождался, красна девица, – выдохнул он в восхищении и подал ей руку.

Вспыхнули оба, но пальцы не расцепили. Слово ничего важнее не было, чем держаться за руки.

На площадь стекался народ. Лавочки и не думали закрываться, торговцы зазывали покупать сладкие булочки и сахарные яблоки. Мальчишка-карманник заинтересовался глупо улыбающимся спутнице сыскарем, но был пойман, оттаскан за ухо и благоразумно исчез в толпе.

– Ох и суров ты, Алёша Финистович, – пошутила Мила, а сама будто невзначай прижалась к его плечу. «Суровый сыскар» покраснел как мальчишка.

Здороваясь со знакомыми лоточниками, Мила шутила и перебрасывалась с ними ничего не значащими вежливыми фразами. Корзина с цветами, которую Алёша отобрал у неё и теперь гордо нёс сам, понемногу скудела: цветы девушка продавала местным торговцам, а те, в свою очередь, влюблённым мужчинам на площади: в этот вечер многие желали порадовать любимых свежими букетами. Танцы танцами, а выгоду Мила упускать не собиралась.

– Как прошла сегодняшняя встреча? – поинтересовался Алёша, когда корзина опустела.

– Прекрасно! Правда, сначала торговцы кричали, что не будут слушать какую-то девку. А когда я спросила, про какую девку они говорят – вроде все тут уважаемые люди, давно друг друга знающие, затихли и настроились на работу. Так что с тканями и поставками мы определились. И отец написал, что через пару недель приедет – полегче станет.

– Это хорошо.

– Ну, как посмотреть. Когда батюшка дома, я по вечерам уходить не смогу. Разве что сбегать? Как тут устоять, под такую мелодию? – подмигнула Мила, посмотрев в сторону сцены, куда начали подтягиваться музыканты.

– Потанцуем? – Алёша задвинул корзинку под скамью и понятливо приобнял Милу за талию, дивясь собственной смелости.

А ноги уже сами несли в пляс, алая юбка взвивалась вокруг него, и Мила смеялась и кружилась, как язык пламени.

* * *

– Уф! Умаялась.

Подруга упала на мягкую траву, раскинув руки и глядя в небо.

Как здорово, что они выбрались на праздник! Яроград бурлил, пел, плясал. И даже стражи, присматривающие за порядком, добродушно усмехались в усы да отпускали мелких нарушителей подобру-поздорову. Алёша вмешался единственный раз: когда какой-то подвыпивший колдун выпустил огненный шар, решив покорить этим свою зазнобу, но не удержал пламя в руках. От огня чуть не загорелся деревянный помост. Впрочем, потушить его не составило труда, а разбуянившегося колдуна отправили домой.

– Ты как, живой? – Мила лениво повернула голову.

Они танцевали, пока держали ноги, а потом, поддерживая друг друга, выбрались в городской сад. Тут было много парочек, и они то и дело натыкались на хихикающих влюблённых, и сами хихикали так же глупо. Вечер пьянил похлеще выпитого вина, а в голове было легко-легко.

– Почти...

Алёша присел рядом. Он и прилёг бы, но сейчас не был уверен, что сможет держать себя в руках. В толпе, среди возможных знакомцев, он обнимал Милу бережно и осторожно, соблюдая все приличия. А здесь, где их никто не видит, сможет ли он устоять от соблазна? Руки всё ещё помнили манящие изгибы девичьего тела, и хотелось узнать, каковы её губы на вкус.

– Смотри, смотри! – Мила дёрнула за рукав, а когда Алёша наклонился, ловко повалила его на спину. – Что ты сидишь в сторонке, как не родной?

– Да неудобно же...

– Неудобно штаны через голову надевать! Мы тут вдвоём, кого стесняться? – Она снова легла, закинув руки за голову. – Лучше погляди, какое небо!

Небо и правда было волшебным. Они удачно успели: над ними с грохотом расцветали колдовские шары. Алёша тоже так умел, но не любил кичиться колдовством: родители с детства приучили скрывать свою силу. Но с Милой можно было не притворяться – и когда фейерверки закончились, он выпустил ещё несколько искрящихся цветов в небо.

– Звёздный букет для прекрасной цветочницы, – улыбнулся Алёша на невысказанный вопрос.

Мила хихикнула, но, поймав его внимательный взгляд, смутилась. Улыбка стала какой-то задумчивой.

– Знаешь, один из тех купцов, что сегодня на совете выступал, хочет ко мне сватов прислать, – вдруг призналась подруга.

Весь хмель как ветром сдуло. Алёша сел, серьёзно посмотрев на неё.

– А ты что?

– Дам отворот поворот. Не первый раз уже. Батюшка, конечно, побранится: боится, что я перестарок, ещё год-два – и никому не нужна буду. Только и мне такой муж без надобности.

– А какой... нужен? – спросить отчего-то было непросто. В ушах зашумело, и сердце забилося сильнее, хотя, казалось, и так стучало молотом.

– Чтобы можно было поговорить обо всём. Или помолчать, когда разговаривать не хочется. Чтобы он меня не дополнением к горнице

видел, а ровней, подругой своей. И цветы дарил... звёздные, – совсем тихо добавила она, но взгляда от Алёши не отвела.

И показалось так правильно – наклониться и поцеловать её губы: сладкие, податливые. Целовать неспешно, не боясь, что Мила оттолкнёт, с теплом и нежностью.

– Не хочешь посмотреть волчат у меня дома? – прошептал он, когда они наконец отстранились друг от друга. И запоздало сообразил, как это прозвучало: будто он предлагал ей показать картины в опочивальне! Жаром полыхнули уши. Мила поглядела на него очень внимательно, и тотчас захотелось объясниться, что он ничего такого не имел в виду. Хотя нисколько не против и даже за. Но все слова застряли в горле.

– А давай, – согласилась она и отвернулась, скрывая улыбку.

Только волчата ведь в самом деле были! Встретили их у дверей, издалека учуяв Алёшу. Проголодались, похоже – миски с молоком и кашей уже опустели.

– Ой, и правда волчата! – Мила присела на корточки, мазнув подолом по полу. Волчата тотчас обступили её, потягивая, а она с явным удовольствием чесала то одного, то другого. К нему они так не ластились! – Где ты их нашёл?

Пришлось объясняться. Сперва, правда, Алёша на кухню умчался, умылся студёной водой из бадейки, а затем и вовсе обернулся луном и в ту же бадейку ухнул, чтобы в голове прояснилось. Немного отпустило.

Едва волчата услышали имя «Лютый», как ощерились и зарычали. Мила успокаивающе погладила их и преспокойно перетасила обоих к себе на колени. Поместились, конечно, только головы, но, кажется, волчат это вполне устроило.

– Слышала я про Лютого, пока искала поставщика тканей, – припомнила Мила, перебирая мягкую шерсть. – Вроде как он охотник за диковинками. Приехал издалека, пытался торговцам говорящее зеркало втюхать и цветочек аленький. Но у нас после ковра летающего, молью пожранного, к артефактам с опаской относятся. Так ничего и не продал.

– А колдуна-приятеля у него не было?

– Кто ж его знает. Мне с ним пересекаться не с руки было. – Мила пожала плечами и посерьёзнела. – Вот только я бы ему волчат не

отдала. Не для себя он их в подполе держал, на продажу готовил. И как бы не колдуну твоему неведомому для зелий чернокнижных.

Волчата задрожали, будто речь человеческую поняли. Алёше и самому не по себе сделалось.

– Не волнуйся. Я их забрал, сам за них отвечать буду, – пообещал он и, приблизившись, тоже по голове волчат погладил. Их пальцы соприкоснулись – будто молния пробежала, и Мила подняла голову, прикусила губу от смущения.

– А что-нибудь, кроме волчат, у тебя посмотреть найдётся? – выдохнула она.

Алёша подал ей руку и будто в прорубь ухнул.

* * *

С того вечера время для Алёши изменило ход. Никогда раньше не было так мучительно с утра успевать в сыскное управление. Выбираться из тёплых объятий подружки – или, правильнее сказать, зазнобы сердечной, – было ой как непросто! Он тянул до последнего, вместо завтрака яблоком молодильным перекусывал, силы восстанавливая. Ещё сложнее было не сиять, как начищенная монетка, зная, что дома ждут.

Мила окончательно подружилась с его найдёнышами, а волчата начали признавать Алёшу, и все трое встречали его с работы: кто нежным поцелуем, а кто радостным тьяканьем. Казалось, жизнь наладилась! Даже грядущее возвращение Борея вызывало лишь предвкушение: кузнец взялся ковать заветный браслет для сватовства, и отпускать своё счастье Алёша не собирался! Ну а в том, что Мила ему согласием ответит, сомнений не было.

Кто же знал, что это счастливое затишье перед бурей?

В сыском управлении с утра было непривычно тихо. Стражники, в последнее время зубоскалившие над влюблённым парнем, будто и не заметили его, и Алёша с дурным предчувствием зашёл в кабинет.

– Случилось чего?

– Случилось. – Святослав, хмурый и серьёзный, постучал пальцами по столешнице. – На рассвете оборотни приходили, просили о помощи. Ну как просили – предупредили, что, если мы не сдюжим,

они за поиски сами возьмутся и с жертвами не посчитаются. Честно скажу, я их понимаю: у них детей из стаи похитили. Детишки несмышлёные ещё, обращаться толком не умеют.

– Когда? – тут же насторожился Алёша.

– Две недели назад. Сказали, охотник на стаю набрёл, попросился переночевать. А утром ни охотника, ни детей... Чёрный и белый волчонок пропали. – Он прямо посмотрел на подчинённого, давно догадавшись, в чём соль, и Алёша выбранился, осознав, кого вытащил из подпола. Но, по крайней мере, дети были живы и относительно невредимы.

– Они у меня дома. Сейчас приведу, – выдохнул он. Теперь-то ясно стало, отчего волчата порой вели себя так разумно. И почему сыр любили, а к сырому мясу так и не притронулись.

– Веди. Я приказал поймать Лютого. Если он оборотням попадётся, они самосуд устроят, а мне этого в городе без надобности.

– Уже лечу.

Седой лунь спешно вылетел в окно. Терпение оборотней лучше было не испытывать.

Ближе к дому Алёша почуял смутную тревогу. Будто не свою: чужой страх, липкий, колющий, заставляющий сердце леденеть и сжиматься. Лунь сделал крутой разворот, ударился о землю. Воздух заискрился колдовством, а затем гроыхнуло так, что уши заложило. На улице раздались крики, засуетились люди.

Без сомнений, это был тот самый колдун, что устроил поджог в доках – Алёша узнал силу. Ворвался в горящий дом, чтобы обезвредить преступника... но вместо колдуна увидел прижавшихся к Миле брата и сестру, лет трёх-четырёх, не старше. Колдовская сила кружила вокруг детей, чистая, глубокая. А подруга обнимала их и с вызовом смотрела куда-то за стену огня. Туда, откуда на них шёл высокий охотник с самострелом в руках.

– Отойди от волчат, девушка. Или умереть за них хочешь? – хриплым голосом спросил Лютый.

– Не трожь!

Гибкая ветвь попыталась схватить охотника за руку, но тот лишь отмахнулся.

– Я за своим пришёл.

– Твоего тут нет.

Отступать Мила не собиралась.

– Да какое тебе дело до этих зверёнышей? По-хорошему не хочешь, придётся иначе тебя вразумить.

Он вскинул самострел – и выронил его, выбравившись. Оружие раскалилось в его руках.

– Щенки! Да я вас голыми руками...

Договорить он не успел – Алёша налетел на охотника, от застывшей глаза ярости забыв, что сам может колдовать. И неважно, что Лютый – косая сажень в плечах, Алёша и сам не тростинкой вырос. Убил бы, если б не вмешалась стража: удержали, оттащили. А там и Мила обняла, зашептала, чтобы успокоился. Её голос разум вернул. Непросто было принять, что опоздай он – и всё могло закончиться трагедией.

Одно дело уладить оставалось. Алёша опустил на корточки и протянул детям руки.

– Идите-ка сюда.

Похоже, довериться для них было непросто. Шаг, другой. Юноша терпеливо ждал, позволяя чужой силе клубиться вокруг него и изредка успокаивая лёгкими прикосновениями. Хватит огня вокруг, и без того сени теперь перестраивать.

Наконец маленькие ладошки с опаской коснулись его, и Алёша прикрыл глаза. Представил зелёный луг, мирный шелест травы, безмятежное голубое небо. Дети успокаивались вместе с ним, и пробуждённое в них колдовство засыпало, чтобы спустя несколько лет проявиться с новой силой.

* * *

В волчат его найдёныши больше не обращались. Они по-прежнему боялись чужих, но липли к Алёше и Миле – то ли добро помнили, то ли чуяли по-звериному, что их не обидят. Пришлось Алёше на встречу с оборотнями идти, чтобы малышей передать. И вроде как можно было вздохнуть с облегчением, но отчего-то тоскливо стало на душе, когда отпустил детей к стае.

Мила ждала его на крыльце с большой корзиной в руках.

– Тяжко?

– Не то чтобы... – начал было Алёша, но поймал понимающий взгляд и признался. – Привязался я к ним. Вроде всего неделя прошла, а как будто...

– Тогда держи. Чтобы не грустить.

Она с уверенностью протянула ему корзину, и Алёша, приняв её – ох и увесистая! – откинул расшитое полотенце. В корзинке сидел голубоглазый щенок и с любопытством смотрел на него.